Зауре Омарова

Истоки

Книга-эссе о жизни замечательных людей, внесших свой неоценимый вклад в развитие Казахстана в XX веке

ББК 87. 3.
О-57

Издано по программе Комитета информации и архивов
Министерства культуры и информации
Республики Казахстан

О-57 **Омарова З.**
ИСТОКИ. – Алматы, "Өлке", 2006 – 256 стр.

ISBN 9965-742-86-3

В истории Казахстана было много выдающихся женщин, одна из таких ярких женщин Зауре Омарова. Автор в своей книге повествует о радостях и трудностях работы в качестве инженера Карагандинской шахты, депутата Верховного Совета СССР и КазССР. Зампредсовмина и Министра Социального обеспечения Казахской ССР. Много познавательного читатель узнает о жизни гражданского населения довоенного и послевоенного времени. Интересные факты строительства объектов, таких как, Капчагайское водохранилище, Бухтарминская ГЭС, о появлении телецентров, газификации городов.

Данная книга рассказывает об истоках становления нашей республики Казахстан в составе СССР, о замечательных людях, которые внесли свой неоценимый вклад в ее развитие. Молодому поколению поможет по-новому взглянуть на историю родного края.

ББК 87. 3.

О $\frac{0301020000}{00\ (05)\text{-}06}$

ISBN 9965-742-86-3

© Омарова З., 2006
© Издательство "Өлке", 2006

Посвящаю светлой памяти дорогих родителей Копена Жиенбаевой и Садвакаса Нысанбаева.

Предисловие

Я не писатель и не журналист, по специальности – горный инженер. Начиная с шахты и далее по шахтным делам проработала десять лет (1948 – 1958). В эти годы избиралась депутатом городского Совета. Затем два созыва (IV-V, 1954 – 1962) Верховного Совета СССР.

Одновременно со своей основной должностной работой много приходилось заниматься выполнением депутатских наказов. В связи с этим часто виделась, встречалась с союзными руководителями, начиная с Хрущева Н.С., Брежнева Л.И., министрами и ответственными руководителями союзного ранга. По каждому отдельному вопросу приходилось персонально обращаться к ним, просить настойчиво и убедительно.

В те годы все, касающееся выполнения наказов избирателей, особенно по выделению ассигнований для строительства тех или иных объектов, удавалось решать только через Москву, через министерства и ведомства союзного значения.

Известно, что все средства Москва направляла только тем территориям, где проходила война. Таким республикам, как наш Казахстан мало, что доставалось из союзного бюджета. Правда, целевым назначением они выделялись для поднятия целины. Это тоже было адресно.

После войны жизнь народа Казахстана была нелегкой, если не тяжелой. Не хватало самого элементарного, начиная с продуктов питания, одежды. Что касается жилья, объектов культуры, образования, просвещения, здравоохранения, телефонной связи и другого, народ хотел все это иметь безотлагательно.

В этой связи роль народных депутатов была большая. Мне приходилось работать напряженно, и результаты были на лицо. За работой я времени не замечала.

Ответственность перед государством, партией требовали от меня честности, добросовестности. Семья, муж, дети – это особая статья, изначально Богом утвержденная.

Писать мемуары я не собиралась, хотя друзья советовали. Но потом подумала все же. Ведь я видела то, что не все могли увидеть и лично познать людей, беседовать с ними, решать для них наболевшие вопросы. Поэтому решила напомнить о прошедшем.

Точка отсчета при написании – это мои родители, родительское начало в моей жизни, взросление. Для себя считаю, что самое доброе, значительное в моей жизни, это папа и мама. Я признательна им и храню благодарную память о них.

При изложении для меня было немало трудностей. Это отличать существенное от второстепенного, но, это второстепенное – тоже черта времени, в котором проходила моя жизнь, события. Кое-что стерлось из памяти, хотя я не очень жалуюсь на нее.

В создании мемуаров мне помог частично сохранившийся личный рабочий архив, записки. Они хранятся в Президентском архиве (АПРК – фонд 36–Н, опись 1).

Из всех трудностей мне удавалось выходить. Спасибо Всевышнему за то, что Он хранил меня и поддерживал!

РОЖДЕНИЕ

Я, Зауре Садвакасовна Омарова, родилась в 1924 году 28 ноября в местности Дюсембай, что расположена в нескольких километрах от рабочего поселка Карсакпай Жездинского района Карагандинской области, в семье крестьянина. В природном отношении в этой местности имеются небольшие горы, пригорки и речушка Дюсембай, по берегам которой растут густые тальники, также имеются здесь неплохие сенокосные угодья, пастбища для скота и земли для богарного хлебосеяния.

По рассказам моих родителей, в тот год необычно долго стояла теплая осень. Люди давно перебрались с жайляу, с летовок ближе к своим зимовьям, но в дома - избы еще не въезжали с целью экономии топлива, заготовленного на зиму – кизяка, кия, кокпека, тобылги и других кустарников. Скот еще вдоволь пасся в степях, без стойлового содержания.

В день моего рождения внезапно пошел первый снег, и роды принимали в юрте, расположенной у избы. Отца дома не было, накануне он срочно с аульчанами куда-то уехал, а все хлопоты, связанные с предстоящими родами, поручил своей снохе Инкар, жене своего старшего брата Абена. Отец оставил на зарез по случаю рождения ребенка, черного упитанного козла, которого сам лично откормил за осень. Думалось, что роженице будет полезно для ее здоровья именно козлиное мясо.

До моего рождения у родителей родились и вскоре в малолетнем возрасте умерли двое детей, это Зейнеп и Абдильда. Конечно, можно их понять, как они хотели и ждали следующего ребенка. Но мое рождение (по рассказам моей мамы) нашей семье принесло массу неприятностей.

Как-то, накануне, пользуясь отсутствием отца, воры увели единственного верблюда – одногорбого Нара. Затем волки разорвали черного иноходца, это был подарок бабушки Бопиш (маминой мамы) своему внуку – первенцу Закрие. Далее в тот год из четырех коров двое остались яловыми и т.д. Главное, проездом кто-то сообщил, что чей-то родственник в ауле сбежал с Акмолинской тюрьмы. Его

настигла милиция, ранили в живот. Несчастный при этом продолжал еще бежать, волоча кишки по снегу, он здесь и скончался.

Итак, внезапно пошел густой снег, настала зима. Все спешно стали перебираться в свои так и непротопленные избы.

Мама, расстроенная этими событиями, решила мое рождение особо не праздновать, не дав даже имени. Дедушка Нысамбай, живший поодаль, узнав от старшего внука Закрии все новости, велел передать снохе (моей маме), чтобы она не расстраивалась, а делала все, что положено при рождении ребенка, праздновала и дала имя. При этом сказал, что завтра приедет и сам. Так и сделал, приехал, был весел, по обычаю имя Зауре прокричал мне в ухо он сам.

В этой местности родились и прожили все мои предки: прадед Конысбай, мой дедушка Нысамбай и его семеро сыновей и дочь тоже родились в Дюсембае, прожили здесь. Позже большинство из них разъехались кто куда. Сыновей Нысамбая звали: имя старшего не помню, затем Абен, Сыздык, Садвакас, Сулеймен, Жакия и Зейнель.

В период коллективизации здесь был организован единственный колхоз им. Ворошилова, который давал стране много сельскохозяйственной продукции: мяса, хлеба, молока и даже бахчевые.

Мой прадед Конысбай владел солидным хозяйством, совершил хадж в Мекку. К сожалению, он оттуда не вернулся, умер. Надо полагать, как каждый мусульманин в то время, он, наверное, был весьма доволен случившимся во время хаджа, то есть болезни и смерти там.

Дедушка Нысамбай, сын Конысбая, со своего аула выезжал только в Ак-Мечеть (Кзыл-Орда) и больше никуда не ездил. Прожил 72 года, умер и похоронен на вершине самого высокого холма в Дюсембае. Могила его есть и сейчас.

Бывая в этих местностях, мы, внуки и внучки обязательно посещаем его могилу. Дедушка, в силу своих возможностей, учил своих детей грамоте, ремеслу своего третьего сына, моего отца Садвакаса, он учил в Ак-Мечети, в медресе.

НАША СЕМЬЯ

После смерти своей матери отец вернулся к себе домой, чтобы помогать семье, младших братьев воспитывать. Дома он учился сапожному, портновскому делу. Для этого дедушка привозил на несколько месяцев из Ак-Мечети мастеров по сапожному, портновскому делу к себе домой в аул. Поскольку мама моего отца скончалась при родах своего младшего сына Зейнеля, моему отцу пришлось выходить Зейнеля с пеленок, еще двух братьев старше Зейнеля воспитывать, учить грамоте и т.д. Он заменил для братьев младше себя чуть ли не мать. Отец мой женился на моей маме Жиенбаевой Копен (ей было 23 года) только в свои 25 лет. Их свадьба все время откладывалась, хотя помолвлены были гораздо раньше, в 13 и 15 лет.

У наших родителей нас выживших детей шестеро из восьми родившихся, я четвертая и после меня два младших брата. Мама наша неграмотная, хотя отец пытался учить ее грамоте, но ей было недосуг. Я хорошо помню уроки ликбеза, которые вел отец для своих близких родственников, снох у себя дома. Отец рассказывал, что в ауле пытался учить своих детей грамоте. Вскоре, в соседнем ауле открылась первая советская школа, куда первых трех детей отвозил на постой к родственникам, хотя у тех самих было много детей. Разумеется, для нормальной жизни и учебы здесь условий не было. Дети были грязными, неухоженными, похудевшими, несмотря на то, что из дому продуктами их обеспечивали достаточно. Мой папа рассказывал, как ему до слез было жалко своих детей.

И с этих пор из-за учебы детей он решил раз и навсегда расстаться с аулом, с хозяйством и переехать в Карсакпай. Действительно, вскоре приехавший один, устроился рабочим и стал работать разгрузчиком руды на рудничном дворе. Первое время жил в общежитии для рабочих, но ему обещали, что семье дадут квартиру в строящемся доме. Поскольку скоро начались занятия в школе, отец перевез семью в общежитие, там дали одну большую комнату на семь человек. А также родители установили свою юрту прямо у окна комнаты общежития.

Юрта служила еще и помещением для домашних вещей. С наступлением холодов стали забивать на зиму пригнанную из аула скотину. Их тушки развешивали кругом внутри юрты. Таким образом, юрта служила складом, хранилищем для продуктов – курта, иримшика, масла в карыне, пшеницы в мешках и других продуктов, заготовленных в ауле летом.

Отец отдал старших детей учиться в школу. Сам работал, стал хорошо зарабатывать, получал премии. Вскоре ему присвоили звание «Ударника коммунистического труда». С должности разгрузчика руды в рудничном дворе его перевели флотатором на обогатительную фабрику, где он и проработал до выхода на инвалидность.

К весне, как обещали при приеме на работу, по окончании строительства шестиквартирного дома, нашей семье дали квартиру. Мы переехали в новую светлую двухкомнатную квартиру по улице Садовая 6, квартира 2. Мы все были крайне счастливы. В этой квартире наша семья прожила долго.

Из шестерых детей пятеро после окончания средней и неполной средней школы уехали учиться в ВУЗах, техникумах в разные города еще до войны и в годы войны. Это Закрия и Зияда, старшие братья, сестра Зина и мы, младшие, я и брат Мухамедия.

Война так и не дала закончить старшим братьям и сестре свои институты. Братья пошли в армию, оттуда на фронт, а Зина вернулась со второго курса университета домой, чтобы помогать родителям учить нас двоих с Мухамедией. Зине пришлось окончить университет и ВПШ (Высшую партийную школу) после войны.

Брат Зияда был талантливым журналистом. Учась еще в Алма-Ате, будучи студентом Казахского института журналистики, часто писал статьи в газете «Лениншіл Жас». Даже с гонораров мог прислать родителям деньги. Зияда погиб при прорыве блокады Ленинграда.

Старший брат Закрия после участия на двух войнах – финской и Великой отечественной, вернулся домой только в 1946 году. Закрия работал на Карсакпайском комбинате главным бухгалтером. После вступления в строй «Большого Жезказгана» его назначили главным

бухгалтером медеплавильного завода Жезказганского горно-обогатительного комбината. Здесь он проработал до 75 лет и вышел на пенсию. Потом трудился в саду и на огороде. В 2003 г. он умер в возрасте 88 лет.

Младший брат Мустафа также работал на медзаводе. В должности мастера электролитного цеха вышел на пенсию, сейчас ему 73 года. Занимается подсобным хозяйством, как говорится, в это «трудное переходное время» он помогает своим детям, внукам. Сестра Зина преподаватель Карагандинского университета, ушла из жизни в 64 года, в 1984 году.

Брат Мухамедия, мастер конгломератного цеха Соколовско-Сарбайского комбината, вышел оттуда на пенсию, переехал в Жезказган, умер в 67 лет. У него пятеро детей, все имеют высшие образования, хорошие специалисты своего дела, это Резеда, Мухаддас, Найля, Нурия и Гуля.

Мой отец Нысамбаев Садвакас работал, как выше сказано, рабочим с 1928 года. Отсутствие охраны труда на Карсакпайских предприятиях приводило к заболеванию рабочих силикозом, что было неудивительно при каждодневном вдыхании медной пыли. Отец также не избежал этой тяжкой болезни, в результате стал инвалидом II группы, и ему пришлось оставить работу на заводе и перейти на более легкий труд.

По началу работал в райбыткомбинате сапожником. Потом сторожем на стройке, а также строил амбары колхозам. Кстати, родители сочли целесообразным лечение при его болезни только кумысом и кымраном. Для этого поменяли единственную корову на дойную верблюдицу, затем – на дойную кобылу. И так из года в год. К тому же хороший уход со стороны нашей мамы.

Хочу особо отметить, что наши родители при всей занятости работой на заводе или домашними хлопотами, находили время заниматься детьми. Нас двоих, меня и младшего брата устроили в детсад при заводе. Здесь мы впервые услышали о революции, о Ленине. Я помню, по вечерам отец нам рассказывал казахские сказки, и мы с упоением его слушали.

Отец возвращаясь с работы, обязательно что-нибудь

нам приносил. Это были то картинки, рисунки, красочные буклеты, о них давал разъяснения. Когда мы начали учиться, то добивался, чтобы красиво писали каждую букву латинского алфавита. Показывал, как правильно держать карандаш, ручку. В младших классах следил за нашей успеваемостью, особенно за арифметикой, а в старших классах – за математикой. Бывало по приходу из школы, в первую очередь спрашивал нас, какую получили оценку на сегодняшний день по арифметике, математике. Все это я поняла позже.

Удивительно то, что в советское время отец не учился ни по-казахски, ни по-русски, а читал, писал и нас учил всему. Самообразованием занимался всю свою жизнь, и будучи достаточно образованным, по старым духовным школам, ему не составило труда после арабского алфавита освоить алфавит сначала по латыни, затем по кириллице.

Однажды у нас дома появился красочный буклет, где рассказывалось о двух мальчиках – Асане и Усене. Асан – сынишка бая, а Усен – бедняка. Мне, ребенку, было по детски жалко работящего, но худого и в лохмотьях Усена, а толстый неумеха Асан вызывал презрение. И впечатление было настолько глубоким, что я решила уточнить у отца кем он сам был, баем или кедеем, богатым или бедным? Отец отвечает, откуда быть баем. Я тогда переспрашиваю – сколько было у тебя скота? Он отвечает, ну было всего тогда около 40 голов, это вместе с телятами, ягнятами, козлятами и говорит, что в то время для казаха это было малое количество скота.

Ответ отца я запомнила на всю жизнь. Забегая вперед, скажу, что в 1947 году, когда меня принимали в институте на четвертом курсе в кандидаты члена партии большевиков, эти «сорок голов» встали передо мной.

На партийном собрании, обсуждая мою кандидатуру, мое соцпроисхождение, профессор Цейтлин (он нам читал «Горное дело») задал вопрос: «Мы же были в Казахстане. Скажите, сколько было у твоих родителей скота?». Я ответила, вспомнив разговор в детстве с отцом: «было 40 голов». Тогда партсобрание загудело, сказав, что в анкете тогда неправильно указано, что соцпроисхождение не из бедняков, а надо – из середняков, нужно исправлять.

Видимо, я растерялась, поскольку сильно волновалась, не нашлась ответить, что в условиях Украины, где в основном земледелие, плюс «40 голов» это уже действительно середняки. Вот таким образом партийное собрание определило мое соцпроисхождение – из бедняков в середняки. Так прошло и при вступлении через год в 1948 году в члены партии большевиков. Вопрос с моим соцпроисхождением стал передо мной и в карагандинском обкоме партии. Об этом рассказ позже будет.

Говоря о своем детстве, о детских годах, я с удовлетворением вспоминаю о родителях, о нашей семье где царила дружба, уют в доме, забота, доброжелательность членов семьи друг к другу, всеобщая занятость. Принято было дома не шуметь, говорить вполголоса. Правда, исключение составляло радио, эта черная тарелка висела высоко на стене, никогда не выключалась, мы к голосу этому привыкли, могли при включенном радио делать уроки.

В 1933 году я пошла в школу № 1 казахско-русскую смешанную, на казахское отделение. Училась с большим интересом, желанием.

По вечерам, когда семья собиралась, отец читал сказки или рассказывал что-нибудь интересное, доступное нам, младшим. По мере взросления читал казахские сказки, предания, вроде «Торт дервиш», «Салсал», «Зифнун» и другие, переведенные с восточных языков на казахский. Многие вещи он знал наизусть, как «Кыз Жибек».

Он занимал нас разными интересными играми, например, выполнением мостика, для гибкости тела, или же изображением орла, сидящего на табуретке, и достающего свою добычу снизу. Для этого нужно было всем телом опереться обеими руками о табуретку, раздвинуть ноги в коленях как бы изображая крылья и, сильно нагнув вниз голову, достать языком с земли монету.

Было еще много других игр. Движением лицевых нервов заставляли двигаться взад-вперед уши, нитками на пальцах делали разные узоры, "Қол-дұзақ" называется. Этих вечеров полных затейливых, занимательных игр, мы всегда ждали с нетерпением, но частенько из-за нехватки времени у родителей эти вечера откладывались на "завтра" и мы терпеливо продолжали ждать.

У отца дома к тому времени была приличная библиотека, состоящая из религиозных и художественных книг. Одного Корана было 5-6 экземпляров, разных лет издания, причем разных размеров, начиная с маленького карманного до крупных размеров. В красивом переплете, исключительно красочно оформленная «Шахнаме» Фирдоуси, такая же «Тысяча и од-на ночь», «Кербала шоліндегі урыс" (битва в пустыне Кербала), "Торт дервиш", "Кыз Жибек", "Сияр шериф" и много других произведений Востока.

Кроме книг на казахском были книги, написанные на турецком, даже узбекском, арабском и на языке фарси. Эти книги нам запрещалось трогать без разрешения. Как правило, отец нам читал вслух. Для этого сначала подготовится, перед собой на подушку кладет книгу, наденет свои старые в круглой оправе серебряные очки. Если книга не на казахском, то читает до определенного места и нам перескажет смысловое содержание прочитанного и читает дальше. Одно произведение читали в течение многих вечеров, месяцев, а такие как «Шахнаме», «Тысяча и одна ночь» читались не один год.

К великому сожалению, этих книг мы окончательно лишились в тот период, когда подозрение пало и на нашего отца. Мне помнится как сейчас, отец в тот день ушел на работу, как обычно, а в час дня спешно привез двухколесную тележку, запряженную на маленьком бычке. На тележке стояли два, из-под чая, фанерных ящика, он спустил их на землю и велел нам быстро сложить в них домашние книги, только Кораны, расположенные на стене не трогать, а размером поменьше, их было еще три, тоже положить в ящики.

Мы с братом так и сделали. Отец эти ящики, полные книг, сверху прикрыл марлей, заколотил крышки, и мы поехали за поселок в сторону мусульманского кладбища. По приезду на кладбище, в заранее отцом приготовленные ниши в ямах, спустили ящики с книгами и сверху засыпали землей, что выглядело со стороны как две свежие могилки. И вскоре мы об этом забыли. С отцом обошлось все благополучно, зато книги кто-то забрал. Установить, что и как, не представилось возможности. Время было тревожное.

У наших родителей, как говорится, руки были золотыми. Особенно отцу любое ремесло было под силу; был отменным сапожником, люди стремились шить сапоги, кебіс, мәсі (туфли, ичиги) только у него. С мамой вместе могли шить и верхнюю одежду, камзолы, шапаны, шекпены и вещи европейского кроя – пальто, костюмы, не считая легкие вещи, их шили на машинке «Зингер» (1910 года производства). Эта ножная машинка цела и сейчас, находится у младшего брата по наследству, как память о наших родителях.

На ней можно было шить из тонких и толстых материалов, даже из кожи. Родители могли хорошо обработать кожу крупного скота наравне с кожей мелкого и шить из них разные одежды – полушубки, тулупы, брюки и другое шитье себе и детям.

После работы на заводе, немного отдохнув, отец мог заняться слесарными, столярными делами для дома по мере надобности в них, или же сесть за швейную машинку шить нам, детям или кому-нибудь из родственников, знакомых, если они просили об этом. За работу специально плату не брал, но люди могли приносить что-нибудь из продуктов – просо, пшеницу, зимой – мясо, то есть, у кого что имелось.

Два старших брата и сестра стали рано работать, они перешли с дневного на вечернее отделение школы. Старший брат Закрия потом поехал учиться в Алма-Ату, поступил в кооперативный техникум, брат Зияда в 16 лет, сестра Зина в 14 лет стали работать наборщиками в районной типографии.

В это время стали выпускаться две районные газеты: «За медь» на русском языке с главным редактором Головиным и «Кзыл-Кенші» на казахском, с главным редактором Абдильдой Тажибаевым. Эти две газеты у нас дома постоянно читались нашим отцом. И вслух. Он это делал больше для мамы. У мамы был особый природный ум, волевая натура, была справедливая и честная. Отец был немногословным, спокойным, выдержанным человеком, очень деятельным, по природе могучего телосложения, сильным. Они оба были людьми добрыми. Их любили родственники, соседи. Отца уважали его товарищи по работе, с ним считались.

Родители между собой были дружны, в семейных вопросах равноправными. Я не помню, чтобы они друг на друга повышали голос. Нас детей за шалость сильно не ругали и не били, вообще могли спокойно сделать замечание, нам этого было достаточно.

Семья наша в материальном положении жила довольно скромно. Но никто из нас не жаловался на отсутствие чего-нибудь, вплоть до покупных игрушек. Игрушки делали мы сами под руководством мамы. Сначала, чтобы нас учить, мама сама показывала, как это делается, специально шила одежду для них и т.д. Потом мы сами могли все это проделать. Игрушки наши получались довольно симпатичными, мы заслуживали похвалу, одобрение.

Помню как в голодный год, люди погибали как мухи. Мы с братом могли все это видеть прямо из окна. В отсутствии дома родителей, нам не разрешалось выходить из дому. В один из таких дней, смотря из окна на дорогу, пролегавшую мимо нашего дома, мы увидели как везут человеческие трупы на кладбище, сложенные на сани с конской повозкой. Мы сильно перепугались и об этом рассказали родителям.

Голодные, нищие люди бродили по улицам Карсакпая, часто заходили в дома просить подаяние. Они заходили и к нам, за день дверь нашего дома не закрывалась. Подавать этим людям что-нибудь съестное мы не могли, у нас самих не было лишнего. Наша мама могла угостить их горячим чаем с морковной заваркой. Редко удавалось подать им горсточку пшеницы прямо в ладони. Эти несчастные и за это были благодарны. Наш пятилитровый чайник из красной меди не сходил с плиты, кипяток в нем выпивался за день.

Наши родители от детей требовали, чтобы соблюдали чистоту в квартире и у нас между собой, без их указания, были распределены обязанности. Зина единственно, что делала, стирала всем, гладила, ее чугунный утюг всегда горячий стоял на плите.

Мы с младшим братом ежедневно, чередуясь, убирали, вытирали пыль, мыли полы, поливали цветы, которые я разводила. Свои обязанности мы выполняли, с желанием, соревнуясь между собой, при этом еще и не доверяли

другому: мы контролировали качество уборки друг у друга.

В двухкомнатной квартире нам жилось тесно, особенно, когда мы уже подросли. Комнаты были проходными, в первой комнате стояла родительская деревянная двухспальняя кровать, она была большая, занимала одну треть комнаты, здесь же находились печь, которая отапливалась углем, дровами, кизяком и кухонный столик.

А у входа в холодное время года в непогоду находилась какая-нибудь домашняя скотина, то теленок, то ягненок. Там же висел большой никелированный умывальник с медным тазиком внизу.

Во второй комнате у противоположных стен стояли кровати для старших, а мы меньшие спали на полу между двумя кроватями. Здесь же, сидя на полу, на толстой ковровой и кошмовой подстилке, мы могли готовить наши уроки, задания на дом.

Так продолжалось до тех пор, пока родители не накопили деньги для покупки стола и стульев. У переезжавших в другой город соседей отец купил большой раздвижной стол с двумя стульями, за немалые тогда деньги. Это была большая радость, особенно для нас, детей.

Печку в квартире топили байконурским бурым углем, угольные копи которых находились недалеко от Карсакпая.

Этим углем плавили Карсакпайскую черновую медь, тогда известную в СССР наравне со стройкой Днепрогэса, строящегося города Комсомольск-на Амуре. Для доставки байконурского угля в Карсакпай была специально построена узкоколейная железная дорога протяженностью 60 км.

При заготовке топлива на зиму семья покупала, например, одну или две тонны угля. Этого не хватало, и недостающую часть мы собирали, выходя с мешками на железнодорожное полотно. В основном, это происходило во время наших летних школьных каникул. В степи собирали кизяк, кокпек, тобылгу. В местах сбора мы складывали их в кучи, родители вывозили домой.

Вот так семья выходила из житейских трудностей. Зарплата отца была немаленькая, но не всегда удовлетворяла потребности такой большой семьи, как наша.

Карсакпай – поселок городского типа (областного подчинения), здесь имелся клуб, хорошая средняя школа и не одна, школа-интернат, баня, поликлиника, больница, большой красивый сад и др.

В тридцатые годы здесь еще не было нормального водоснабжения, отсутствовал водопровод, воду доставали с колодцев, специально построенных в микрорайонах.

Для своих рабочих комбинат учредил талоны на воду, стоимость которых 2 копейки за ведро и развозили воду в бочках по домам. Вода для нашей семьи обходилась дороговато. Поэтому мы часто ходили за колодезной водой. У колодца собиралась большая очередь, приходилось терпеливо выстаивать, тратить наше дорогое время, но зато приносили по два ведра воды каждый из нас.

Недалеко от завода в лощине были природные водные источники, но довольно далеко от нашего дома. В свободное время мы и туда ходили за водой. Эту воду родители особо ценили за вкус и чистоту, берегли для самоварного чая.

Зимой ходили на озеро за льдом. Это был своеобразный спорт для нас. Могли покататься на коньках, придя за льдом. Отец для этого соорудил саночки. Нагрузим их льдом и везем домой. Дома его складывали в сарае, оттуда по мере необходимости расходовали. Самое трудное занятие – это выбивать более крупные куски льда.

Правда, родители нас, детей, в магазин не посылали, даже за хлебом, по карточкам, считая, что в очереди ничего доброго мы не услышим, всегда ходили сами. Все учебные принадлежности, тетради, ручки с перьями, чернила, альбомы, карандаши для рисования и т.д. отец сам покупал и раздавал нам.

Обязательно два раза в год, к майским и октябрьским праздникам квартиру белили известкой. Это проделывали родители сами, мы помогали тоже. После побелки в квартире стоял особенный чистый воздух, запах извести – все это приносило нам праздничное настроение, радость.

К елке, встрече Нового Года придавалось дома большое значение. Мама нам шила национальные костюмы, сама нас наряжала. За лучший национальный костюм на елке, в

школе сестра Зина всегда получала призы. Позже в старших классах и я тоже стала получать призы за костюм.

Особую радость, восторг нам приносила большая красивая школьная елка. Эту елку специально привозили за 60 км с Улытау. Нам дома елку ставить было негде, но зато наша мама бывало, зажигала еловые ветки на плите или железном тазике специально из-за елового запаха, которым наполнялась квартира. Мы, детвора всегда любили и ждали этот запах хвои на Новый Год. Эти дни бывали для нас очень приятными, радостными.

По истории известно, для передовиков производства присваивали звание «Ударник коммунистического труда». Наш отец постоянно заслуживал этого звания, почти ежемесячно и с премией. С появлением «стахановского движения» (1933) это звание заменили словом «Стахановец».

Однажды отец привел домой годовалого теленка с работы. Он удостоился звания «Стахановец». Впервые его премировали теленком. Этого теленка мы выходили и уже коровой она стала давать нам молоко и масло.

Сено для нее заготавливали сами. Для этого свой трудовой отпуск отец приурочивал к нашим летним школьным каникулам. Рабочим разрешалось с колхозных земель косить траву по неудобьям, у яра, у гористых мест, вдоль реки, по ее берегам.

К сенокосу особо дома готовились: со дня отъезда до окончания сенокоса мы домой в Карсакпай не ездим, не возвращаемся, спим в поле на телеге. Поэтому мама нам сушила достаточно сухарей, впрок заквашивала напиток «ашиган коже» в бурдюках, давала курт, вялила немного мяса, достаточно солила сливочное масло и давала необходимый кухонный инвентарь, типа кастрюли, сковородки и т.д.

И так мы проводим на сенокосе дней до десяти, а то и больше. Сено мы заготавливали на землях колхоза им. Ворошилова, эта местность нам знакомая. Там река Дюсембай, в ней много рыбы, в том числе карась и другие рыбы. Отец приготовит для нас две удочки, крючки для них сделает сам.

Он всегда вставал чуть заря и шел сено косить. Мы спали, а проснувшись, бежали каждый со своей удочкой к речке. Рыбы много, ловилась быстро, тут же чистили ее, с тем, чтобы отца скорее накормить завтраком, рыбой нашей. Быстро пожарим, отца встречаем завтраком. Сначала его накормим, и он уходит опять косить, пока жара не наступила, сами завтракаем потом, позже. После завтрака мы шли убирать уже скошенное и высохшее сено, его собирали в копны. И так каждый раз. Прибегали, готовили обед, с того, что дала нам наша мама. Отец нас за все это хвалил, за работу, за обед и т.д.

Наши соседи по дому были, в основном, русские, украинцы. Напротив нас в квартире жила украинская семья, муж и жена с одним ребенком. Муж работал на экскаваторе (единственная механическая лопата на весь комбинат) машинистом, жена домохозяйка, большая рукодельница.

Я любила смотреть как она вышивает всякие вещи: блузки, платье из льна. Позже, когда научилась у нее вышивке, сделала себе тоже блузку из батиста, платье изо льна салатного цвета с красивыми вышивками. Кстати, эти две вещи я носила в институте, будучи студенткой. Вышивки были исполнены мережкой, гладью и крестиком. Я не знаю, где эта семья, но в душе вспоминая тетю Дусю, всегда ее благодарю за доброту.

Моя сестра Зина красиво вязала крючком всякие узоры, вещи, салфетки. И это меня увлекало. Я вязала себе кружева и с гордостью сама их носила.

Начиная с пятого класса, нас, учащихся, стали посылать в колхоз им. Ворошилова на уборку хлеба. Хлеб убирали ручным серпом. Нами руководила звеньевая тетя Зейнеп с колхоза, она же показывала нам еще как надо собирать масак, это колосья, которые лежали на стерне или стояли, не захваченные серпом, при уборке. На уборке нас кормили в основном жареной пшеницей и чаем, кипятком. Иногда нас посылали на уборку бахчевых – арбуза, дыни, помидоров. Однако, этой работой мы занимались с удовольствием, были сыты всегда. Наедались овощами, дынями.

ШКОЛА

Начала я учиться в 1933 году в русско-казахской смешанной школе № 1, где учились мои старшие братья и сестра. Школа наша была одноэтажная, но на высоком цокольном этаже, со стороны выглядела как двухэтажная. Школа была красивая, со светлыми просторными классами, с большим залом, со сценой.

О школьных годах могу сказать, что в первый класс привела меня моя мама, одев по-казахски. На голове тюбетейка с перьями. Мой маленький камзол приукрашен серебряными пуговицами, белое платьице, на шее несколько рядов коралловых бус, на плечах сумочка с тетрадями (пастушья сумка за неимением портфеля). В те годы все ходили с тряпичными сумками.

После знакомства с классным руководителем-мугалимом Матваевым Мырзатаем, мама посадила меня за парту. Про себя прошептала напутствие и ушла домой. Сказала, что обратно домой я приду с ребятами из соседнего дома.

Единственно, мне запомнилось, что на перемене, в коридоре школы русские мальчишки дергали то за короткую косичку, то за серебряные нашивы на камзоле, то за перья на тюбетейке. Я заплакала, потом забилась в углу. Учитель мне сказал, чтобы я завтра пришла с подстриженными короткими волосами, без тюбетейки.

Придя домой, я обо всем рассказала. Сказала, что завтра в школу не пойду. Не тут-то было. Мама своими большими ножницами укоротила мои косички. Назавтра опять сама повела в школу.

Постепенно стала привыкать к школьной жизни. В классе кроме меня девочек не было. Была я одна среди мальчишек. Постепенно привыкала к шалостям наших мальчишек в отношении ко мне. В удобном случае я сама стала давать им сдачу.

С шестого класса математику нам преподавал учитель Искаков. Он своим преподаванием увлекал нас. Мы его любили. Он внешне был аккуратным. Держался с нами, учащимися, более чем строго, требовательно. Ходил он

прямо. Из-за прямого стана, который не сгибался, мы называли его «Перпендикуляром». Когда началась Великая Отечественная война, Искакова, в первую очередь, забрали на фронт. Мы очень сожалели и горевали.

Математику нам после преподавал учитель немец Вольф, эвакуированный из Куйбышева. Он был кандидатом наук. Его мы тоже хорошо восприняли.

По географии был учитель Мустафин. Он сумел настроить на свой предмет. По истории был учитель Аужанов. Мы этот предмет не любили. Учитель был белолицый с густыми черными кудрявыми волосами, потешный. В перерыве, проходя позади него, я лично клала в его волосы клубочек бумаги, напоминающий маленькое яйцо. Для него специально ставили высокую чернильницу, наполненную чернилами. Ставили ручку в чернильницу. Когда он брал ручку, все пальцы в чернилах. Замечаний нам не делал.

Также были и другие учителя. Мы своих учителей любили, им подражали, старались на них походить. Еще доброго слова заслуживала Зворыкина. Она преподавала русский язык и грамматику. Я считаю, что лично обязана ей. Она своими знаниями, подходом увлекала нас.

В девятом классе русский язык и литературу преподавал тоже немец из Поволжья, эвакуированный в Карсакпай, по фамилии Фрэйтаг. А казахскую литературу вел Абдрахманов Сираж. Привил любовь к нашей казахской литературе.

К сожалению, многие, участвуя в войне, возможно, не вернулись.

Кстати, в десятом классе русской школы мне особо запомнилась наша «химичка», Галина Александровна. Предмет ее я любила. Директором нашей школы была Филиппович. Она нас, учащихся, любила, постоянно с нами водилась. Все мероприятия в школе проводила сама. Среди коллектива учителей и учеников пользовалась авторитетом. Она заражала своим участием в делах школы всех, была примером.

Будучи два года назад на могиле своих родителей в Карсакпае, я посетила свою казахскую школу. Наша в прошлом красивая школа была в плачевном состоянии,

без окон и дверей. Стоят одни стены. Школа оказалась невостребованной. В поселке жить остались одни старики.

После окончания девятого класса всех мальчишек, их было 12 человек в классе, призвали в армию, и нас осталось в классе две девочки, это я и Зейнегуль. Ясно, что десятого класса теперь не будет. Зейнегуль пошла работать, я пошла продолжать учиться в десятый класс русской школы, окончила которую в 1943 году. Из 12 наших мальчишек девятиклассников, которых призвали в армию, после войны вернулись только трое, из них один ослепший на оба глаза, это был Конысов. Он после работал в Жезказгане в обществе слепых, имеет семью, детей. Ибрагим Есенов после работал в административных органах, вырос до звания полковника.

НАША ГОРДОСТЬ - САТПАЕВ

К окончанию мною десятого класса русской школы дома окончательно решили, что я буду продолжать учебу дальше в институте, инженером-геологом «как Сатпаев К.И.». Так все время говорил отец.

Здесь дело в том, что Сатпаев Каныш Имантаевич с семьей, с детьми прожил 12 лет в Карсакпае, пока не закончил разведку всего рудоносного района Большого Жезказгана. Его знали все жители поселка, тем более, рабочие, в том числе и мой отец.

Сатпаевы жили недалеко от нашей школы. Мы могли видеть, как много детей из его дома ходят в нашу школу. Они учились на русском отделении. И мы потом узнали, что у него кроме своих детей жили и учились и дети его родственников. Сатпаевы занимали половину домика. Кстати, эта квартира Сатпаевых – сейчас музей его имени. В другой половине домика размещался наш маленький аэропорт.

В Карсакпае начал курсировать самолет У-2. Помню, разнесся сначала по поселку слух, что самолет должен прилететь. Мы тогда еще понятия не имели, что это

такое. Тогда впервые и увидели это «чудо». Всей школой ходили смотреть на самолет. Была зима. Снег толстый и мы барахтались по нему, по бездорожью, чтобы всем порадоваться, погордиться, что увидели самолет. Это был 1937 год.

В нашем поселке был большой красивый парк. Парк был посажен энтузиастом-садоводом, специалистом своего дела по фамилии Зуб. Парк к тому времени был уже немолодой, спланирован правильно, тогда говорили, что это по науке. За парком большое озеро, вода в нем в основном мягкая. По берегам озера летом росли всякие красивые цветы, подобные я больше нигде не встречала. Этот парк и озеро – основное место отдыха жителей поселка, особенно летом.

Сатпаевы обычно проходили мимо нашего дома отдыхать в парк на озеро. Нам ребятам это было известно, мы всегда ждали, хотели их видеть, смотрели за ними, иногда бывало, за ними следовали до самого парка. С ними всегда были их две маленькие девочки. Каныш Имантаевич и Таисия Алексеевна, оба были, как нам казалось, очень красивыми людьми. Мы, детвора всегда с любопытством, без всякого стеснения могли за ними наблюдать.

Однажды, придя с работы, отец нам с восторгом сообщил, что Сатпаева наградили орденом Ленина. Мы все этому факту бесконечно были рады. Это событие долго не сходило с наших уст. Тогда все жили интересами огромной страны, которая, в принципе, была всеобщим идолом. Все одновременно переживали вместе с ним за челюскинцев, за большие перелеты больших авиаторов и т.п. И даже мы через этот орден были отмечены, как бы всей страной, как бы историей, делавшейся на наших глазах, как тогда утверждалось, что, впрочем, так и было.

Вскоре этот долгожданный (нами!) орден Сатпаев получил. Это был канун первомайских праздников. Обычно во главе праздничной демонстрации трудящихся нашего поселка стояли работники ГРП (геолого-разведочной партии) с Каныш Имантаевичем, после них заводоуправление со своими рабочими, школьники и т.д. Мы, пятиклассники, очень захотели увидеть орден Ленина на груди Сатпаева. Колонна стояла, парад еще не начался и мы все вплотную подошли к Сатпаеву, чтобы увидеть

орден на его груди, но некоторые из ребят не могли из-за малого роста дотянуться до него, тогда Каныш-ага сам их приподнимал, взяв за плечи, и мы впервые увидели своими глазами орден Ленина. Мы, конечно, были беспредельно этому рады, потом об этом зрелище долго рассказывали дома и каждому встречному. Это было похоже и не менее значительно, на встречу первого паровоза на Турксибе его строителями и жителями степей. Мечты воплощались на нашей земле.

ОТЪЕЗД, ПОСТУПЛЕНИЕ В ИНСТИТУТ

Моя сестра Зина училась в Алма-Ате на втором курсе КазГУ на математическом факультете. Поскольку мне и брату предстояло учиться, Зина прервала учебу в КазГУ, вернулась домой, стала работать в Карсакпае инструктором в районном комитете партии. Наш отец к этому времени стал инвалидом по заболеванию силикозом. Основным кормильцем стала сестра. Зина однажды уехала в Караганду на какие-то партийные курсы, это было в мае после праздников.

В своем письме из Караганды она написала, что в городе разместились три эвакуированных института, которые были объединены в один – Днеп-ропетровский горный институт, что мне можно будет поступить на геологический факультет.

По приезду домой Зина стала готовить наши документы. Мои в Днепропетровский горный, Мухамедии после 8 класса в Карагандинский горный техникум. Родители стали готовить наши одежды, обувь, старые вещи реставрировались, новые шились, то есть, в основном, переделывались нам из одежды старших, перелицовывались и т.д. Родители выменяли для меня у соседей летнее пальто за пуд муки. Но, поскольку, этой муки не было у нас, они где-то достали пшеницы, смололи ее на домашней ручной мельнице, потратив много драгоценных дней на эту трудную работу.

В институте Зину сразу предупредили, что иногородним нужно иметь с собой постельные принадлежности – одеяло, подушку, еще кружку и котелок. Родители и это приготовили.

Я сама лично спряла, как учила мама, на уршуке (ручном казахском веретене) пряжу для свитера из хорошей шерсти верблюжонка.

К этому времени у нас в поселке работал райбыткомбинат, где можно было заказать, связать вещи из давальческой готовой пряжи. Отец в это время там работал сапожником. Мне там связали свитер из нашей пряжи светло-бежевого цвета с красивой отделкой. Получился и в самом деле хороший свитер. Кстати, в нем я закончила институт, только на рукавах, под локтями пришлось сделать штопки. Мало того, я подарила его при расставании моей подруге Любе Кокотовой, когда мы все разъезжались на работу, по домам, уж больно он ей приглянулся.

Итак, настало время нашего отъезда на учебу. До этого мы ездили на экскурсию вместе со школой во время зимних каникул смотреть поселок Байконур, его буроугольные шахты, это было где-то в шестом классе, это всего в шестидесяти километрах от Карсакпая. Теперь нам предстояла поездка до Жезказгана, что в семидесяти километрах от дома, на паровозе-рудовозе по узкоколейке (600 мм), который идет после разгрузки руды в Карсакпае, обратно порожним рейсом. Потом в Жезказгане нам надо было пересесть на Карагандинский пассажирский поезд.

На станцию пришли нас провожать вместе с нашими родителями все наши близкие родственники, соседи, конечно, и наши одноклассники. Наш десятый класс и раньше не раз приходил сюда провожать призывников в армию, на фронт. В те дни на станции обычно стоял всеобщий плач. Когда нас провожали в этот августовский день (это двадцатое число), стоял удивительно приятный теплый солнечный день, без обычной пыли и ветра. Настроение у всех было хорошее, особенно у папы с мамой, наши вещи, погрузили на платформу и мы сами тоже забрались наверх. В поезде имелся один вагон-теплушка, это для пожилых людей с детьми. Весь остальной народ ездил только на платформах. Наш рудовоз, полз как

черепаха, дорогу в 70 километров до Жезказгана одолел за 3,5 часа.

Когда был дан первый предупредительный гудок, я, чувствуя, что действительно уезжаю далеко от родного дома, вдруг навзрыд громко заплакала. Услыхав это, мама возмутилась и сказала, чтобы я слезла на землю, что мне не надо ехать учиться, что я малодушная, не смогу перенести трудностей в такое тяжелое время, что я слабая, и обратилась к отцу для одобрения. Я тут же прекратила свой плач, смотрю, отец улыбается. Мама дальше продолжала по своему ободрять, что кроме нас никто из поселка не едет учиться, я должна, наоборот, радоваться, а не плакать. Мама тогда казалась мне очень жесткой. Нужно было время, чтобы понять истинную родительскую любовь. И сегодня, глядя на нынешних детей и внуков, думаю: «Если будете слабыми, как дальше будете, в будущем? Идете в неизведанное и на что будете опираться?».

Когда я замолкла, мама продолжила, чтобы я не смела плакать, это нехорошо, один только Бог знает, что нас ждет впереди, надо быть выдержанной, крепкой, твердой при всех обстоятельствах. Ах, мама, мама – она отражала свою жесткую эпоху, свое жесточайшее время. Прямо как фундамент, подумала я. Посмотрела на папу, он совсем расплылся в улыбке, подошел, крепко обнял, поцеловал нас, про себя быстро прошептал напутствие и сказал «ауминь», за ним и мама тоже. Итак, последний гудок, мы с братом двинулись навстречу нашему будущему, попрощавшись со всеми провожавшими нас.

Этот наказ мамы я запомнила на всю жизнь и когда, казалось, что можно дать слабинку, вспоминала тот случай, мамины твердые слова и всегда себя останавливала.

По прибытии в Караганду устроились каждый из нас в свое учебное заведение. При приеме документов мне сказали, что в этом году на геологический факультет приема не будет, что мои документы можно сдать на электромеханический факультет, так и оформили. На электромеханическом я проучилась первый курс, а со второго курса перешла на горный факультет, который и закончила в 1948 году по специальности горный инженер.

ДНЕПРОПЕТРОВСКИЙ ГОРНЫЙ ИНСТИТУТ (ДГИ)

В середине августа 1941 года создалась реальная угроза занятия Днепропетровска фашистскими захватчиками. Институт готовился к эвакуации на восток, вначале в Свердловск, затем обстановка изменилась, наравне с Харьковским строительным, Московским горным институтом, Днепропетровский горный эвакуировался в Караганду. Все три института объединили в один с наименованием Днепропетровский горный институт, который расположился в существующем здании Карагандинского горного техникума, а последний стал заниматься теперь в других свободных помещениях города Караганды.

Днепропетровский горный институт имеет свою особую историю. Я при реэвакуации институтов выбрала именно его.

ДГИ основан в 1899 году как институт из бывшего Екатеринославского высшего горного училища. До этого, при Екатерине, он был единственным высшим техническим учебным заведением для всего юга России, имеющим целью специальное образование лиц, посвящающих себя преимущественно практической деятельности по горному делу (рудничному, заводскому).

В то время развивающаяся горнодобывающая промышленность Криворожского, Никопольского, особенно Донецкого бассейнов, испытывала острую нужду в командных технических кадрах, поскольку существовавшие тогда в России немногие высшие технические учебные заведения не могли обеспечить горнопромышленные предприятия юга достаточным количеством высококвалифицированных горных инженеров, маркшейдеров, геологов, механиков и других специалистов.

Открытие этого института в Екатеринославе имел ряд преимуществ перед Киевом, Харьковом, так как тогда и сейчас Екатеринославский губернский город являлся центром южнорусской горнодобывающей и металлургической промышленности. Позже с

этого высшего горного училища отделились восемь самостоятельных институтов.

До революции и после здесь выучились многие будущие командиры производства, будущие ученые, академики такие как Протодъяконов, Терпигорев, Павлов, Лебедев, профессора Нестеренко, Цейтлин, Шевяков, Попов, Поляков, Танатар, Татомир, Абрамов, Шилов, Корсунь, Комарова, Штокман, Зильберман, Тяпкин и многие другие.

В общежитии нас разместили в комнатах по 5 студенток. Все мы из разных мест и национальностей: я казашка, Люба из Донбасса, еврейка, Таня русская, моя одноклассница с десятого класса Фаина – казачка с Дона, Рузя из Кишинева, высланная вместе с матерью в Казахстан, как семья репрессированного миллионера Шкляровского. Они проживали в селе Кургальджино. Еще была подруга - украинка Мирошниченко с Кировограда. Мы все жили дружно как одна семья, учились все старательно, питались вместе по карточкам, по нормам военного времени, утром и в обед.

После лекции часто работали на шахтах, на погрузке угля (лопатами) на транспортер, а оттуда уголь шел на железнодорожные вагоны. Нас еще посылали на объекты строительства, в основном, на такелажные работы. В 1943-44 годах зима была очень холодной, доходило до 40°.

В Караганду часто прибывали поезда с ранеными бойцами с фронта. Тогда студентов посылали на разгрузку, на станцию или в госпиталь. Госпиталем служило здание Карагандинского медицинского института. На станции с поезда раненых бойцов перекладывали на открытые грузовики и привозили в госпиталь.

Наши первые впечатления, когда мы увидели этих несчастных, были весьма удручающими. Их состояние было тяжелым, за длинную дорогу от фронта до Караганды они абсолютно ослабевали и были не похожи на живых людей – со стороны они выглядели как трупы. Зачастую признаки жизни можно было определить только по двигающимся зрачкам, по глазам. Наши парни-студенты перекладывали раненых с машины на подносимые нами носилки. Мы вчетвером еле поднимали эти носилки, и все же несли на

второй этаж и доставляли прямо в операционную, как нам было сказано.

Здесь нас встречали врачи-хирурги и тут же приступали к делу. У них в руках были большие ножницы и тут же они вспарывали одежду бойца, из-за пазухи доставали бумаги, где были указаны состояние, характер его ранения. В зависимости от его решения следовала команда врача, как и куда его класть с носилок и мы это выполняли. Вспоминаются команды «положить на спину, положить на правый бок или на левый бок, или на живот». Мы все это вчетвером тут же выполняли.

В свободные минуты, пока следующие носилки поднесут, мы с позволения врача-хирурга могли понаблюдать за операциями. И видели, как вытаскивают торчащую пулю или гроздь пуль с ран на боку или с других мест. Причем, место, откуда вытаскивали пулю нисколько не кровило, наоборот, цвет здесь зеленовато-синий, гнилостный. После тщательной первичной обработки раны начиналась уже настоящая операция, при этом боец даже звука не издавал. В наше следующее посещение госпиталя, буквально, через несколько дней, мы могли видеть этих вчера еще еле живых бойцов уже в другом виде. Они изменились, имели совсем другой вид, смеялись, разговаривали, даже шутили. Мы в душе про себя, тихо за все это благодарили врачей – спасителей этих раненых бойцов.

Позже когда я проживала в Караганде, обязательно приходила в медицинский институт и живо вспоминала эти картины военных лет.

В порядке помощи фронту характер дел и работы для нас студентов был разный. Главное, мы всегда чувствовали себя нужными в чем бы ни было. Это было веление времени.

В институт нас поступило в тот год всего 6 казахов и на разные факультеты. Из них трое строители: Толеу Жунусов, Болат Жармагамбетов, Аукен Жакишев и трое нас, это я, Мажит Тастенов, Кенес Атыгаев – горняки. После освобождения Харькова наши трое строителей уехали в свой институт в Харьков, а мы горняки со своим институтом в эшелоне вернулись в Днепропетровск. Каждый из нас шестерых благополучно окончил свой институт.

Впоследствии, Толеу Жунусов стал доктором наук, академиком. Болат Жармагамбетов тоже. Аукен Жакишев и я пошли по линии госслужбы, а Кенес Атыгаев – стал тоже ученым. Мажит Тастенов рано ушел из жизни.

Начались напряженные учебные занятия, все студенты занимались, учились с интересом, с огромным желанием получить образование. Мне помнится, как вечно корпели над чертежами, особенно студенты строительного факультета. Несмотря на тесноту в учебном корпусе, занятия шли нормально, в общежитии не мерзли, душевые в общежитии работали бесперебойно. Все бани в городе функционировали.

Питание в столовой на наши купоны – один обед в день и 500 грамм хлеба обеспечивали нашу скромную потребность. В основном частенько оказывались без ужина и спали на голодный желудок. Это было нормой военного времени не только для студентов, но и для всего народа в то время и никто на это не жаловался.

Ежедневно слушали сообщения информбюро о положении на фронтах, всегда были в курсе боевых действий нашей Красной Армии, которая ежедневно освобождала уже село за селом, город за городом. В сорок четвертом ранней весной освободили и город Днепропетровск. Начали поговаривать в кулуарах о возвращении нашего института в свой родной город. Уже позади у нас экзамены за первый семестр.

После экзаменов на каникулы я приехала домой в Карсакпай. Была рада встрече с родителями, со всеми нашими домашними. Вспоминаю, что тогда с еще детской наивностью рассказывала об учебе, о студенческой жизни и о том, что профессор Чеченкин похвалил меня на экзамене по химии, повернув при этом меня лицом к нашей группе, сказал, что «молодец и спасибо твоим родителям» и т.д. Конечно, и мама и папа были очень довольны моим сообщениям.

Во время пребывания дома получила письмо с фронта от друга моего одноклассника Нурушева Ахметжана, где тот сообщил, что Ахметжан погиб в боях под г. Ржевым и какие-то подробности. Такое известие поразило меня своей простотой и тяжелой неизбежностью. Может быть, только

тогда стало понятным слово «потеря». Невозможно было допустить даже в мыслях, что Ахметжан мог погибнуть. Как это он мог погибнуть! Он был прекрасным спортсменом, горнолыжником, метко стрелял. Его отец, дядя Турсун, был другом моего отца,

Наш преподаватель по военной подготовке (девятиклассников) всегда хвалил Ахметжана за меткость в стрельбе – он всегда указывал на маленький треугольник на мишени и говорил, что вот снайпер! Наш военрук сам вернулся по ранению, был фронтовиком. Ахметжан учился хорошо, конечно он заслужил значок ГТО – «Будь готов к труду и обороне». Только он и заслужил его в классе. А кто же еще!

Мы все им гордились, парень был красивый и обаятельный, учился хорошо, особенно по русскому языку, что в те годы старались сделать все ученики в классе. Ахметжан им владел лучше всех в классе, за что всегда заслуживал похвалы учителя по русской литературе Фрейтага. Мы с Ахметжаном часто переписывались, по-юношески строили надежды на будущее, и после войны надеялись встретиться. Но все это так скоро рухнуло.

С его сестрой Хадишой я училась в седьмом и восьмом классах. Она была старше меня года на четыре. Это была симпатичная, скромная девушка, училась хорошо. Потом Хадиша вышла замуж за молодого друга моего отца Мухамедью Байменова. У них было девять детей, которых они хорошо воспитали. Один из ее детей Алихан Байменов, лидер партии «Ак жол».

РЕЭВАКУАЦИЯ ИНСТИТУТА НА УКРАИНУ, СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

После сдачи последних экзаменов нам в группе объявили, что скоро институт возвратится на свое прежнее место на Украину, что те-перь нам можно спешно съездить домой, подготовиться к отъезду.

Приехала домой, чтобы попрощаться с родителями, побыла всего несколько дней с ними и вернулась в Караганду. В августе сорок четвертого года нас студентов и профессорско-преподавательский состав погрузили в солдатские вагоны-теплушки, а имущество, лабораторное оборудование института – на открытые платформы и отправили на Украину.

Здесь уместно вспомнить, за успешную работу в развитии угле-добычи Карагандинского угольного бассейна наградили ряд особо отличившихся научных работников, профессоров, докторов наук Днепропетровского горного института имени тов. Артема Сергеева Наркомата Угольной промышленности: Бермана А.Г., Вишневского А.И., Давыденко И.А., Иванченко Е.Я., Корсун М.Я., Нурмухамедова, Полякова Н.С., Подвального Н.И., Шилова П.М., Цейтлина А.М., Некрасовского Я.Э., Маймина С.Р., Маршака И.С., Лисицина И.Г. и других Почетной Грамотой Президиума Верховного Совета Казахской ССР. Все перечисленные ученые были нашими предметными преподавателями.

Ехали мы медленно. Время совпало с ударным наступлением наших войск по всему фронту, освобождали город за городом. С востока шли составы на запад, груженные войсками, вооружениями, танками и орудиями. Поскольку дорога постоянно была занята, наш гражданский поезд ставили в тупик на станциях, разъездах от нескольких часов до одного-двух суток, пока не пройдут все воинские составы. Таким образом, мы добрались из Караганды до Днепропетровска только на семнадцатый день, голодные, грязные, уставшие. По приезду нас сразу пропустили через санитарную обработку.

Город был сильно разрушенным, а наш горный институт и общежитие сожженными. Шли полным ходом восстановительные работы. Восстанавливали немецкие военнопленные. Они жили и работали тут же, за колючей проволокой, выглядели они все справными, питались хорошо, как нам говорили, им хлеба только давали целый килограмм на зависть нам студентам.

По пути следования нашего эшелона мы много видели следов варварских разрушений городов, станций,

населенных пунктов. Сильно были разрушены Харьков, Днепропетровск. Все эти картины переполняли наши сердца чувством ненависти к немецким фашистам. Действительно, когда впервые мы увидели проходящую колонну немцев у института, так мы стали их забрасывать камнями, всем, что было под руками. Наши солдаты, которые конвоировали, отгоняли нас, рьяно защищали пленных. Вот тебе и гуманность, думали мы.

Мы по приезду жили на улице, во дворе пятиэтажного общежития. Благо на Украине много было пшеничной соломы, которой настилали весь двор, всю площадь общежития, там, на соломе мы и спали, правда, на постели, которую привезли с собой, здесь и дневали, варили, кушали, столовались.

Во дворе был глубокий колодец с хорошей водой, дежурный нам специально доставал в ведре, привязанном к цепи, и с него переливал в наше ведро. Здесь я вспоминала свой Карсакпай, там ведь тоже так делали. Еще во дворе, в стороне, был построен целый ряд надворных уборных, там, правда, тоже были дежурные, которые следили за порядком.

В такой обстановке мы жили до тех пор, кажется, недели две, пока немцы не восстановили межэтажные перекрытия, полы. Крыша над головой появилась, мы заселились в общежитие, где не было воды, света, тепла, канализации. Фронт был еще недалеко, в городе полная светомаскировка с вечера до утра, поэтому у нас в общежитии во всех комнатах на окнах были светомаскировочные черные занавески.

Наш институт находился на самом возвышенном месте в центре города, на проспекте Карла Маркса, оттуда видна вся панорама города, это днем, а вечером, ночью ничего не видно из-за хорошей свето-маскировки. После освобождения, в городе скоро восстанавливали промышленные объекты, и они заработали в полную мощность, особенно завод им. Петровского. Этот завод обеспечивал значительную долю потребности СССР в железе.

В годы войны, как известно, зимы были холодными. Мы, студенты это хорошо чувствовали, в комнате

температура стояла минус 10°. Комендант нам выдал по два матрацных чехла, и их мы заполняли соломой, один матрац на кровать под себя, другой – поверх наших пальто, одеял покрывали на себя. Зато, когда просыпались утром, с нас только что пар не шел.

Умываться по утрам у нас возможности не было. Ведро воды, которое с вечера приносил с колодца дежурный по комнате, к утру превращалось в лед. Мы кончиком ножа откалывали кусочек льда, им протирали глаза, лицо и бежали сначала в столовую, там нам по утрам давали какой-нибудь суп, где на дне тарелки можно было видеть крупинки. Поев, и немного согревшись, шли на лекцию. Невозможно было раздеться, разуться в комнате, спали в том, в чем были днем, в пальто, в валенках, в шапке.

Раздевались и меняли белье раз в неделю только в городской бане. Городская баня была большая, студенты ВУЗов города мылись по утвержденному расписанию. Временем мытья студентов нашего института была суббота, с трех часов, после занятий и обеда, время было удобное.

В воскресенье, как правило, по факультетам, группами шли на восстановительные работы в городе.

Мы, все пятеро студенток из одной карагандинской комнаты, и здесь держались вместе, в одной комнате в общежитии, питались и занимались, как говорится, хором.

У нас на каждом этаже общежития была комната, как бы кухня, где была печь на дровах, нами купленных на базаре, угля не было, ибо он был очень дорогой. На кухне мы могли что-нибудь приготовить на ужин. С продуктами было трудно, разве что-нибудь из присланного в посылке родителями, это кусочек вяленого мяса, масло, сало. На студенческом базаре, который находился недалеко от нашего общежития, мы покупали грубо молотую кукурузную крупу по 3 рубля за стакан. Чтобы ее сварить, нужно было за 30 рублей купить дрова, 3-4 полена, на которых можно было кое-как сварить, а доваривать нашу кукурузную кашу уже невозможно.

Чтобы заниматься, выполнять графические работы, мы ежевечерне покупали поллитра плохого керосина тоже за 30 рублей. Этот керосин жгли до конца и ложились спать. Утром у всех вокруг носа сажа, которую мыльной тряпкой

кое-как оттирали. Все вышеуказанное – наша ежедневная минимальная потребность.

Стипендия повышенная в 475 рублей хватала на отоваривание продуктов, по карточкам хлеба. Но на базаре булка хлеба стоила от 500 до 600 рублей. Так мы раз в месяц на базаре могли купить булку хлеба, делить на кусочки, съесть и быть сытым один вечер и для этого специально выделяли чью-нибудь стипендию. Обеды в столовой были дешевыми. За столовую по карточкам (это в основном обед) платили буквально несколько копеек.

Постоянных аудиторий было мало, там занимались в основном старшекурсники. Младшие курсы частенько занимались в свободных аудиториях других институтов города. Лаборатории обосновались в подвальных помещениях сожженного основного корпуса, скоро восстановили помещение читального и чертежного залов. Это было уже в сорок пятом к весне. Залы освещались карбидными лампами, их количество достигало двадцати-тридцати штук, что позволяло нам чертить, выполнять все наши графические работы.

Работали кинотеатры, часто в документальных фильмах показывали о войне, как идут военные действия, как героически сражаются наши войска. Билет в кино стоил 3 рубля. В фойе кинотеатров светло, можно было читать. Мы частенько на один и тот же фильм брали повторно билеты с тем, чтобы можно было бы читать, готовить устные предметы хотя бы стоя или облокотившись о подоконники.

ГОД ПОБЕДЫ

Приближался новый 1945 год, с фронтов Совинформбюро передавало только хорошие вести. Военные действия шли ударными темпами на запад, освобождая города один за другим. У нас, студентов настроение было всегда приподнятым.

Перед Новым годом решили сходить в баню, это было днем 31 декабря. Мы шли по проспекту Карла Маркса со

своими тазиками, бельем. Вдруг сзади на нас напало около десяти человек подростков, мы не успели оглянуться, как они сорвали наши шапки с голов.

Мы погнались за ними, но их поймать было невозможно, они разбежались в разные стороны, так мы ни одного из них не поймали. Возвращаться в общежитие не стали, кое-как покрыв головы шарфами, шейными платками, добрались до бани. Жалко было моей барашковой ушанки.

Когда мы вернулись в общежитие, в комнате нас ожидала праздничная обстановка: на столах был хлеб, квашеная капуста и бутылка водки, это наши ребята постарались, каждый принес что смог, даже водку нашли. Мы весело встречали Новый год, год победы, в чем были более чем уверены. В честь Нового года, с тостами выпили с наших стаканов и кружек. Кто-то из ребят догадался разделить по столовой ложке одну бутылку поллитровой водки на 12 человек, всех девушек и парней. Я впервые попробовала ее и даже закружилась голова, но все быстро прошло и мне казалось, что я совсем взрослая.

Наступила долгожданная весна, теплые дни, изо дня в день радостные вести с фронтов, слушали радио, читали ежедневно украинскую республиканскую газету. Эта газета «Рад'янска Украина». Вначале ее было трудно читать и понимать. Со временем мы все могли говорить и изъясняться по-украински.

Весело и торжественно встретили первомайские праздники, затем и День Победы. Это было что-то невыразимое – на улицах народ просто ошалел. Мы студенты тоже от радости обнимались, целовались с каждым встречным человеком, музыка, танцы и так до рассвета, не было предела нашей радости.

Дней через 5-6 с фронтов стали возвращаться домой демобилизованные солдаты, офицеры. Их встречали на вокзалах и далее строем они шли через наш проспект. Наша комсомольская организация была ответственна за добычу и доставку цветов для встречи победителей.

Как то нас троих послали за цветами в село Мандрыковка, это не очень далеко от города, благо, что на нашем студенческом базаре, в основном, торговали люди с этого села. Селяне ждали нас с заранее заготовленными

в мешках цветами. Каждой из нас на спину положили по два мешка. Мы с этим грузом еле добрались до института, было тяжело, особенно мне, я была слабее и меньше других ростом.

Мне запомнился случай, когда в один из дней наша группа встретилась с колонной возвращающихся воинов-победителей. Я стояла с цветами, вдруг из колонны выходит воин-казах, бежит ко мне навстречу, я к нему с цветами, вручаю ему и он, целуя меня, спросил: «Қазақ бысың?» (казашка?). Я ответила: «Да». Он спросил дальше: «Мұнда неғып жүрсің?», (что здесь делаешь? Я сказала: «Оқимын» – (учусь). Он похвалил: «Молодец, айналайын», – и достал из кармана 30 рублей и дал мне, сказав «Қош бол, шырағым» (до свидания, дорогая).

КАНИКУЛЫ

За второй курс сдала все экзамены и поехала домой по той же дороге, по которой в прошлом году шел наш эшелон в Днепропетровск. На дороге была та же картина: заторы, долгие остановки. Теперь поезда с воинами, орудиями шли с запада на восток, шли они один за другим, видимо на места прежней своей дислокации.

Домой я добралась только на пятнадцатый день со дня отъезда с Днепропетровска, грязная и сильно похудевшая. Карточная система все еще действовала. Дома приготовились меня встретить. Родители решили, что мне необходим свежий воздух и поставили специально юрту за поселком в местности «Бихан көңі».

По договоренности с кем-то из родственников на время моего пребывания дома, для кумыса взяли дойную кобылу, купили и зарезали жирного барана, да еще его осмаливали на пшеничной соломе с тем, чтобы мясо было еще вкуснее. Дома была всего три недели, за это время я сильно поправилась, набралась сил. Теперь мне предстояло уезжать обратно в институт.

Тут вопрос моего отъезда решили с попутной машиной.

Дома договорились с директором завода, который ехал из Карсакпая в Кзыл-Орду на заводской грузовой машине в командировку. Он и согласился захватить меня с Таней Мурзиной подругой на машине до Жусалы, а там мы пересядем на поезд, который идет с Ташкента до Куйбышева и т.д. Мама дала продукты, в том числе в бурдюке остуженную кипяченую воду с куртом – это прекрасный напиток, и с ним мы хорошо перенесли жару.

Дорога на машине тоже сложная – мы ехали в жаркое время по засохшему руслу реки Сарысу. Ехали по бесконечной степи, кое-где река вновь встречалась и так до вечера. Вечером директор со своими спутниками остановился у реки. Сарысу здесь очень обмелела, ширина реки где-то около трех метров.

Они подожгли копну сена на берегу, и вся рыба в реке всплыла на поверхность воды. Затем наши спутники набирали сетями рыбу, варили уху, еще что-то готовили. Мы с Таней сидели в открытом кузове машины, мерзли, так как вечера здесь очень прохладные. Мы просидели, прижавшись друг к другу, поедая то, что нам дали из дому. Они пировали на берегу, а нам даже не предложили.

На заре машина двинулась в путь. Опять солнце стало сильно греть, и вдруг появилось стадо сайгаков, которые перебегали дорогу перед машиной. Мы долго стояли, пока они прошли. Их так много было, мы решили, что их, наверное, миллион.

После них дальше были причуды природы, миражи жарких степей, вроде как бы бескрайнее озеро или снежные горы или леса. Мы с восторгом и интересом наблюдали все эти прекрасные явления впервые в жизни. Мы мчались прямо на миражи, а они как-то непонятно и быстро исчезали. Говорят, моряки, раньше, еще во времена парусников, иногда обманывались миражами и погибали. Сколько их еще будет в той большой жизни, которая была еще впереди. Мы были уверены в своей жизни, и будущее представлялось нам таким прекрасным.

Наконец, на следующий день к вечеру доехали до Жусалы, поблагодарив, попрощавшись с директором завода, мы дальше проследовали на поезд, который идет в центр, вглубь России.

В 1953 году осенью, во время встречи со мною как кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР IV созыва по избирательному округу № 637 в Темиртау, я встретила того самого директора завода, которого сразу узнала, хотя прошло 10 лет, поздоровалась. Он в это время работал кем-то в руководстве строящегося завода большого металлургического комбината и в этот день был одним из ответственных лиц по встрече со мною. Конечно, меня он не узнал, но во время беседы я как бы в шутку напомнила ему о двух девочках, сидевших в кузове его грузовой машины, которые так и не дождались угощения. Он тоже вспомнил, и мы засмеялись.

ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ПРАКТИКА

На третьем курсе мы уже проходили предметы по специализа-ции. После окончания экзаменов я сразу приехала в Караганду на летние каникулы с тем, чтобы пройти производственную практику, на рабочем месте в шахте, и заодно заработать. В комбинате «Караган-дауголь» меня направили в трест, оттуда на шахту «Новая» (эту шахту после отработки своего шахтного поля через пять лет закрыли).

На шахте дали место нормировщика, где мне впервые предстояло непосредственно ознакомиться с подземным горным искусством, со всеми секретами нашего горного дела. Написала отчет о производственной практике, получила за месяц работы небольшую плату, чему, тем не менее, была рада и сильно гордилась за «собственный заработок». На этот заработок я потом съездила домой, и хватило на обратный билет до Днепропетровска.

На следующий год после окончания четвертого курса я опять приехала в Караганду для прохождения производственной практики. В этот раз меня направили на шахту 33/34, дали место в очистной лаве, это целый производственный участок, один из передовых на шахте. Меня взяли помощником машиниста врубовой машины.

В то время на шахтах работали только врубовые машины, комбайнов еще не было.

Врубовая машина с двухметровым баром и зубцами, в 215 метровой лаве и уклоном угольного пласта десять градусов, подрубала угольный пласт нижнего слоя «Верхней Марианны». Здесь работа была тяжелой. Помню машиниста по фамилии Пак, корейца, очень ответственного за свою работу человека. Он и от меня требовал того же. Он управлял машиной в заданном режиме, и если ломался зубец на баре, то тут же останавливал машину, и мы меняли этот зубец или зубцы. Я на подхвате – периодически переставляла впереди машины упорную стойку, подтягивала за машиной силовой высоковольтный кабель длиной около 220 метров. По мере надобности приходилось бегать то за одним, то за другим инструментом. Угольный пласт «Верхняя Марианна» здесь был сильно водообильный, с кровли ливнем падала вода. Это создавало определенные трудности в работе машины. На смену приходишь в сухой нормальной спецовке, а через полчаса вся брезентовая спецовка была мокрой, она становилась как камень. На подошве вода собиралась и текла, как в реке, ноги по колено в воде, на штреке тоже кругом вода – насос не успевал отсасывать. Вентиляция в шахте сильная и при мокрой спецовке приходилось так мерзнуть, что, как говорится, «зуб на зуб не попадает».

В годы войны, да и после плохо соблюдалась техника безопасности и охрана труда, не до этого было. Однажды я, чтобы согреться, легла на работающую машину и вскоре крепко заснула от тепла. Проснулась от сильной боли. На меня свалилась с кровли целая пачка глинистого сланца. Получила сильный ушиб, кости целые, но на левом боку хорошо отбились мягкие места, да так, что месяца четыре ходила, немного прихрамывая. Врачу на шахте стеснялась показываться, так как могли и наказать. Этот случай с моей стороны – чистое нарушение правил техники безопасности.

Подобные случаи со мной были не раз, пока проходила производственную практику на шахтах. Бывало, уставшая, замерзшая, да еще голодная, ждешь конца смены, хочется побыстрее выбраться на гора, на теплый воздух. Однажды,

чтобы сократить дорогу «на гора», легла прямо в лаве на работающий конвейер с тем, чтобы вместе с углем выброситься в вагонетку, которая стоит внизу у люка, для по-грузки. В тот раз так и выбросил меня конвейер в вагонетку, но поцарапала лицо до крови. Пришлось пойти в медпункт и исповедаться.

Еще другой случай: угольный пласт «Верхняя Марианна» в Караганде обычно разрабатывается в три слоя при мощности пласта в 8 метров и между слоями – горизонтами имеются дудки – вертикальные выработки глубиной в 3 метра, для вентиляции, спуска материалов, то есть соединяющая горизонты (в виде колодца как бы). Спустишься по ней и вмиг оказываешься внизу, в нижнем горизонте или же поднимешься по ней, оказываешься в верхнем горизонте, а по правилам техники безопасности это запрещалось.

Тоже я не раз нарушала, при этом поцарапав ноги, и т.д. Как я не раз убеждалась, соблюдение правил техники безопасности в годы войны были относительными и в Караганде и в Ростовшахтаантраците, где я работала и одновременно проходила практику. За нарушение правил сильно не наказывали. Этим все и пользовались.

Преддипломную практику я проходила на шахте им.Октябрьской революции в г.Шахты комбината Ростовшахтоантрацит. Занимала рабочее место в бригаде крепильщиков, затем в бригаде бурильщиков. Разрабатывался угольный пласт антрацита мощностью всего 60 сантиметров. Работали, в основном, лежа или сидя, передвигаясь по-пластунски по лаве.

Мы с Любой Шульгиной, моей подругой, пришли в указанную нам лаву – очистной участок, там недавно взрывали пласт и рабочие стояли в штреке в ожидании, когда лава полностью проветрится после взрыва. Мы хотели полезть в лаву. Рабочие нас предупредили, что участок, лава еще не проветрилась, что после взрыва прошло немного времени, рано еще туда заходить.

Мы их не послушались, думая, что они шутят над нами, и полезли в лаву по-пластунски – это продвижение на коленях и на локтях, для этого специальную спецовку шьют с нарукавниками и наколенниками. Проползли

мы всего несколько метров вверх по лаве, и дальше я не помню, что было. Проснулась – лежу в ванне шахтной бани на поверхности, вокруг все суетятся и Люба тоже. Я, оказывается, сильно угорела и тут все вспомнила: рабочих, которые нас предупреждали, и сожалела, что напрасно мы их не послушались. Мы правила нарушали самым сознательным образом, думая: «Будь что будет!»

Вообще, надо признать, что у меня лично много было ребячества. Когда мой сын Нурлан, будущий горный инженер, уезжал на практику в Жезказган или Караганду, я его наставляла, чтобы он не смел нарушать положенные правила техники безопасности в шахте, исходя из своего горького опыта.

За время работы в шахте, занимая рабочие места в качестве бурильщика, крепильщика, люкового, вагонщика и т.д., мы зарабатывали большие деньги, особенно после четвертого, пятого курса и на преддипломной практике. В эти годы наш отец заболел силикозом, не мог иметь приличный заработок как прежде, и мои деньги пригодились на приезд домой и на обратный отъезд в институт.

ОТМЕНА ХЛЕБНОЙ КАРТОЧКИ И ДЕНЕЖНАЯ РЕФОРМА

На время прохождения практики на шахте им. Октябрьской Революции нас разместили на квартире одного рабочего этой шахты. Эта квартира состояла из маленького домика с одной комнаткой и передней, где топилась печка. В комнате жили хозяева, а нам поставили топчан рядом с печкой. На топчан вместо матраца толстым слоем настлали соломы. Соломенный матрац для нас не ново, не привыкать спать вдвоем на топчане, рядом с печкой было нам тепло, приятно.

Люба пошла за хлебом, взяв наши хлебные карточки. Была сегодня ее очередь, я продолжала спать, это был выходной день. Вдруг со смехом, с шумом заходит Люба.

Я, конечно, проснулась сразу. Она сообщила, что отменили хлебные карточки. И в руке у нее две буханки хлеба. Я быстро соскочила с топчана, начала целовать от радости Любу в обе щеки. Она продолжала говорить, что теперь можно хлеба брать сколько угодно.

Это было 1 декабря 1947 года – день отмены хлебной карточки. СССР жил семь лет с карточной системой в войну и после. Мы с Любой на радостях не заметили, как вдвоем съели целую булку.

Кстати, через несколько месяцев после этого события, весной 1948 года объявили о денежной реформе. Эта реформа для нас студентов прошла спокойно, без нервов, переживаний. Мы только посмеивались, ибо она абсолютно нас не касалась, как будто ее и не было.

На заработанные деньги в бригадах бурильщиков и крепильщиков шахты я купила себе отрез шерсти для платья и отрез драпа на демисезонное пальто. После возвращения с практики в институт, с этих отрезов одна семейная студентка в общежитии сшила мне красивое платье и пальто с беретом. Это была первая обновка за свой труд на шахте. К этому времени я достаточно обносилась. Первое новое пальто зимнее, купленное мне, когда я училась в девятом классе, я уже проносила семь лет с заплатками на рукавах. Та с вышивками батистовая блузка и платье льняное, как упомянула выше, уже почти износились. Зина сшила и прислала мне белый шелковый костюмчик, вот мой основной гардероб был. По мерке военных лет, да и после, я была одета довольно скромно.

Кроме специальных покупок на заработанные деньги я приобретала все необходимые учебные принадлежности, начиная с учебников, тетрадей, ручек, карандашей и все, что нужно для учебных занятий. Из дому денежных переводов бывало пару раз за учебный год по 300 рублей от сестры Зины.

Мне хочется особо отметить, что в эти тяжелые годы для народа, как я в этом не раз убеждалась, была дружба между людьми. Я это видела, когда работала в бригадах бурильщиков, крепильщиков. Конечно, работы для меня были тяжелыми, трудными, но на это я не сетовала. Основной рабочий контингент на шахтах состоял из

парней, которых специально по брони оставляли, их на фронт не брали, ибо на шахтах некому было бы работать, если не считать стариков и подростков.

Поэтому, когда мы студенты просились на рабочие места, нам с радостью предоставляли их. Эти квалифицированные рабочие нам помогали, обучали, наставляли. Мне лично бывало неудобно, когда мы получали зарплату за то, что при выполнении производственной нормы выработок в три раза меньше, чем эти парни, нам платили как члену бригады наравне с ними. Никто из них не выражал недовольство за нашу высокую зарплату.

Получалось так, что при норме пробурить 12 шпуров за смену в толщу угля при двухметровой штанге электросверлом, я могла пробурить всего 4-5 шпуров. Правда, электросверло весит 8 килограммов, мне тяжело его держать на животе и с силой подавать в забой. Никто из этих рабочих никогда не говорил, за что вам столько платят, или же какой ты национальности, откуда родом, сколько тебе лет.

У всех людей была одна задача, победить в войне и быстрее восстановить жизнь, у всех было единое желание как бы скорее все вернуть в довоенное положение.

ДИПЛОМНАЯ РАБОТА

По возращении в институт скоро приступили к дипломным работам. К этому времени я уже чувствовала себя усталой, даже несколько больной. У меня был гастрит желудка, вообще авитаминоз организма, зубы мои шатались, заболели десны. Когда мы учились на старших курсах, в нашей столовой открыли отделение для больных желудком, меню вроде улучшилось, но пользы для меня не было. Все, что я ела, мой желудок вовсе не переваривал, пищу отдавал обратно. Помню, для желудочных больных бесплатно давали ежедневно по стакану молока с белой булочкой, и это мне на пользу не пошло.

Я тогда решила заняться физкультурой, гимнастикой, купанием, плаванием на Днепре, до которого от нашего института было рукой подать. Это через парк Шевченко и внизу тут река, всего где-то около полутора километра от нашего общежития. Дипломом я занималась в основном ночью, а к утру в 6-7 часов бежала на Днепр. Кстати, на бе-регу наш учебный полигон военной кафедры, и здесь я проделывала свою зарядку, после сразу окуналась в реку и плавала.

Этот утренний заряд давал мне здоровье. Бывало я прихожу с реки, а мои девчонки все еще спят. Я их с шумом будила, и шли все завтракать. После завтрака через некоторое время я ложилась спать. Это я себе взяла за правило. Спалось крепко, девочки сядут заниматься, я их не слышу. Они тоже в свою очередь ко мне относились щадяще, не шумели.

Я дипломом занималась напряженно, благодаря этому на десять дней раньше закончила и защитилась, чем мои девочки по комнате. После защиты у меня было много свободного времени, помогала девочкам, читала их работы.

Я упомянула о нашем институтском полигоне: нас десятиклассников практически готовили к войне, на фронт. Но об этом нам не говорили, оказывается, это было так. Нам здесь специально преподавали медсестринские навыки, как обходиться с ранеными, оказывать первую помощь при ранении, правилам бинтования и т.д. Военрук обучал нас стрельбе с винтовки, как пользоваться гранатой и многому другому.

В институте военному искусству стали нас обучать по приезду в Днепропетровск со второго курса, с 1944 года и до окончания института, все эти годы нас учили стрелять и знать все тонкости. Мы владели, начиная с боевой винтовки кончая зенитной пушкой. Нас девочек готовили специалистами по зенитной пушке и всеми приборами ПУАЗО-2, ПУАЗО-3 для команды по стрельбе по самолетам. По окончанию военной кафедры присваивали звания. Парням – лейтенанта, девочкам – сержанта. Мое военное звание – сержант, на руки дали удостоверение. Так все военные занятия мы проходили на нашем военном полигоне на берегу Днепра.

Здесь Днепр протекает спокойно, не такое глубокое дно, вода всегда здесь теплее, чем в других местах реки. Поэтому я прибегала всегда сюда отдыхать и заниматься зарядкой, плавать, набраться бодрости.

ЗАЩИТА ДИПЛОМА И ВСТУПЛЕНИЕ В ПАРТИЮ БОЛЬШЕВИКОВ

Защита моего дипломного проекта состоялась в 10 часов утра 22 июня 1948 года. Работу нашли хорошей. Тут же поздравления, пожелания моих преподавателей-профессоров, моего руководителя, профессора Овчинникова, и моих дорогих подружек.

Преподнесли цветы, для этого девушки специально купили хорошую хрустальную вазу. Я после сфотографировала этот букет цветов. Это была первая моя заслуженная награда, и она сохранилась, эта фотокарточка, дома в альбоме. У меня был фотоаппарат ФЭД моего брата Зияды, покойного, этот аппарат родители вверили мне. В институте я им фотографировала, пленки хранятся и сейчас.

В этот день после обеда прибежали наши и сообщили мне, что сегодня партийное собрание, где будут меня принимать в партию, что уже висит объявление и там написано в пункте первом повестки дня — «прием в партию Садвакасову» и еще двух других. Я бегу сломя голову туда, где висит объявление. Там действительно указана моя фамилия. Собрание началось в 5 часов дня, в резерве оставалось всего 2 часа времени.

Конечно, я давно ждала этого дня, но не сегодня в день защиты мною диплома. Меня должны были принимать в партию еще в апреле, кандидатский срок прошел уже три месяца тому назад. Теперь видимо решили, что оттягивать дальше некуда, ибо я заканчивала дипломную работу, поэтому партком срочно и включил это дело на сегодняшнее партсобрание, 22 июня.

Я вела дневник с 1943 года, т.е. с первого курса, закончила писать дневник 22 июня 1948 года, сейчас сохранилась последняя общая тетрадь, где мною записано, что защитила диплом, и что сегодня же, 22 июня меня приняли в члены партии большевиков. Дальше запись красным карандашом для рисования: «Ура! Ура! Ура! Две радости в один день, я самый счастливый человек, счастливый день в моей жизни. Теперь я свободный человек». Такую запись я сделала поздно вечером 22 июня, после я дневник не открывала, больше не стала его вести. Правда, кое-какие были записи в канун моего замужества, это было в 1949 году.

На партийном собрании мне задавали много вопросов по уставу, опять же как при приеме в кандидаты в 1947 году о моем социальном происхождении, кем были мои родители, где и кто мои братья, сестра, об их семьях, где я хочу работать. Поскольку при предварительном распределении я просила направить меня в Карагандинский угольный бассейн, здесь на собрании это я подтвердила. Собрание моим ответам и просьбе одобрительно отнеслось. Были добрые высказывания в мой адрес со стороны преподавателей.

Ведущий партийное собрание профессор Шилов, он же секретарь парторганизации института, декан электромеханического факультета после всех вопросов и моих ответов поставил на голосование о приеме, тут все прошло единогласно. Профессор Шилов в заключение высказал несколько положительных слов, вроде: «Караганда от нас, с института получит еще одного хорошего специалиста в лице Садвакасовой», – пожелал удачи и поздравил с вступлением в партию и окончанием одновременно института.

Назавтра нас, защитившихся пригласили к директору института к Петру Григорьевичу Нестеренко для вручения диплома. Профессор Нестеренко вручил мне мой диплом горного инженера и поздравил, пожелал доброго пути в жизни. Это было 23 июня 1948 года.

Вскоре одна за другой стали защищаться и мои подруги по комнате. Все чувствовали себя счастливыми, радость на лицах. Мне теперь хотелось поехать скорее домой, но не

могла это сделать, не могла оставить и не дождаться своих подруг, друзей и каждый раз ходила на их защиту.

И так все теперь позади, быстро прошли наши тяжелые студенческие годы, жалко, что часть студентов не окончила институт, не выдержав трудности жизненные, оставили учебу уже на первом, втором даже четвертом курсах и пошли работать, кто куда.

ОТЪЕЗД ДОМОЙ

Хорошо, что все хорошо кончается, но, в тоже время, в эти для нас радостные дни, например, мною начало овладевать какое-то грустное чувство, жалко было института, где прошли пять лет, оставить его и идти в неведомое будущее. После выпускного бала, мы, попрощавшись друг с другом, начали отъезжать домой на работу. Накануне я получила письмо от Зины сестры, которая к этому времени тоже заканчивала в Алматы высшую партийную школу. Она писала, чтобы я приехала к ней в Алматы, и мы поедем вместе домой в Карсакпай, таким образом, обрадуем наших родителей.

Я это предложение встретила с одобрением, для этого взяла билет на поезд Днепропетровск-Москва с тем, чтобы оттуда поездом в Алматы. Собрала все конспекты, книги, дневники упаковала в два чемодана с вещами, и вдруг за полчаса до моей поездки на вокзал пошел дождь с ливнем и все улицы, тротуары залило как рекой. Как ехать, теперь я вся промокну. Ни плаща, ни зонта у меня не было.

В это время мои девочки взяли мои чемоданы, а местная девочка сокурсница Тоня Николаенко сняла с моих ног туфли в обе свои руки, взвалила меня на себя, и потащились все на трамвайную остановку. Дождавшись трамвая, все приехали на вокзал, оказывается, мы чуть не отстали от поезда, посадка уже заканчивалась.

Быстро подошли к моему вагону, как указано в билете. Тоня меня спустила прямо на подножку вагона, и мы все быстро зашли внутрь. Оказывается, я намокла совсем

немного, зато ноги были сухим, чего настойчиво добивалась моя Тонечка. Правда, все мои девочки были намокшими, ибо их ноги по щиколотки были в воде, отсюда об их обуви говорить не приходится. Видя такую смешную картинку, мы все вдоволь посмеялись над Тониным трюком, это со стороны выглядело забавно, как у маленьких детей.

Наступило время прощания, все прослезились, поцеловались, дали обещание писать друг другу. Действительно, в дальнейшем мы все переписывались, ко мне приезжали из Москвы, Донбасса, приезжали потом в Алматы. У моих подружек жизнь сложилась по-разному, у одних хорошо, у других средне, все работали до пенсии. У многих были нормальные семьи, дети, внуки, к сожалению, несколько человек рано ушли из жизни, по ним я от всего сердца горевала.

Поездом Москва-Алматы я приехала к сестре, которая с нетер-пением меня ждала. Я в Алматы впервые, поэтому Зина мне показывала достопримечательности города. Ходили в театр, кино, парк им. Горького и другие места. Тогда город был в основном одноэтажный, кое-где были двухэтажные дома, учреждения. Весьма зеленый город, завален фруктами, яблоки апорт уже были всюду, источая необыкновенный приятный запах. Мы домой набрали их, сколько смогли, по нашим возможностям.

Дома нас ждали родители с нетерпением, было много радости, они были весьма счастливыми. После окончания высшей партийной школы Зина стала работать опять в райкоме партии, побыв дома две недели, я уехала в Караганду на место назначения, на работу.

УСТРОЙСТВО НА РАБОТУ

Пока я училась, Караганда уже расстроилась, появилось много новых улиц, новые здания. Я прямо по приезду направилась с путевкой в руках в комбинат «Карагандауголь» отдел кадров. Здесь же мы встретились

с моей Рузей, она с Днепропетровска позже выезжала. В отделе кадров начальник нас принял, не задерживал долго. Рузю оставил в аппарате комбината, а меня направил в трест «Молотов-уголь», а там, на шахту 20 бис. В тресте мне сказали, что на шахте нет плановика, и что я буду работать на этой должности. Когда мне об этом сообщили, очень расстроилась. Я ожидала, что мне предложат хотя бы место мастера в добычном участке, это мне было бы под силу, а тут плановиком. Я пришла на шахту.

Было время пересмены, начальника шахты на месте не было, был главный инженер Стрюк Леонид Иванович. Позже узнала, что Стрюк тоже выпускник нашего института, только далекого довоенного времени. Он сидел, давал наряд на смену, которая начиналась в 4 часа дня. В это время с шахты выходили рабочие с утренней смены, часть из них прямо направилась к главному, чувствуется по их голосу, в коридоре слышно с кабинета (дверь была открыта), что они чем-то недовольны, выпалив одно крепкое ругательное слово, зашли к главному инженеру.

Стрюк, встав с места, стукнув кулаком о стол, начал говорить зашедшим рабочим, чтобы они не смели больше так выражаться, тем более в присутствии девушки. В дальнейшем следили за языком своим, не только на поверхности, но и в шахте. Меня им представил как нового работника, молодого специалиста, инженера, просил любить и жаловать. Так произошло мое первое крещение на шахте.

Действительно, когда я ежедневно лазила под землей и бегала с одного участка на другой, они были уже предупредительны. Мне не приходилось слышать со стороны рабочих какие-нибудь неподобающие слова, наоборот, между нами всегда были деловые разговоры, спокойные беседы. Мне не нова рабочая обстановка на шахте по моей практике. При дальнейшей моей работе на шахте больше не приходилось услышать наше «модное рабочее слово». По мере привыкания ко мне по работе люди стали относиться с уважением, предупредительно, бережно, это я чувствовала.

Правда, в начале надо мной посмеивались. Когда пришла я на шахту, на пальцах был яркий маникюр, на

ногах модные американские белые с коричневой отделкой туфли, на мне модное платье, тоже приличное, а на голове прическа с моими косами. Фигура, как говорится, что надо, тогда я весила всего 42 килограмма. Кстати, туфли были из американских нам подарков в годы войны по «ленд-лизу» как воюющей стране в помощь. Нашему институту тоже перепадало, нам их потом раздали. Мне тогда достались блузка шелковая, туфли, шарф.

Помню, когда назавтра я пришла на работу, уже была в худшем «наряде», постаралась принять рабочий вид. Мне сразу выписали рабочую спецовку, получив их, переоделась, направилась в ламповую, где определили, выдали лампу с аккумулятором, шкаф для одежды, мое постоянное место в раздевалке. В шахту меня сопровождал сам Леонид Иванович.

Определили в общежитие в первый же день, дали комнату в рабочем общежитии. Назавтра она была полностью обставлена новой мебелью производства нашего Карагандинского мебельного комбината, она состояла из платяного шкафа, стола с двумя стульями, двух железных кроватей, тумбочки, еще бак для воды с алюминиевой кружкой, ведро, кочерга, лопаточка для угля. Полный комплект постельного белья, одеяло и т.д., все, что необходимо для молодого специалиста, который прибывает на работу, на шахту.

В те годы так было принято, особенно после войны, когда угольная промышленность нуждалась в горных инженерах – специалистах, ибо многие из кадров погибли на фронтах отечественной войны.

Кстати сказать, что из-за нехватки в СССР экономистов во всех технических ВУЗах страны дополнительно ввели факультет экономики, нам пришлось, поэтому на пятом курсе параллельно прослушать курс экономики народного хозяйства, это примерно два с половиной три месяца. И не случайно меня направили на шахту в качестве горного инженера-экономиста, нормировщика, плановика – все специальности в одном лице.

Нетрудно было справляться со всеми внутришахтными делами, это добычные, капитальные и подготовительно-проходческие участки, подземный транспорт, связь,

энергоснабжение, водоотлив, околоствольные участки, вплоть до подъема угля на гора, дальше погрузка в железнодорожные вагоны.

Конечно, мое знакомство, изучение всего шахтного сложного хозяйства не проходило без заминки, особенно с рабочими, начальниками участков, каждый защищал свой интерес, должен был быть при этом «правильным», и у меня были свои на это соображения, просто сдаваться мне было нельзя.

Шахты 20 бис и 20 основная одна продолжение другой, подземное соседнее шахтное поле, обе разрабатывали и добывали уголь с одного же пласта «Верхняя Марианна» – это самый мощный толстый угольный пласт во всей Карагандинской свите угольных пластов, толщина в нем восемь метров. Добыча угля с этого пласта сложная и трудная. Пласт разрабатывался в три слоя, значит, в три горизонта.

Уголь здесь по своему качеству очень ценной марки «ПЖ» – паровично-жирный, идет на коксование, известно, что кокс – хлеб металлургии. Построенная в конце пятидесятых годов Темиртауская коксовая батарея тоже основана на этом угле, как потребитель. Разработка пласта и добыча с него угля мне знакома еще со времен войны, с практики на шахтах во время студенческих каникул, когда была необходимость зарабатывать, занимая рабочее место.

В первые месяцы пришлось спускаться в шахту почти ежедневно, бегая с одного участка на другой, с одной добычной лавы в другую с тем, чтобы хорошо знать состояние дел в каждом из них, где какие и в чем трудности, разобраться и помочь. Без этого нельзя правильно нормировать шахтерский труд, оттуда и правильно определить расценки, зарплату. Ибо в технологии той или иной работы, процесса работы бывают изменения, неожиданности. Это весьма характерно в горном деле, еще не всегда предсказуемом.

О проделанной работе периодически информировала начальника шахты очень опытного, спокойного, выдержанного человека Альменова Сартбая, главного инженера Стрюка Леонида Ивановича и парторга шахты

Левина. В основном, все они прислушивались к моей информации и, в свою очередь, решали те или иные сложные вопросы. Между нами, мною и руководством, сложились более или менее терпимые взаимоотношения.

Где-то через месяца полтора меня пригласили в районный комитет партии к секретарю райкома Коновалову Тимофею Ивановичу. После знакомства он сообщил мне, что пришла моя партийная учетная карточка с Днепропетровска, что надо теперь встать на учет. Состоялась подробная беседа со мной, все расспросил, что и как. Я обо всем ему рассказала, и он в конце беседы пожелал мне успехов в работе, в жизни. Я почувствовала со стороны Тимофея Ивановича заботу как к молодому большевику, инженеру.

Начались холодные с изморозью дни, было видно, что скоро наступит зима. На мне теплых вещей еще не было. На работу ходила в легком демисезонном пальто, на ногах были на низком каблуке туфли, от которых тепла не было, и я заболела воспалением легких, с высо-кой температурой. Купить одежду потеплее у меня денег еще не было. Моей зарплаты хватало на еду. Недалеко от нашего общежития была столовая, которая работала то, как ресторан, то, как столовая. Я обычно все три раза в день питалась там, да еще по дороге на шахту продавали обычно местные яблоки, покупала их. В хлебном магазине начали продавать плиточные шоколадки, ежедневно по плитке покупаю. Вот от получки до следующей у меня кончались деньги, почти не оставались.

Узнав, что я заболела, главный инженер пригласил, поговорил, узнав, что мне больше надевать нечего, выписал требование на получение со склада полушубка. Такие теплые вещи положены рабочим участка погрузки, то есть рабочим на поверхности. Полушубок был белый, красивый, теплый. Надев его, стала «человеком». Но на ногах все те же туфли, купила себе на базаре валенки ношеные, даже подшитые, еще теплый матерчатый платок. Мне тепло стало, ходила на работу, правда, полушубок через неделю стал из белого черным от копоти, угольной пыли. В этой же одежде ходила по выходным дням в кино.

Ко мне стали приходить парни для знакомства. Замуж

выходить еще в моем плане не было, я еще не готова была. Приходилось давать им «от ворот поворот», сказав, что я замуж не собираюсь, а буду продолжать учебу в аспирантуре и т.д. Эти парни больше ко мне не приставали.

Летом, когда мне предстояло уезжать в Караганду на работу, моя мама предлагала взять ношеное, но в хорошем состоянии пальто моей сестры Зины, белый пуховый платок нашей снохи Дариги и старые мои сапоги еще с института. Но я отказалась их взять с собой, считая, что куплю себе новую одежду на свою зарплату. Теперь-то пришлось пожалеть об этом.

НАСТАВЛЕНИЯ ПЕРВОГО СЕКРЕТАРЯ РАЙКОМА ПАРТИИ

Мне однажды передали с шахты, что в воскресенье к двенадцати часам приглашает к себе первый секретарь райкома партии. Думаю, опять какое-то поручение будет, только почему в выходной день, обычно по делам же в будние дни вызывали.

Прихожу к указанному времени в кабинет Коновалова Тимофея Ивановича, где дверь стояла открытая нараспашку. В глубине кабинета сидя за рабочим столом, опустив голову вниз, уткнулся в какую-то бумагу Тимофей Иванович. Я прошла через весь кабинет, а он все еще голову не поднимает. Поднял голову только тогда, когда я довольно громко поздоровалась, подойдя к его столу. Сесть мне не предложил, я стояла. Задал он мне вопрос: «Сколько у тебя детей? Я ответила, что я не замужем. Он сказал, что спрашивает серьезно, сколько у меня детей, я в недоумении повторила свой первый ответ. Тогда предложил мне сесть и сказал, что сегодня выходной, что в рай-ком пришел из-за меня вместо отдыха.

«Давай разберемся. Ходишь ты, как старуха, по внешнему виду другого не скажешь, на работу в этом грязном полушубке, это ладно. Но в кино в этой спецовке, в столовую-ресторан в ней, почему так? Ведь на тебя

смотрят парни, ты барышня, тебе замуж впору. Я знаю, что к тебе присматриваются, приглядываются, а ты этого не замеча-ешь, ходишь везде и всюду, как на шахту. На тебя смотрят люди в районе, о тебе говорят, чтобы я больше тебя не видел в этой спецовке. Надо приодеться как все девушки, для этого надо тебе купить пальто, необходимые вещи. Куда деваешь зарплату?».

Я ответила, что ее мне еле хватает. Тогда Тимофей Иванович сказал: «Как это не хватает, на такую зарплату живут шахтерские семьи, кушают, одеваются, им хватает, а тебе нет, непонятно, куда их деваешь?». Я ответила, что на еду трачу и кино. Дальше он разо-брался в моем рационе питания, в моих расходах. В заключение сказал, чтобы экономнее жила, придержала свой желудок, аппетит. Отказалась от регулярных ежедневных покупок шоколада, дорогих фруктов с рук спекулянтов, вместо трехразового питания в столовой-ресторане питаться дома, готовить и другие наставления.

В тот же вечер села и написала письмо домой в Карсакпай, где просила срочно прислать мне те одежды, от которых я летом отказалась. Вскоре из дому пришла мне посылка с вещами, и я была одета в черное зимнее пальто с хорошим меховым воротником, в белый пуховый платок и черные сапоги. И однажды я шла в кино, а на другой стороне дороги шли в кино Коноваловы, я случайно посмотрела, Тимо-фей Иванович весь в улыбке и показал в знак одобрения большой палец, и мы все трое засмеялись.

Действительно, через несколько месяцев я купила себе хорошее зимнее пальто с коричневым цигейковым воротником и шапку цигейковую под цвет воротника. Я становилась похожей действительно на девушку, мне на работе стали говорить комплименты, больше со стороны женщин, таких как Федотова, она же председатель женского совета на шахте, Зацарина и других. Мужчины тоже не отставали.

Моя работа шла своим чередом, ежедневная разборка с начальниками участков, цехов. Они ко мне привыкли, относились как к своему человеку, дружелюбно. Бывало, шахта за вчера план добычи по той или иной причине не выполнила, а в трест надо давать данные. Как быть? Тут

главный инженер советуется или же что-то предлагает, например, пригласить начальника участка, по чьей вине недодача угля в целом по шахте, затем принимаются меры.

Однажды, я случайно заметила, что идет приписка, тут же возмутилась, высказать пришлось мое несогласие и возмущение. Конечно, этот пробел по шахте пришлось исправить. То есть в день перевыполнения плана сминусовать ранее допущенную приписку по шахте, такие случаи бывали и позже, но я категорически была против такой практики со стороны руководства шахты, и на этот счет моя позиция в этом вопросе была для всех ясна, т.е. не приписывать. Пока работала на шахте, такие факты больше не имелись.

Районный комитет партии стал приглашать и давать поручения, связанные с работами отдельных шахт, организаций, сделать доклад на торжественном собрании района, посвященное Женскому дню 8 Марта, которое состоится в клубе. Кстати, этот единственный клуб в районе был местом для проведения всех культурных мероприятий. Днем показ кинофильмов, по вечерам концертов своих «артистов» или приезжих артистов, проведения всяких важных собраний, совещаний.

ПЕРВАЯ ПАРТИЙНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Вскоре избрали делегатом на предстоящую районную отчетно-выборную партийную конференцию. Она шла в течение трех дней, за это время успела познакомиться со многими районными активистами. Это начальники шахт, их главные инженеры, там были и руководство треста, с которыми ранее была знакома по нашим отчетам. Многие ко мне подходили, сами представлялись для знакомства. Интересовались, как мне молодому специалисту работается, в том числе, были некоторые мои коллеги по другим шахтам.

Секретарь обкома Аким Сериков, как старший по возрасту, сам подошел, представился, спросил,

как мне работается на шахте. Сериков был от обкома партии, как бы уполномоченным, сидел в президиуме, среди избранных для ведения конференции. Рядом со мной в зале сидел Сергазин Жума, начальник одной из шахт. Фамилию Сергазиных Файзуллы и Жума я и ранее слышала, их несколько поколений, все они выпускники нашего института. С их именами связано развитие Карагандинского угольного бассейна. Я раньше встречалась по работе с начальником горнотехнической инспекции Сагиновым Абилем, ныне академиком НАН РК. Он тоже выпускник нашего института. Сергазин Файзулла позже стал секретарем обкома, когда делили партию на промышленников и аграрников (это было в конце 1962 года Хрущевым), потом председателем Карагандинского облисполкома, к сожалению, он рано ушел из жизни.

Ход обсуждения отчетного доклада был критичным, и в то же время, объективным. Критиковали за недостатки в работе нашего секретаря партбюро Левина, директора – начальника шахты Альменева, в совокупности за все недоработки и начальника треста «Молотов-уголь» Гридина.

Я переживала за критику наших, в какой-то мере это относила и к себе, чувствовала здесь и свою вину. Бывало во время наших отчетов перед трестом за критику недостатков в работе начальника, главного инженера шахты и меня, я сильно переживала за старших, нежели за себя. Наш отчет слушали и разбирали до косточки подробно и долго. Здесь выкладывали нам все недостатки, вплоть до мелочей, все плюсы и минусы в производственной и экономической деятельности коллектива шахты. Весь спрос в конечном итоге, сводился к выполнению основного плана по добыче угля и себестоимости добытой одной тонны, то есть к рентабельности.

После таких отчетов, когда выходишь из кабинета начальника треста, то мы все бывали, похожи на людей, которые только вышли из парной бани. Требования к нам здесь бывали жесткие, безусловно, объективные. Эти регулярные отчеты за работу шахты для меня стали своеобразной школой. Я стала особо уделять внимание на свою работу, критически относиться к себе, анализировать свою деятельность, свое отношение к недостаткам,

которые мне отмечали в тресте во время наших отчетов. Я старалась исправлять свои недостатки, пока не добивалась положительных результатов.

Однажды меня пригласили в Карагандинский областной комитет партии в отдел партийных органов и предложили работу инструктором отдела по тяжелой промышленности обкома. Я, недолго думая, сразу отказалась от предложения, мотивируя тем, что мне нравится моя инженерная работа на шахте по своей специальности, что другой работы не представляю и не знаю. Спустя месяц после этого меня опять пригласили в обком партии. Оказывается, из Алматы приехал заведующий отделом тяжелой промышленности ЦК компартии Казахстана товарищ Полимбетов Сейтжан. Им нужен был инструктор в отдел. Пригласив меня, Полимбетов предложил эту работу, от которой я, разумеется, тоже отказалась, мотивируя тем же самым, что не смогу работать.

Вообще у меня был план после года работы поехать в Алматы поступить в аспирантуру, дальше продолжать учиться. Но этому плану не суждено было сбыться.

Однажды с шахты мне сообщили, что ко мне приехала с Карсакпая моя мама, что она ждет на вокзале старого города Караганды. Я этому сильно обрадовалась, быстро нашла грузовую машину и поехала за мамой, по которой сильно соскучилась. До старого города от нашей шахты расстояние примерно километров тридцать.

Кстати, почему называется «старый город Караганда» наравне с «новым Караганды»? Потому что в старом сосредоточена вся промышленность, шахты, заводы и много других предприятий. Земля на территории этого города вся деформирована, после подработки шахтами сильно осела, местами разрушено жилье, объекты культуры, быта. Подземные шахтные воды, выходя на поверхность, образовывали множество водоемов. Возник, таким образом, новый город поодаль от старого, здесь еще не было ни станции, ни вокзала, поэтому всех пассажиров еще обслуживал старый город своей станцией, вокзалом.

Мы с мамой очень рады были встрече, друг друга одаривали объятиями, поцелуями, были счастливы. По дороге до шахтного поселка километров тридцать, пока

ехали, успели обменяться всеми новостями, друг друга подробно расспрашивали обо всем. Оказывается, мой папа тоже хотел приехать, но накануне плохо себя почувствовал, не мог ехать. Мама смотрелась хорошо, несмотря на ее семидесятый год, была еще крепка, поднимала сама вещи, которые привезла. У меня мама была всего две недели, беспокоилась об отце, хотя дома были другие дети, снохи, которые за ним ухаживали.

Я впервые маме открылась о своем предстоящем плане, замужестве. Естественно, мама забеспокоилась, за кого я собираюсь, что собой представляет этот человек, много вопросов и моих было ответов. Вскоре они познакомились, мама и Галым. Перед отъездом мама сказала, что этот вопрос без отца она единолично не может, не должна решать, и что отец должен приехать, видеть этого молодого человека и скажет свое слово. В принципе, мама со мной почти согласилась, я это сама чувствовала.

СВАДЬБА

По приезду домой мамы родители долго не толковали, а вскоре собрались и все приехали ко мне. Тут и знакомство, сватовство, вскоре и договорились о свадьбе. Галым жил в новом городе в квартире-коммуналке.

В четырехкомнатной квартире проживали четыре семьи. Всего жильцов было четырнадцать человек. В двух проходных комнатах жила семья Галыма из шести человек, это его мама Бактылы, братья Зейнолла и Мади, племянница Рымкеш – студентка и я после свадьбы. В третьей комнате – кореянка, вдова, с тремя детьми, в четвертой комнате – муж с женой, оба врачи, а в ванной комнате, сняв ванну, проживали муж с женой, он – слушатель филиала Алматинской высшей партийной школы в Караганде.

Несмотря на большую скученность в квартире людей, все жили дружно, без ссор, недомолвок, в общественных помещениях, убираясь по очереди, все вопросы

согласовывали между собой, разговаривали между собой вполголоса. На кухне стояли четыре стола, печка топилась углем зимой, весной, осенью, а летом все пользовались электроплитками, электрочайниками.

На нашей свадьбе было всего человек двадцать, это с соседями и моими родителями, Галыма мама с некоторыми родственниками. В те годы свадьбы бывали весьма скромными или их вовсе не делали. Угощение состояло из бесбармака, чая с бауырсаками, конфетами – подушечки, карамельки и, разумеется, была водка, так называемая «Жамбылская», вино «Портвейн № 12». Подарков никаких не было, зато были хорошие, от души напутственные слова, пожелания.

Руководство шахты мне предложило взять мебель, вещи, которыми я пользовалась в общежитии, только стоимостью за вычетом их амортизации. Это остаточная стоимость составила совсем небольшую сумму, за что я была рада и расплатилась за них с удовольствием, перевезли их в квартиру Галыма в Караганду – Новый город.

Мои родители привезли с Карсакпая ковер и другие постельные принадлежности. Таким образом, общими усилиями наши две комнаты были довольно неплохо обставлены всем необходимым, конечно, по мерке тех времен. Все остальные жильцы нашей семьи размещались во второй комнате, все они спали на полу, постелив под себя кошму, старые коврики, на них нехитрые постельные принадлежности.

На работу я уходила рано в семь часов, а вставала еще раньше. До шахты моя дорога была по полю в степи тринадцать километров, которую я преодолевала за два часа и к девяти была на месте работы. Вечером прошагаю опять два часа по полю, и приходила домой только к восьми, а то еще позже.

Однажды на работе спешно ко мне в кабинет заходит председатель женсовета шахты Федотова и спрашивает, нет ли у меня до вечера столько-то денег взаймы, что они срочно нужны для каких-то дел, что она свои позабыла дома. Я, конечно, с удовольствием ей их достаю из сумочки, ибо три дня тому назад получила зарплату. Она меня поблагодарила, но говорит, чтобы в дальнейшем

столько денег не носила бы с собой в сумочке, ибо по дороге домой могут у меня их отнять.

Я этого дружеского совета старшего человека послушалась с благодарностью и назавтра же, уходя на работу, мою первую зарплату после нашей свадьбы оставила дома на столе с тем, чтобы ею распорядился по хозяйству сам Галым, поскольку я вижу, что у меня со временем будет туго.

Действительно, так повелось, что Галыму потом пришлось всю нашу совместную жизнь заниматься семейным бюджетом, его доходами и расходами вместо меня, можно сказать, почти до последних дней его жизни. Я ему за это, за эту помощь всегда была благодарна.

КАРАГАНДАГИПРОШАХТ

Моя жизнь после свадьбы шла своим чередом, продолжала работать на шахте, но утомительная долгая ходьба пешком по степи утром до работы и также вечером домой с шахты меня окончательно убедила, что надо что-то предпринять, так долго продолжаться не может, я начала уже сдавать. Я вскоре узнала, что проектному институту «Карагандагипрошахт» требуется для дел проектирования шахт горный инженер с опытом работы на производстве. Связавшись с отделом кадров Гипрошахта, узнала, что меня могут принять на работу по переводу, по договоренности с нашей шахтой, при этом мой стаж подземника не прерывается. Конечно, я сильно этому обрадовалась.

Не откладывая, вскоре перешла на новую работу в институт «Карагандагипрошахт». Зачислили в горный отдел инженером-проектировщиком шахт. В отделе меня встретили хорошо, тем более начальником была женщина, выпускница нашего горного института Рущина Антонина Ивановна. Она закончила институт года за четыре до нас вместе с ее мужем Рущиным Алексеем Арсентьевичем. Директором института был Заковряшин Иван Иванович, главным инженером Молотилов. Вскоре главный инженер пошел на пенсию и на его место главным инженером стал Рущин.

Первые пару месяцев знакомилась с технологией

проектирования шахт, одновременно занималась конструкторской работой, делала рабочие чертежи капитальных и вспомогательных горных выработок, стволов шахт, подземных камер и других, еще позже перешла на проектирование околоствольных дворов с его всеми подземными прилегающими выработками, камерами, подстанциями. Мною выполненные работы, вышестоящими товарищами по работе, в основном, получали одобрение, без серьезных замечаний.

Через два года стала старшим инженером-проектировщиком. Здесь мне поручались более сложные работы. Из всего комплекса проекта шахты я занималась проектом вентиляции всей шахты, то есть вентиляцией всех подземных работ – это проветривание капитальных и вспомогательных горных выработок, очистных участков, забоев, также подготовительных участков и их забоев, это включало в себя схемы и расчет вентиляции, отсюда подбор вентиляторных установок, типы соответствующих вентиляторов и другие. Мы все работали напряженно, тогда была и вечерняя работа, при шестидневной ра-бочей неделе, отдыхали только в воскресенье.

В эти годы индустриальная Караганда развивалась семимильными шагами, строились одна за другой угольные шахты, ибо потребность в угле, особенно коксующемся, была колоссальной. Карагандагипропшахт только успевал выдавать проекты, чертежи. В пятидесятые годы в Карагандинском регионе получили большое развитие, кроме угольной, еще другие отрасли индустрии. Это Балхашская, Жезказганская медь с Карсакпаем, другая цветная металлургия, Жайремская группа будущих предприятий, Казахстанская Магнитка, отрасли энергетики, машиностроения и много других. Развитие экономики потребовало большого количества людских ресурсов. Сюда стали стекаться люди со всех концов СССР, в основном, специалисты различных отраслей дополнительно к местным кадрам. Население Караганды резко выросло, особенно за счет вновь прибывших, и потянуло за пятьсот тысяч. Караганда становилась, как говорится, «государством в государстве», в то же время в Алматы было около двухсот пятидесяти тысяч.

ДЕПУТАТ ГОРСОВЕТА

В 1952 году меня избрали депутатом Карагандинского городского Совета сроком на два года. Теперь к моей основной работе прибавилось много общественной, депутатской работы. Здесь произошло знакомство с городским хозяйством, с людьми и т.д. Председателем городского Совета был товарищ Сунозов, знающий, весьма деятельный человек. Сессии горсовета для вновь избранного депутата были школой жизни. Здесь раскрывались все стороны городской жизни: и хорошие и плохие.

На вверенном участке как депутат старалась помочь изжить недостатки. Для этого в рабочее время, при необходимости, пришлось ходить с конца в конец города, поселков. К этому времени у меня появились дети, мальчик и девочка – близнецы: Нурлан и Нурхан. Были трудности, связанные с двумя семимесячными новорожденными.

Однажды в ноябре 1953 года меня пригласили в областной комитет партии к заведующему партийно-организационным отделом Котову. Суть разговора у него была, примерно, следующая: «Вы скрываете свое социальное происхождение. Мы располагаем фактами по этому поводу». Тут я абсолютно не знала, о чем конкретно шла речь, и почему я как виноватая, должна перед ним отвечать. Тем не менее, я поняла и решила все подробно объяснить, как меня принимали в институте в партию, как тогда на собрании решили о моем социальном положении.

Товарищ Котов не поверил моим словам и дальше продолжал допытываться, мучить меня. Тогда ему сказала: «Если не удовлетворяют Вас мои ответы, так в чем дело, поезжайте на место, где живут мои родители, почти все родственники, знакомые нашего дома, узнайте у них. Они Вам все расскажут», – и встала с места, еще добавила, – «Есть же органы, которые располагают всеми сведениями». Котов отпустил меня, сказав, что я пока могу идти, но что еще встретимся.

Через пару недель меня опять пригласил тов. Котов и сообщил, что все хорошо, что я в самом деле говорила

правду. Я тогда сильно разозлилась на него и спросила у него, откуда у него такие данные, что не поверил моим словам. Тогда он мне открылся и сказал: «Об этом нам написал Ваш же сокурсник» и назвал фамилию и показал его письмо в обком, дал мне почитать.

К моему удивлению, это был муж моей подруги, который присутствовал на том собрании и слышал все баталии о моем соцпроисхождении, когда меня принимали в партию. Это был фронтовик, после демобилизации пришел в институт продолжить обучение, которое оставил по призыве в армию.

После меня раз и навсегда обком оставил в покое. Данное исследование моей биографии было предвестником выдвижения меня в кандидаты в депутаты Верховного Совета СССР, затем избрания де-легатом на XX съезд партии. Кстати, с Котовым мне пришлось встретиться в третий раз, это в Министерстве социального обеспечения на предмет оказания помощи ему. Это было через двадцать лет после тех двух встреч в обкоме партии. Он постарел, на пенсии, я исполнила его просьбу.

ИЗБРАНИЕ ДЕПУТАТОМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР IV СОЗЫВА

В ноябре 1953 года от института Карагандагипрошахт меня выдвинули в кандидаты депутатом Верховного Совета СССР IV созыва по Ленинскому избирательному округу. В этот округ входили города Темиртау, Балхаш, Караганда, построенная и введенная в эксплуатацию железная дорога Моинты-Чу. Кроме этого все прилежащие к городам рабочие поселки, населенные пункты. Тогда за кандидатов в депутаты Верховного Совета СССР по названному округу должны были голосовать триста тысяч избирателей.

За месяц до дня выборов надо было объездить свой округ, встретиться с избирателями, познакомиться с ними, при этом близко ознакомиться с состоянием дел на местах, жизнью людей, населения данного избирательного участка.

Выслушать их и получить от них наказы, наставления, в последующем их выполнять, если я буду избрана.

В поездке к избирателям меня всюду сопровождала инструктор обкома партии Меркулова Клара Агеевна. Это была красивая умная молодая женщина. Она, опытный человек по прошлым выборам и по работе, все хорошо организовывала. Наши встречи с людьми проходили успешно.

Эти встречи мне помогли познать близко жизнь народа, их чаяния. По выступлениям с мест можно было судить о состоянии дел на данном предприятии, шахты, фабрики, в торговле, бытовом обслуживании, коммунальном хозяйстве, работы почты, телеграфе, в общем, о многом, обо всем, что связано с жизнью людей.

Выступающие беспощадно критиковали руководителей во вверенном хозяйстве за недостатки, подсказывали, как надо искоренить это. Вот здесь роль депутата, как надо контролировать, как надо им помогать. Как депутат должен держать ответ перед избирателями и когда это делать. Просили кандидата помочь изжить указанные недостатки и давали наказы для обязательного их выполнения.

Такой порядок был везде, где приходилось встречаться мне с избирателями. Последовательно все данные мне наказы я записывала в своем дневнике по встречам, ибо по содержанию они бывали весьма животрепещущими и безотлагательными.

После ВОВ не хватало всего и вся. Продуктов питания, одежды, жилья, бань, клубов, библиотек, детских учреждений, школ, больниц, спортивных комплексов и другого. В городах, поселках, населенных пунктах не хватало даже нормальной питьевой воды. Бездорожье, дефицит электроэнергии, частое отключение света в жилых домах, больницах, школах и во многих жизненно важных объектах.

Все эти мероприятия по восстановлению разрушенного хозяйства, территории страны, ее городов, сел, деревень потребовали огромных средств в стране. Последние сосредотачивались в союзном правительстве, в Москве и распределялись адресно на восстановительные задачи, цели. Практически союзным республикам, на территории которых не проходил фронт, из бюджета мало что доставалось, особенно Казахстану.

Для выполнения данных депутату наказов, особенно по новому строительству, надо было обращаться в. союзные министерства и ведомства. При сложившихся экономических обстоятельствах быть «слугой народа» было непросто. Выборы по моему округу прошли нормально, голосовали большинство избирателей. Я стала депутатом Верховного Совета СССР IV созыва.

Первая сессия в Москве состоялась в апреле 1954 года. На этой сессии меня избрали заместителем Председателя палаты Совета Союза Верховного Совета СССР. Председателем палаты Совета Союза избрали Волкова Александра Петровича, председателя Государственного комитета Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы. Сессия избрала председателя и четырех заместителей. Депутатами Верховного Совета избраны более 1400 человек, а из них 730 депутатов по палате Совета Союза и столько же по палате Совета национальностей.

Все эти обязанности мне дали возможность пообщаться с депутатами из других союзных республик, с товарищами высшей номенклатуры партии и правительства СССР, краев, областей и регионов, вплоть до известных передовиков сельского хозяйства, транспорта, промышленных отраслей производства, известных в стране своим самоотверженным трудом, героями ВОВ, героями Социалистического труда, стахановцами и в большинстве своем они избирались депутатами местных – это поселковых, аульных, городских, областных Советов.

ДЕПУТАТСКАЯ РАБОТА

Для выполнения депутатских обязанностей, не раз приходилось открывать двери высокопоставленных ведомств СССР, их руководителей в Москве, вплоть до Хрущева Н.С..

Для разрешения своих вопросов как депутат СССР двух созывов (IV – V созыва, 1954-1962), я добивалась приема у Первухина Михаила Георгиевича – первого заместителя Председателя Совета Министров СССР, Председателя

Госэкономкомиссии СССР, Засядько Александра Федоровича – министра угольной промышленности СССР, Мельникова Леонида Георгиевича – министра строительства предприятий угольной промышленности, Зверева Арсения Георгиевича – министра финансов, Ковригиной Марии Дмитриевны – министра здравоохранения, Псурцева Николая Демьяновича – министра связи, Калмыкова Валерия Дмитриевича – министра радиотехнической промышленности, Старовского Николая Демьяновича – начальника Центрального статистического управления и других.

После избрания депутатом Верховного Совета СССР IV созыва по 637 избирательному округу, меня увлекала работа по депутатским обязанностям. Это, в основном, прием граждан, избирателей по множествам их жизненных вопросов, слушать их во время приема, по возможности помочь им. Кроме этого по тем же вопросам я получала письма, где избиратели ставили все свои вопросы.

На прием приходило очень много людей. Я их принимала раз в неделю после работы с шести до восьми вечера. Все равно приходилось продлить время приема до девяти и больше, пока всех не приму. Со временем убедилась, что одного приема в неделю мало, стала принимать, как выше сказано, два раза в неделю, по вторникам и пятницам.

Все равно домой приходила только к девяти часам вечера. Дома у меня было уже трое маленьких детей, хотя держала няню, и была свекровь, все равно мне самой было нелегко. Пришлось упорядочить вопросы приема, решения поставленных вопросов.

Со временем убедилась, я стала отставать в своей работе по должности. Секретарь партбюро Нудельман Борис Сергеевич это заметил, пригласил меня, стал интересоваться, как я успеваю со всеми этими работами и дома. Пришлось сказать правду, что мне надо помочь, хотя бы в таких вопросах, как сходить или съездить к заявителю, жалобщику на предмет обследования на дому в пределах города Караганды, на такие вопросы надо бы комсомольцев, профсоюзников на помощь с тем, чтобы несколько меня разгрузить.

Впоследствии, мне несколько стало легче, я это почувствовала. На заявления и жалобы после обследования вовремя стала давать ответы положительные или отрицательные. Это для себя считала наиважнейшим, себя обязывала к этому. Встречалась с избирателями на участках часто, выступала с отчетами по данным мне наказам.

Эти напряженные годы отразились на моем здоровье, даже стали лезть волосы на голове, врачи сказали, что это от недосыпания. В самом деле, я могла спать в общей сложности тогда часа 3-4 за ночь. Стали лечить и за месяц волосы на голове вновь выросли. Больше подобное со мной не повторялось.

Вот так, постепенно привыкала к своим нелегким обязанностям депутата. Когда у меня все получалось, я этому очень радовалась, после еще больше старалась.

С удовольствием встречалась с людьми на шахтах, на производственных предприятиях. Там всегда разговор прямой, правдивый, деловой, конкретный. Могли мне иногда сказать нелицеприятное. Я на это не обижалась, принимала как должное. На встречах могли похвалить, одобрить мои действия. Это, безусловно, вдохновляло на большие дела.

В те годы ко мне много обращались из числа участников войны, инвалиды войны, беспризорные дети, которые ездили, жили в поездах, как говорится, «зайцем», без занятий, учебы, без присмотра. Помнится, они часто просили во время приема денег на хлеб или же помочь им найти родителей, последний вопрос был очень тяжелым. А у инвалидов войны пенсии были мизерные, льгот не было, средств передвижения тоже. Мотоколяски появились только во второй половине пятидесятых годов. Практически кроме палочки и костылей у них не было ничего. Решения вопросов инвалидов были весьма трудными.

После принятия мер по отдельным жалобам, когда они решались положительно, можно было услышать одобрение, даже похвалу в свой адрес как депутат. Это весьма было приятно слышать, тем более, когда высказывались прилюдно, при большой аудитории. А когда критиковали как депутата, то не знала, куда провалиться, как говорится, в «какую щель спрятаться». Все это было жизненным уроком для меня, молодого депутата.

Поэтому старалась оправдать оказанное мне доверие. Пользуясь своими депутатскими полномочиями, мне удавалось многим помогать, особенно в лечении больных с тяжелыми заболеваниями.

Для выполнения депутатских обязанностей нам давали мизерную сумму денег, на которую можно было приобрести карандаши, ручку с чернилами, почтовые марки, конверты и бумагу.

Если этих средств не хватало, то за счет своих средств выполняла. В то время междугородние телефонные разговоры стоили денег, особенно с Москвой, Алма-Атой. Бывало, приходят на прием ко мне, уже отчаявшиеся взрослые и дети, иногда они просили один, три, пять рублей, мол, надо доехать до станции Сортировочная, до поселка горняков Федоровка, до Шахтинска, до Карлага и т.д. Не поверить было им нельзя: слезы у них лились из глаз, пока они доверяли мне свои страшные истории. Иногда, бывало, с ними я сама плакала.

Конечно, изредка приходилось им помогать, давать эти просимые суммы из своего кармана. Но это длилось недолго, опять секретарь партбюро Нудельман Борис Сергеевич сделал мне внушение, сказав, что таким образом «волос у меня на голове не останется».

ТУБЕРКУЛЕЗ

На прием частенько приходили туберкулезные больные. Поэтому, к моей просьбе были внимательны во Всесоюзном Центральном институте туберкулеза Академии медицинских наук СССР, где была его директором Лебедева Зинаида Александровна, она тоже была депутатом Верховного Совета СССР.

Получил там полное исцеление, путем большой сложной операции на легких, Поздняков Яков, это мой однокурсник по институту. Через меня оздоровили себя ныне доктор наук, тоже горный инженер Цой В.С. и Любушкина Лидия Павловна, с ней мы работали в Караганде вместе, горный

инженер, бывший главный специалист по Экибастузским – Иртышским проектам угольных разрезов, и много других людей.

Многочисленные туберкулезные больные обращались к депутату за помощью. Думаю, что все эти тяжелые болезни – это результат военных и послевоенных жизненных тягот. Они не доедали и не получали соответствующую медицинскую помощь. Это случалось и с близкими мне людьми, друзьями.

Мне сообщили, что тяжело заболела туберкулезом жена моего младшего брата, Дарига. У них было к тому времени четверо детей, все малолетние. Она все еще работала. У нее была открытая форма. Врачи сказали ей, что требуется серьезное лечение.

Дариgу привезли и устроили в Алма-Атинский туберкулезный диспансер, где работал прекрасный специалист, директор больницы Терликбаев, ныне покойный. Вместе со своими сотрудниками они решили сделать операцию. К этому времени половины легких у нее уже не было. Больная оказалась очень слабой. Необходимо было дать ей возможность немного отдохнуть.

Началось обследование и лечение. В этой больнице питание было неплохим. К этому была поддержка из дому хорошим дополнительным питанием. Мы ежедневно по утрам доставляли по 3 литра кумыса, заставляли ее полностью выпивать, и Дарига все выполняла, стала себя лучше чувствовать. Она была готова к предстоящей операции.

Операция заключалась в удалении пораженной части легких и их зачистке. Тем временем, изо дня в день Дарига поправлялась, прибавляла в весе. Врачи решили подождать с операцией. Прошло три с половиной месяца, а больная выздоравливала, прибавила в весе одиннадцать с половиной килограммов. Она больше не была инфицирована, раны закрылись «каверной», как сказали медики, операции не потребовалось.

Вот такое чудо свершилось с Даригой. Домой она вернулась абсолютно здоровой. Никто из семьи не был инфицирован, потому что соблюдали наставление врачей. Дарига теперь бабушка многих внуков.

СТРОИТЕЛЬСТВО ПСИХОДИСПАНСЕРА

На прием ко мне, наравне с другими, приходили люди с психическими заболеваниями. Они занимали много времени у меня и других, ждавших очереди. Однажды, на моей встрече с избирателями, как кандидата в депутаты СССР, которая проходила в Майкудуке г. Караганды, на трибуну поднялась главный врач-психиатр областной психиатрической больницы Деревинская. Она сказала: «Представьте себе, больница ютится в трех маленьких землянках, оставшихся после японских военнопленных». Дала наказ добиться строительства такой больницы и просила посетить эту больницу.

После собрания решила все-таки посмотреть этот психодиспансер. Вошли с Деревинской в дверь диспансера. Внутри стоял невообразимый шум-гам. На полу катался человек с приступом эпилепсии с пеной у рта. В другом месте больные не ладили между собой. В тот раз я убедилась, что значит врач-психиатр. Деревинская обратилась к больным в нескольких словах. Больные тут же замерли, как в немой сцене. Я убедилась, что, в таких условиях тяжело работать самим врачам. После увиденного в течение нескольких дней я сама ходила, как больная. Тот наказ для меня был нелегким.

После выборов, в марте 1954 года поехала в Москву на первую сессию четвертого созыва. Я познакомилась с министром здравоохранения СССР Ковригиной Марией Дмитриевной и попросилась на прием в министерстве. Во время приема я подробно обрисовала состояние с лечением психических больных в Караганде. Она выслушала внимательно, потом рассказала, как в целом по стране обстоит дело по этой категории больных. Вопрос был не решенный в стране. За время советской власти не было ни одной построенной новой больницы этого профиля. Даже не было проекта под строительство такой больницы.

Я все хорошо поняла. Ее доводы были весьма убедительными. Тогда я высказала мысль, что я могла бы посодействовать перед Госстроем СССР, как депутат.

Средства могли бы найтись. Договорились, что по приезде на следующую сессию, могла бы к ней зайти.

Прошло два года. Минздрав заимел типовой проект психиатрического диспансера на 300 коек. Наконец, осенью 1956 года Госплан СССР просимую больницу для Караганды включил в титульный список строительства республики. Теперь оставалось ждать, когда Казахстан получит эти сведения.

Из Гипрошахта была депутатом Казахстана Кудрявцева Ольга Петровна, с которой мы работали вместе. Она должна была поехать на сессию в Алма-Ату. Я ее попросила зайти в Госплан республики и узнать, поступил ли документ о моей больнице. Она позвонила и сказала: «Зауре, твою больницу отдают городу Кустанай!».

Я не знала, что делать. Столько труда вложила, чтобы в Караганде была такая больница. Решила позвонить Председателю Совета Министров Кунаеву Д.А. По телефону представилась. Изложила свою просьбу: «Товарищ Кунаев Д.А.! Вы, что мою больницу отдаете Кустанаю? По какому праву поступаете так? На Вас буду жаловаться Хрущеву Н.С, – было слышно в трубке, что он засмеялся. – Товарищ Омарова, хорошо, я позвоню Вам завтра в это же время».

Действительно, в конструкторское бюро вбежал кто-то из сотрудников и сказал, что мне звонят из Алма-Аты, чтоб бежала быстрее. По телефону говорил Кунаев Д.А.: «Вы были правы! Госпланновцы, не будучи в курсе дела, переадресовали эту больницу Кустанаю. Вы обязательно получите больницу для Караганды. Я не был в курсе дела». Я поблагодарила его. Сердце пришло на свое место.

Теперь надо было выбрать место для диспансера, т.е. земельный отвод. Для этого пригласила председателя Карагандинского горисполкома Конакбаева Каскатая Досовича вместе с городским архитектором Хидировым к себе в Гипрошахт (в те годы имидж депутата СССР был весьма высоким). Передо мной разложили генеральный план застройки города. Каскатай Досович говорил, что если эта больница для психических больных, то надо ее подальше от города поставить. Городской архитектор его поддержал. Я согласилась. Теперь Караганда выросла. Этот диспансер сейчас в центре города.

Следующий мой вопрос: «Кто будет ее строить, кто будет подрядчиком?». Я выбрала «5 Сталинское строительное управление». В итоге построен громадный комплекс больницы за два с половиной года. Потом мне уже в Алма-Ату позвонил главный врач и сказал: «Ваша больница построена! Приезжайте и примите ее». Я обрадовалась, поблагодарила всех, но сказала, чтобы они сами ее принимали вместе с горисполкомом. Дело было сделано. Там лечились больные не только с Караганды, но и со всего Целинного края и лечатся сейчас.

Вспоминая свои походы, разговоры по этому диспансеру, иногда мне становится неловко. Теперь я сама посмеиваюсь этому своему порыву, вспоминая свои поступки. У меня часто бывали действия по-партизански. Для себя я ничего не выпрашивала.

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНАЯ СТАНЦИЯ МОИНТЫ-ЧУ

В числе данных мне наказов был вопрос обустройства железнодорожной станции Моинты, которая находится в бывшей голодной степи Центрального Казахстана. Климатические условия летом крайне неблагоприятные. Здесь без соответствующей обработки почвы и наличия достаточного количества воды не может расти ничего. Будучи на месте в этом абсолютно убедилась.

Наказ мне давался еще в Караганде на одной из встреч с избирателями. Со времен сдачи в эксплуатацию с 1953 года узловой станции Моинты-Чу, несмотря на возрастающие потребности населения, Управление Карагандинской железной дороги не приняло действенных мер по удовлетворению материальных запросов по улучшению культурно-бытовых нужд трудящихся станции.

Просили о необходимости первоочередного строительства плотины на речке Моинтинка для осуществления и развития огородничества, ибо население здесь испытывало недостаток в овощах, далее необходимо было

дополнительно построить для нормального бытового и технического водоснабжения к имеющейся всего одной водозаборной колонке еще две колонки. Необходимо было открыть дополнительные торговые точки для снабжения продуктами, промтоварами и овощами. К следующему учебному году реорганизовать существующую семилетнюю школу в десятилетку.

Больные вынуждены были ездить для лечения на соседние станции Агадырь, Балхаш, даже в Караганду, поэтому напрашивалось построить поликлинику, выделить автобус скорой помощи. В поселке не было радио, надо было осуществить радиофикацию, для этого построить радиоузел. Население ощущало большую нехватку электроэнергии в освещении, в пользовании в быту. Надо было увеличить мощность существующей электростанции.

В силу всех вышеуказанных недостатков в поселке, на участке Моинты-Бертыс ощущалась текучесть рабочих кадров, что составляло до 20-25 процентов. Еще Балхашский горисполком уделял внимание, готов был выделить станции требуемые средства для постройки плотины, но Карагандинская железная дорога не подготовила необходимую проектно-сметную документацию. Правда, для просмотра кино имелся клуб, имелась в поселке баня и др.

Для осуществления всех поставленных вопросов я написала письмо Министру путей сообщения товарищу Бещеву Борису Павловичу с указанием и просьбой об осуществлении всех мероприятий по улучшению культурно-бытовых нужд трудящихся, проживающих в поселке при станции Моинты.

Ко мне часто обращался председатель поселкового совета Саргаскаев со всеми своими вопросами, также секретарь парторганизации Пятакова. В свою очередь, я им тоже написала письмо о том, что в моих возможностях, принимаю меры к действию, что министр в курсе их вопросов, и чтобы они постоянно о проделанной работе информировали бы меня.

Кстати, на мое письмо Бещев ответил буквально через несколько дней. Он написал, что по всем вопросам, поставленным мною, министерством принимаются меры к

их осуществлению, в том числе дано указание начальнику Карагандинской дороги Елагину выполнить в текущем году силами Дорпроекта составление проектно-сметной документации на предмет строительства плотины на речке Моинтинка, подрядную работу по договору при этом выполнит Балхашский горисполком.

Что касается строительства радиоузла, Бещев указал, что этот вопрос не к ним, его должно выполнить Министерство связи СССР, мотивируя тем, что на эти цели МПСу ассигнования не выделялись. В конечном счете, какая бы мотивация не была, я решила вопрос радиофикации довести до дела. Для этого дальше продолжала выявлять возможности осуществления поставленного вопроса.

После такого ответа, касающегося радиофикации, я обратилась к дирекции Карагандинских радиотрансляционных сетей. Главный инженер Визильтер ответил, что имелось Постановление Совета Министров СССР от 21 июля 1948 года, где говорится, что радиофикация новостроек должна производиться силами тех стройорганизаций, которые ведут застройку новых домов.

Теперь снова пишу тов. Бещеву письмо, где указываю на наличие постановления Совмина СССР, что все работы по радиофикации должны выполняться Министерством путей сообщения. На свое письмо вскоре получаю ответ тов. Бещева Б.Н., что все работы теперь произведутся по их договоренности с Министерством связи СССР. Вот так была поставлена точка по радиофикации поселка.

Далее ко мне с письмом обратились трудящиеся поселка ст. Моинты, где они просили помочь в получении локомобиля, который принадлежит Балхашскому медьзаводу и им не используется. Недолго думая, я написала письмо Министру металлургической промышленности Казахской ССР товарищу Самохвалову. Я получила ответ от тов. Самохвалова, адресованный мне, директору Балхашского медьзавода Матвеенко, председателю Моинтинского исполкома депутатов трудящихся Саргаскаеву Д.. Что надо передать Карагандинскому отделению дороги для электростанции Моинты за оплату неиспользуемый локомобиль МАВАГ

мощностью 275 лошадиных сил, комплектно с генератором переменного тока, низковольтным распределительным щитом и всей технической документацией.

Таким образом, все основные поставленные вопросы мне, как депутату, по Моинтинской станции, были решены. Как-то года четыре тому назад я отдыхала в санатории «Ардагер» там встретила того неутомимого председателя поселкового совета Моинты Саргаскаева. Он намного старше меня, сколько лет прошло с тех пор, около 48 лет, он меня узнал, к сожалению, я нет, обнял меня, поцеловал и сказал: «Я же Саргаскаев». Было приятно услышать. Мы оба были рады такой встрече, ведь прошло много времени с тех пор. Меня особенно порадовало и поразило, что такой человек, много поработавший, труженик, все еще бодр, приехал отдыхать, несмотря на свой возраст. В разговоре нам было о чем поговорить, вспомнить. Поздно вышел на пенсию, теперь у него забота о семье, о детях и внуках.

В числе данных мне наказов, подобных вопросов как по станции Моинты-Чу, было много. Все эти вопросы были не простыми, они были связаны со строительством, капитальным ремонтом все упиралось в выделение соответствующих средств, денег, ассигнования, которых не хватало, где бы это ни было.

БАЛХАШСКИЙ ВОДОПРОВОД

Например, город Балхаш нуждался в питьевой воде, хотя воды своей предостаточно, но она была непригодна для питья. Вода чрезвычайно жесткая. Население, потреблявшее эту воду, в основном заболевали желудком, болезнями других внутренних органов. Пригодная для питья вода имелась с речки Токрауын, что в 90 километрах от Балхаша. Вот в наказ мне включили эту проблему, подвести водовод к городу, помочь этим населению. Долго советовались и в обкоме, облисполкоме, в Медкомбинате, горисполкоме. Наконец, это получило свое решение.

Через полтора года хорошую, мягкую, вкусную Токрауынскую воду подвели к Балхашу.

Народ был доволен. Но, через несколько лет, в связи с ростом производства, ростом города этого дебета воды оказалось недостаточно. Балхашцы сами провели параллельно еще 90 километров второй водовод. Теперь слышно, что и этого недостаточно, Балхаш опять испытывает дефицит в питьевой воде, ведь жизнь продолжается, эта забота теперь других депутатов.

Кстати, когда разговор о речке Токрауын идет, я вспоминаю пшеницу, которую здесь сеяли в Аксу-Аюлы. В тех местностях проживали наши родственники, когда они приезжали к нам в Карсакпай, то они могли в качестве гостинца привезти нашим родителям немного этой пшеницы, конечно, родители бывали благодарны и рады. Эта пшеница была особая, она белая и крупная, мука от нее исключительной белизны. У нас дома ее часто жарили и ели с чаем, очень вкусный продукт. В мои студенческие годы в посылке родители присылали эту пшеницу. Мы всегда радовались, когда ее получали и тоже ее жарили, как у меня дома. Теперь, когда речь идет о благодатной речке Токрауын, я непременно вспоминаю о пшенице. Оказывается, ее теперь не сеют, потому что этот сорт вовсе потеряли, не осталось ни единого зернышка, чтобы ее сеять и развивать как прежде. Так сказали сельхозники, жалко.

БУДНИ ДЕПУТАТА

Ко мне на прием приходили мои избиратели, они же писали в своих письмах о своих болячках, трудностях в повседневной жизни, просили помочь. Их вопросы я рассматривала, для их решения писала письма с просьбами в соответствующие ведомства, организации, учреждения с тем, чтобы внимательнее отнеслись бы к тому или иному вопросу жалобщика, заявителя и о результатах поставили бы меня в известность.

Но, если в ответе, на мой взгляд, вопрос решен

необъективно, я могла повторно писать просьбу еще раз внимательнее рассмотреть это дело. И после всего я уже отвечаю заявителю или жалобщику о результатах. Чаще всего ответы рассматриваемой инстанции бывали положительными и своевременными. За этим приходилось особо следить.

Жалобы, заявления касались и судимости, о снятии судимости, о помиловании или о неправильных действиях административных органов — судей, прокуратуры, об амнистии, даже о семейных, супружеских неурядицах, о жилищных вопросах, об устройстве ребенка в ясли, сады и много других.

Во время работы сессии Верховного совета часто ко мне обращались и москвичи, поджидая в проходах, на улице или в гостинице. Например, обратился гражданин об устройстве внучки в детский сад Центрального статистического управления при Совете Министров СССР. Этому вынуждали обстоятельства. Известно, что время после войны, после всех восстановительных работ, было весьма тяжелое. Несмотря на все эти трудности, когда не хватало денег, одежды, продуктов питания, особенно жилья, рабочих мест, школ, детских яслей, садов и многого другого, нелегко было работать депутату. Перед ним стояли весьма трудные и неразрешимые, не под силу ему вопросы. Надо было депутатам очень стараться, чтобы разрешить те или иные вопросы.

Что мне делать? Как обратиться к товарищу Старовскому, которого знала и уважала, он являлся начальником ЦСУ СССР. Все же через силу я обратилась к нему, Владимиру Никоновичу. В конечном итоге он мне не отказал, распорядился принять этого ребенка в их ведомственный детский сад. В те годы вопрос детства, их учреждений стоял остро, трудно, почти проблема наравне с жилищным вопросом.

Как известно, в г. Караганде и Карагандинской области проживала большая численность населения, высланного в 1941 году из разных мест Союза. В числе переселенцев имелись население немецкой национальности, чеченцы, ингуши, украинцы западных областей СССР, которые имели те или иные ограничения.

На основе проведенных в те годы мероприятий партии и правительства, с части этого населения сняты некоторые ограничения. Однако, с большинства этого населения эти ограничения еще не были сняты. По этому поводу я как депутат нередко получала письма от граждан этой категории с просьбой помочь им в вопросе снятия с них ограничений.

Первое время, не зная как поступить, я им советовала самим прямо обратиться в ЦК партии, к Хрущеву Н.С. (Сталин И.В. умер в марте 1953г.) или к Ворошилову К.Е. – председателю Президиума Верховного Совета СССР. Поскольку обращений становилось все больше, а в таком вопросе я была некомпетентна, то тогда решила написать письмо Ворошилову Клементию Ефремовичу с просьбой помочь мне советом, каким образом я должна ответить заявителям по подобным жалобам.

Спустя два года, видимо достаточно назрел этот вопрос, даже с нашего Гипрошахта стали уезжать немцы, кто в Москву, Ленинград, кто в Ульяновскую область и другие края. Лично мне было жалко в то же время с ними расставаться, люди были хорошие, добросовестные в работе и в дружбе.

В те годы из Карлага освобождались помногу бывших политзаключенных, политкаторжан. Они тоже приходили на прием, одни просили помочь в трудоустройстве, другие помочь с жильем по месту работы и т.д. Как решать, как помочь, многообразие вопросов, одни жалуются на руководство, на незаконное увольнение с работы или на незаконные рассмотрения, на необъективные решения суда, прокуратуры, даже органов милиции. Многие просили помочь в лечении и т.д.

По заявлениям осужденных мне приходилось часто обращаться в Верховный суд, Прокуратуру СССР, к их руководству генеральному прокурору Руденко В.А., Председателю Верховного суда Волину, Министру внутренних дел Дударову Н.П., а у нас в республике к Министру внутренних дел Кабылбаеву Шракбеку, прокурору Набатову, Председателю Президиума Верховного Совета Казахской ССР Ташенову Ж.А., Председателю

Верховного суда Сулейменову К.. По всем поставленным мною вопросам своевременно получала от них ответы.

По жалобе Бощук В.Ф. из Молдавии Верховный суд СССР изменил срок наказания ему с 25 лет до 10 лет заключения в исправительно-трудовых лагерях и на основании Указа от 27 марта 1953 года «Об амнистии» сокращен наполовину срок до 5 лет заключения. Об этом я Бощуку написала в ответ письмо в лагерь, где содержался гр. Бощук г. Кизел Молотовской области.

Я представляла себе, как человек все же безумно будет рад такому стечению обстоятельств в его жизни, судьбе. Получив на свое ходатайство положительное решение, я сама бывала рада, счастлива за человека, который пребывал в неволе. Таких случаев с осужденными в моей депутатской практике бывало предостаточно.

Очень часто ко мне обращались осужденные с просьбой помочь снять с них судимость. Для этого без «неудобства, стеснения» приходилось обращаться мне к самому Хрущеву Н.С. и Ворошилову К.Е. На большинство моих писем поступали от них положительные решения.

В Карагандинской области тогда было несколько карательных лагерей, один из них в поселке Долинка, другой – в Джезказгане. Во время встреч с избирателями мне был дан наказ об улучшении устройства лагерного хозяйства в поселке Долинка, который относился к союзному Министерству внутренних дел. Связавшись с лагерным руководством, посещая сам лагерь, собрала материалы, где требуется вмешательство вышестоящих государственных органов, и по которым затем написала письмо Министру внутренних дел СССР товарищу Дударову Н.П. В письме конкретно указала на недостатки, недочеты в лагерном хозяйстве и просила помочь их изжить.

В поселке имелось 300 домов, в них проживало 740 человек рабочих и служащих лагерного совхоза, где последние обеспечивали лагерь продуктами сельского хозяйства. Вышеуказанные дома в основном были приняты от местных жителей в 1930 году. Они подлежали, по негодности для проживания, к списанию. Раньше было списано (1953г.) 68 домов с балансовой стоимостью 59,0

тыс. рублей, предстояло списать еще 52 дома с балансовой стоимостью 46,0 тыс. рублей. Все эти дома, списанные и подлежащие к списанию, не имели фундаментов, стены преимущественно дерновые, частично саманные, кровля пришла в полную негодность. В основном, весь жилой фонд подлежал списанию или же частично подлежал капитальному ремонту.

Поэтому совхозным кадровым рабочим необходимо было предоставить жилье. При этом, еще многие сотрудники, прибывшие вновь для работы в Управление для обслуживания Карлага, совсем не имели жилья. Водоснабжение поселка не отвечало санитарным требованиям. Имеющиеся колодцы ввиду загрязнения почвы пришли в негодность и требовали замены их водопроводом, для этого нужно было бурить артезианские скважины. Имеющиеся надворные уборные без бетонной облицовки не подлежали выгребам. Нужны были бетонные выгребные ямы. Отсутствовали здесь мусорные ящики для сухого мусора, из-за всего этого в поселке плохое санитарное состояние.

Учитывая все эти и другие недостатки, необходимо было поселку Долинка Карлага МВД СССР выделить необходимую сумму средств капитальных вложений на следующие мероприятия:

1. На строительство пяти, четырех квартирных домов – 1350 тыс.рублей. Из расчета стоимости одного дома – 270 тыс. рублей.

2. На строительство артезианского колодца – 100 тыс. рублей.

3. На строительство бетонных выгребных ям, мусорных ящиков и надворных уборных – 250 тыс.рублей.

Всего – 1700 тыс.рублей.

На мое письмо ответил Министр Дударов, где распорядился, в основном, положительно по всем поставленным нами вопросам.

После этого, больше от начальника Долинского Карлага МВД Черкашина ко мне как депутату жалоб, просьб не имелось.

На прием часто приходили бывшие политзаключенные, в том числе чаще попадались политкаторжане, у которых уже не было семьи, жилья, работы. Их вопросы туго

решались, даже с участием местных Советов и их административных органов.

Однажды ко мне на прием пришел отец вместе со своей слепой девочкой, просил помочь ей. Мне пришлось очень много работать по этому поводу. Удалось вернуть ей зрение в единственном тогда в СССР, глазном институте имени Филатова в Одессе. Пришлось для этого написать не одно письмо в этот институт, чтобы ее приняли. Получила согласие, что ее примут.

О ее выздоровлении, о возвращении зрения девочке я узнала случайно, во время отчета как депутата перед избирателями шахты № 31 города Караганды. К трибуне вышел человек без объявления его имени для выступления. С ним за руку девочка. Этот человек представил свою дочь, которая раньше не видела, была незрячей, и вот ее вылечили. Она прозрела. Он поведал об истории ее лечения. Сказал, что это благодаря депутату, назвал мою фамилию. Я откровенно их не сразу вспомнила. Конечно, искренние слова благодарности в мой адрес слышать было приятно, но главное, я бесконечно была рада за девочку, что она теперь зрячая, все видит. Отец девочки сказал, что он вторично будет голосовать за меня, и призывал к этому данное собрание.

Подобные высказывания мне приходилось слышать впоследствии не раз. То есть, когда была депутатом СССР два раза и шесть раз депутатом Казахстана, начиная с 1954 года по 1984 год, в течение 30 лет. За эти годы прошли неординарные события в республике, в стране Советов, а я часто вспоминаю людей с их судьбами, радостями и печалью.

Однажды на личный прием пришел энтузиастстроитель со своими вопросами – изобретениями. Это касалось стеновых материалов, пустотелых блоков, кирпичей, применение которых в строительстве значительно ускорило бы сроки строительства и удешевило бы стоимость объекта. Как он говорил, по этим вопросам он обращался во все заинтересованные организации, инстанции: областной комитет партии, строительный комбинат «Карагандашахтострой», добычной угольный комбинат «Карагандауголь» и другие местные строительные организации. Но поддержки для решения не нашел,

несмотря на то, что ими же этот вопрос давно апробирован. Фамилия изобретателя Манюков Г.А. Он просил помочь во внедрении своего изобретения в производство, в строительство с законным одобрением, оформлением.

Что я могу сделать, чем помочь? Тогда я решила обратиться прямо к Хрущеву Н.С. Для этого надо было искать удобного момента. Приехала на очередную сессию, звоню с гостиницы по телефону ВЧ-связи, трубку берет помощник, после того как я доложилась, он говорит мне, что Никиты Сергеевича сейчас нет, что ему передать. Но я хотела лично с ним переговорить.

Назавтра во время работы сессии в двадцатиминутном перерыве, когда президиум и члены политбюро, сидящие в президиуме, все встали со своих мест и начали расходиться, я подошла прямо к Никите Сергеевичу, извинилась за то, что его задерживаю. Сказала, что я из Караганды обращаюсь по одному важному вопросу и коротко ему по сути изложила. Мы разговаривали стоя. Он выслушал и сказал: «У меня есть помощник, фамилия его Шуйский, он занимается вопросами строительства, стройматериалами, подойдите к нему от меня, он все сделает». Я поблагодарила его. Затем вместе спустились вниз на традиционный «чай», который подавался во время перерыва, сессии Верховного Совета.

Будучи потом у Шуйского, я ему все подробно рассказала и передала папку заявителя с его материалами, которую привезла из Караганды. И спустя уже несколько лет случайно встретила этого изобретателя-строителя в Алма-Ате, который давно работал в Алма-Ате в тресте «Главалмаатастрой». Он мне подарил книгу о своем изобретении. Книга называлась «Экономичные конструкции стен из местных материалов».

Кстати, здесь же работал начальником «Главалмаатастрой» тов. Барсуков, который был в Караганде управляющим «пятым Сталинским строительным управлением». Эта строительная организация была самая лучшая и ведущая в Караганде. Зная, что психодиспансер – объект по сметной стоимости очень дорогой и сложный, мы в выборе тогда остановились на нем. В самом деле, строители этого управления качественно и досрочно построили больницу.

ДЕГАЗАЦИЯ ШАХТ

На Украину в мои студенческие годы доходили слухи, да и в печати – «Радянска Украина» о том, что в Карагандинском бассейне случались из-за взрыва метана аварии, жертвы в шахтах. В годы работы на шахте, в проектном институте тоже происходили аварии на шахтах.

Комбинат «Карагандауголь» совместно с «Карагандагипрошахтом» решили бороться этой проблемой, то есть заняться дегазацией угольных пластов. Решили поставить этот вопрос перед правительством СССР. Чтобы дегазировать угольные пласты, необходимы газовые трубы и соответствующие средства. Меня как депутата отправили в Москву.

По приезде в Москву позвонила товарищу Первухину Михаилу Георгиевичу, поскольку наши просьбы были адресованы ему, первому заместителю Председателя Совета Министров. Телефонную трубку взял помощник Кочинян. Я представилась, изложила свои мотивы, для того, чтобы меня приняли. Буквально через две минуты помощник сказал, что меня примут. Время назначено на 10 утра в здании Совета Министров СССР прямо напротив гостиницы «Москва», где я остановилась. Помощник должен встретить меня у подъезда.

К указанному времени меня уже поджидал Кочинян. Кстати, он Герой Социалистического труда, золотая звезда на груди у него. Несмотря на холодную погоду, он был в костюме, повел меня к лифту, потом опять к другому лифту и мы оказались прямо перед приемной. Помощник попросил подождать минуточку и зашел доложить.

Михаил Георгиевич встретил меня, стоя в середине кабинета, поздоровался за руку. Повел к длинному рабочему столу. Предложил мне сесть, а сам занял свое рабочее председательское место справа от меня. Просил рассказать, по какому вопросу я пришла к нему. Коротко изложила, он все понял. Был при этом внимателен, слушал с интересом. Спросил обо мне, о работе, о делах в Карагандинском угольном бассейне, о руководителях комбината «Карагандауголь», о руководителях области, о жизни шахтеров, об их быте и многом другом.

В то время директором комбината был Иноземцев П.П. из Донбасса, сменивший старого директора Шибаева. Последний был местный человек, много сделавший для развития бассейна. Секретарем обкома партии был Яковлев Сергей Яковлевич, до этого работавший секретарем ЦК Компартии Казахстана.

Вопросами дегазации угольных пластов Карагандинского бассейна шахт занимались и раньше, ставили вопрос и перед республикой, перед министром угольной промышленности Засядько А.Ф., но как говорится, «воз и ныне там». Мне дали наказ, как депутату, поэтому я и подключилась к данному вопросу и просила помочь Караганде.

Выслушав меня, Михаил Георгиевич, сказал, что этот вопрос дегазации ставили донбасцы, но все упиралось в газовые трубы. В стране пока их не производили, а по импорту получали в недостаточном объеме. На моем письме написал резолюцию из трех пунктов. Это Патоличеву – министру внешней торговли, Главгазу (фамилию не помню), и Графову – первому заместителю министра угольной промышленности.

Вскоре, после посещения Первухина М.Г получила письмо – ответ от Графова Л.Г., он же член коллегии Госэкономкомиссии СССР. Он сообщил, что Госэкономкомиссия совместно с министерством угольной промышленности СССР и Министерством строительства предприятий угольной промышленности СССР рассмотрели состояние работ по дегазации угольных пластов и использование газа для бытовых и промышленных нужд в Карагандинском угольном бассейне. Минуглепром СССР дало указание комбинату Карагандауголь (приказ №193 от 23 апреля 1957 г.) по строительству, монтажу и вводу в действие в 1957 году дегазационных установок на 5 шахтах комбината. Одновременно сообщил, что вопросы проектирования газификации г. Караганды с использованием дренированного метана с пластов, а также обеспечения необходимым оборудованием, а также контрольно-измерительной аппаратурой рассматривалось Минуглепромом СССР с министерствами приборостроения и средств автоматизации, химической промышленности, внешней торговли и Главгазом.

Хочу заметить, что вопросы дегазации наш карагандинский обком партии, комбинат «Карагандауголь» ставили и раньше перед Советом Министров Казахской СССР. Увы, в республике не было возможностей для решения данного вопроса.

Позже секретарь обкома партии Яковлев Сергей Яковлевич, директор комбината Иноземцев П.П. и я решили зайти к министру угольной промышленности СССР Засядько, который давно работал на должности. По предложению Сергея Яковлевича я должна была, как депутат проситься на прием к министру. Министр согласился, и мы втроем пришли к нему на прием. Он хорошо нас принял.

После рукопожатия, знакомства, как условились, первой начала говорить о наших делах я. Рассказала о житие-бытие шахтеров Караганды, что народ просит и требует и т.д. от меня как своего избранника. Тут без задних мыслей изложила, как мне казалось правильным. Говорила о работе промышленности Карагандинской области, угольного бассейна (какое мнение сложилось у меня на этот счет). При этом ударение делала на недостатках, недочетах, особенно в работе угольного комбината, которым руководил уважаемый Иноземцев, который присутствовал здесь же.

Вдруг, неожиданно для меня, как закричит Засядько на Иноземцева. Высказал матершинные слова в его адрес. При этом не забыл извиниться передо мной, сказав: «Омарова не женщина!», – и дальше продолжал ругаться. Я, конечно, такого от министра не ожидала, мне было неловко. Попала в двусмысленное положение. Но потом, решила, что правильно говорила, ради дела.

Впоследствии, все было по Комбинату в пользу народа. Были серьезные полезные решения со стороны Министерства Углепрома, начальника комбината сняли с должности, заменили Шибаевым, бывшим начальником, которого любили в горняцкой среде.

Министр Засядько А.Ф. в стране пользовался большим авторитетом, его считали, на редкость, деловым человеком, исключительной работоспособности. В те годы министром строительства предприятий угольной промышленности СССР был Мельников Леонид Георгиевич.

По проекту распоряжения Госэкономкомиссии СССР вопросы проектирования были возложены на институт «Ленгипроинжпроект», проект газоочистки институту «Гипрогазоочистка». Составление задания на проектирование было возложено на «Карагандагипрошахт» и Карагандинский научно-исследовательский угольный институт.

Для возможности начала строительных работ в 1958 г. было предусмотрено составление проектно-изыскательских работ в 1957 году. Но все эти работы требовали определенных средств. Работы по проектированию все еще не были начаты. Поэтому я написала письмо-просьбу председателю Госплана СССР Кузмину Иосифу Иосифовичу, он же впоследствии Министр СССР, Председатель Государственного экономического Совета.

В результате наших общих усилий через четыре месяца в Караганду начали поступать газовые трубы, пока в небольшом объеме, начались дегазационные работы. «Лед тронулся».

Все карагандинцы были этому рады. Факты аварий случались и позже. Но это было уже по вине самих шахтеров, не соблюдавших правила технической безопасности. В случае аварий в Совмине создавались комиссии по расследованию причин, меня непременно туда включали. Как правило, семьям надо было назначать пенсии, пособия. Последнее, уже, когда работала министром социального обеспечения.

С конца июня 1958 года стала работать Заместителем председателя Совета Министров Казахской ССР. По дегазации из Караганды регулярно поступала информация. Так из Совета народного хозяйства Карагандинского экономического Административного района пришел отчет «О состоянии дегазационных работ на угольных шахтах Караганды». За 1957 год количество работающих дегазационных устано-вок было на трех шахтах, за 1958 – на шести шахтах, а на 1961 год – на 15 шахтах. Это почти половина шахт бассейна.

Повысилась производительность труда горняков. Дегазация проводилась по всем пластам. Особенно газообильная «Верхняя Марианна», «Феликс», «Двойная»,

«Вышесредний», «Шестифутовый». Информация шла в Совет Министров, в основном, за подписью заместителя Председателя Совнархоза Сергазина Файзуллы Сергазиевича. В народе его окрестили «Главный угольщик».

За развитием дегазационных работ постоянно следил и наш Госплан, во главе начальника топливного отдела Сакбаева М., который, в свою очередь, регулярно информировал Совет Министров республики.

ПОЕЗДКА ПАРЛАМЕНТСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ СССР В ВЕНГЕРСКУЮ НАРОДНУЮ РЕСПУБЛИКУ

На первой сессии IV созыва Верховного Совета СССР меня включили членом постоянной комиссии Парламентского Союза СССР. Однажды меня срочно пригласили к телефону, он у нас в Гипрошахте общий. Но есть телефон в кабинете парторга, звонок раздался там. «Это с вами говорит из Москвы Пегов, здравствуйте, товарищ Омарова. Я звоню сообщить Вам о том, что Вы включены в состав Парламентской делегации СССР для поездки в Венгрию. Прибудьте, пожалуйста, 12 ноября в Москву. Отъезд состоится 14 ноября, до свидания».

До этого я никогда за рубеж не выезжала. Тут у меня радости не было предела, у наших сотрудников тоже. Вечером о таком сообщении сказала дома. Свекровь это не обрадовало, супруг воспринял это безразлично. Я стала готовиться, наступил день отъезда. В тот раз в аэропорт из дома я поехала одна. Проводили две мои женщины приятельницы.

Прилетела в аэропорт Внуково. Здесь меня встретили работники Президиума Верховного Совета на большой черной машине. И раньше, когда приезжала на сессию поездом, на Казанском вокзале тоже встречали с машиной. Как обычно, меня привезли в гостиницу «Москва», разместили. Попрощались, сказав, что за мной приедут

завтра к 9 часам утра и поедем в Кремль к товарищу Пегову Николаю Михайловичу, он же секретарь Президиума Верховного Совета СССР. Когда я зашла в кабинет Пегова, там уже сидела вся делегация по поездке, и мы познакомились друг с другом.

Товарищ Пегов ознакомил нас с программой пребывания в Венгерской Народной Республике. В составе делегации нас 11, руководитель – Пегов Н.М.

Это были: Мюрисепп – председатель Совмина Эстонии, Джавахишвили – председатель Совмина Грузии, Москатов – Министр трудовых резервов СССР, Титов – первый секретарь Харьковского обкома партии, Борисенко, Енютин – Председатель комиссии государственного контроля СССР, Гончарова – звеньевая, агроном колхоза «Радуга» Гомельской области Белоруссии, Омарова – ст. инженер проектного института «Карагандагипрошахт».

Делегация вылетела из Москвы утром через Киев на Будапешт. В Киеве нас встретили товарищи во главе с заместителем Председателя Президиума Верховного Совета Украины Ковпаком Сидором Артемовичем. Он во время Великой отечественной войны был командиром партизанского соединения, дважды Герой Советского Союза. О Сидоре Артемовиче я много читала, было много публикаций. Но встретить такого легендарного человека в лицо не ожидала. Ростом он был маленький, кругленький, полный, крепенький, несмотря на свой возраст 68 лет, простой, спокойный, лицо с красным румянцем.

После рукопожатий, знакомства Сидор Артемович пригласил нас на обед. В ресторане в аэропорту Киева был накрыт стол, стоянка была тридцать минут. После обеда поблагодарили и попрощались с хозяевами, самолет взял курс на Будапешт.

Поздняя осень, время уже было к вечеру, когда мы приземлились. Шел снег с дождем. На аэродроме нас встретили товарищи во главе с Председателем Президиума Венгерской Народной Республики Иштваном Доби и Председателем Государственного Собрания Ронаи Шандором.

На аэродроме обменялись приветственными речами Шандор Ронаи и Пегов Н.М. Несмотря на сильный дождь все продолжали по программе. Вместе с венгерскими

товарищами нас встретил посол СССР в Венгрии товарищ Андропов Юрий Владимирович. Кстати, Андропов все дни нас сопровождал, вплоть до отъезда делегации. Исключительно хороший, симпатичный, мягкий по характеру, он помогал нам даже в неофициальной обстановке.

Делегацию разместили на острове Маргит Цигет на Дунае. Шикарная гостиница, правда, у нас гостиница «Москва» не хуже, но здесь экзотично то, что на реке Дунай. В этой же гостинице была размещена венгерская сборная футбольная команда на время тренировки к предстоящему матчу со сборной Италии на первенство Европы.

В те годы наш советский футбол еще себя не показал, а первенствовали в Европе по очереди то Италия, то Венгрия. Сейчас венгры готовились на первенство, поэтому особо их готовили, обхаживали. Им в дни подготовки, неделю и больше, не позволяли видеться, общаться с семьей, детьми, разрешали только накануне вечером перед завтрашним матчем.

Мы все дни наблюдали за этой командой. Утром во время завтрака или вечером, когда мы возвращались с поездок по нашей программе. Режим для них был строгий, начиная с диеты. На столах кроме сифонов с будапештской минеральной водой никаких бутылок. Тренировки были регулярны.

Программа нашего пребывания охватывала знакомство с жизнью, экономикой и культурой Венгрии. В первый же вечер нашего приезда нас принял в золотом здании ЦК партии первый секретарь Венгерской партии труда Матиас Ракоши. Я познакомилась с женой Ракоши, она наша якутка, звали ее Николаева Феня Федоровна, бывший профсоюзный работник. Она была не замужем, Матиас не женат. Вот они сошлись, поженились в Москве. После освобождения Венгрии от фашистов они приехали в Венгрию.

Феня Федоровна рассказывала мне, что, не зная по-мадьярски, не смогла нигде работать. У нее были навыки к рисованию, и она поступила в художественную академию, которую закончила. Потом стала работать художником

на Херендском фарфоровом комбинате недалеко от Будапешта. Позже она стала говорить по-мадьярски. Матиас Ракоши хорошо говорил по-русски, по-турецки. В годы войны, находясь в Москве, учился в высшей партийной школе.

Вот что интересно. Во время беседы за обедом я сидела слева от Ракоши, и он сказал мне несколько слов, чуть-ли не с пятидесяток. Я удивилась тому, что он говорит по-казахски, и спросила его, откуда у него знание казахского языка, он ответил, что это по-турецки. Слова были: балта, балға, қыз, келіншек, бала, әке, шеше и т.д. Оказывается, Матиас до войны при режиме Хорти был послом Венгрии в Турции. Научился чисто говорить по-турецки.

Перед войной началось гонение на него, и правительство Хорти осудило его на много лет, вдобавок, приговорили к смерти. Его спас Советский Союз, тайно забрал в СССР, также как, в свое время Димитрова (Болгария). Биография его очень интересна, жизнь была сложная. Ракоши членам делегации подарил по книжке о себе, правда, на венгерском, но суть содержания нам поведал достаточно хорошо. Венгерский язык не похож ни на один другой язык в Европе. В древней истории Венгрии есть туманное понятие, что мадьяры исходят от Востока, от нас. Сейчас и наши историки, и сами венгры как будто это признают.

Около двух недель длилось наше знакомство с Венгрией. Будапешт был исхожен, изъезжен полностью. Осмотрели живописный остров Маргит, всходили на Будайские горы, рыбацкий поселок, крепость, откуда окрестности столицы открываются широко, словно с борта самолета. Делегация возложила венок у подножия памятника освободителям, нашим воинам на горе Геллерт, оттуда хорошо просматриваются здание Парламента, цепной мост через Дунай, глава собора Святого Иштвана и т.д. Ездили на знаменитый Чепельский машиностроительный комбинат, где производили около 500 разновидностей продукции, начиная с цельнометаллических пассажирских вагонов, кончая детскими велосипедами.

В один из вечеров слушали оперетту «Сильва», венгры ее называют «Чардаш», в главной роли с великой Ханной

Хонти, непревзойденной опереточной певицей. Ей в тот день было 66 лет, она пела, играла, танцевала Сильву, как шестнадцатилетняя девушка. Это было незабываемое зрелище. Музыку специально для голоса Ханны написал венгерский композитор Имре Кальман, он сам и был за пультом. Я в Москве смотрела в театре оперетты тоже «Сильву», была в восхищении от игры актрисы, Татьяны Шмыги. Но здесь в Будапеште «Сильва» превзошла всех, как говорили знатоки из делегации, и я с ними была согласна. Ханна Хонти потом прожила долго. Ее хоронил весь Будапешт, об этом был документальный фильм.

Будапешт огромный город, перехваченный желто-голубой лентой Дуная. Здесь построен стадион на 90 тысяч посадочных мест, выглядел как огромное блюдо. Как говорил Ракоши, это было построено специально, чтобы занять спортом молодежь после войны с тем, чтобы отвлечь от инакомыслия. Правительство поддерживало и развивало спорт, особенно футбол.

Вся Венгрия ждала этого предстоящего матча с Италией на первенство Европы давно: в печати, по радио много было информации, мы все это захватили. Это было время, когда футбол вошел в моду, борьба за первенство, за престижное место чуть было не первостепенным. Много было на улицах плакатов с именами их знаменитых футболистов, как Ковач, Пушкач и т.д. Город был празднично украшен. Везде была одна тема: о первенстве Европы по футболу. Висели государственные флаги. Но нам сказали, не дай Бог, в случае поражения должны будут вывесить траурный черный флаг.

Это был выходной день 25 ноября 1955 года. День был холодный, облачный с изморозью. Стадион был торжественно украшен. Нас разместили в гостевой трибуне, ноги закрыли шерстяными одеялами, принесли чай, кофе с соответствующим десертом. Начался матч сборной Венгрии и сборной Италии. Играли очень активно, энергично, даже допускались со стороны итальянцев много оскорбительных выражений по адресу венгерских футболистов, действующих на психику игроков. Все это было отлично слышно на стадионе. При всем этом венгры выиграли со счетом 2:1. На табло все лучшие имена, не

переставая, записывались, даже отдельные одобрительные слова, обращенные к Пушкачу и другим.

Я в Москве во время сессии, если состоялся какой-нибудь футбольный матч, всегда ходила, старалась не пропускать. Хорошо себе представляла наших футболистов. Кроме радио у нас тогда ничего не было, тем более электронных табло. Здесь же в Будапеште все было, я поражалась таким успехам, громадные табло все время информировали об игре отдельных футболистов, не переставая восхвалять их. Это было зрелищно, сенсационно. На стадионе радости не было границ, аплодисменты, торжественная музыка, весь стадион стоял на ногах. В тот день был грандиозный праздник горожан Будапешта. У всех на устах футбол, имена футболистов, на улице вывесили национальные флаги.

В экономическом плане Венгрия была промышленно-аграрная. Мы посетили многие города, где развиты металлургия, машиностроение, химическая, есть бурый уголь, легкая и пищевая отрасли. В сельском хозяйстве первенствовали: животноводство – крупный рогатый скот, коневодство, свиноводство, растениеводство – много производилось овощей, только перца выращивали восемьдесят сортов.

Много внимания уделялось свиноводству. На одного жителя приходилось более одной головы свиньи. Население составляло около десяти миллионов, а свиней было более одиннадцати миллионов поголовья. Работали отдельные кооперативные хозяйства наравне с госхозами. В хозяйствах коров доили мужчины, женщины работали на разных работах.

Я была в городе Дорог. Там живут шахтеры, есть трест «Дорогуголь», где подземными шахтами добывался бурый уголь. Я спустилась в одну из шахт, осмотрела подземное хозяйство, была в лавах. Уголь, в основном, для местного потребления, добывают его пневматическими отбойными молотками, другой добычной техники я у них не видела. Шахты водообильные, по выходу из одной я была как будто под ливневым дождем. Все горизонтальные выработки находились по колено в воде, выработки грязные, не убранные. Электровозы ходили по штрекам как бы ощупью,

не видно рельсов. Всем виденным я осталась недовольна. Шахта нерентабельная. Шахтоуправление мне подарило шахтерскую медную карбидную лампу с надписью. Это хранится у меня дома, дорогая для меня память.

В одном госхозе выращивали печень индюков до двух килограмм по заказу Америки. Американцы заказывали печень индюков на Рождество. За это платили дорого. Это было выгодно хозяйству, имели большую прибыль.

Для меня лично организовали встречу с женщинами-учеными в Академии наук. Президентом Академии была женщина – она же академик, довольно пожилая, видно, что она была красивой и сейчас выглядела хорошо. Главное, она была женственной, все на ней было хорошо: лицо, одежда, на руках кольца, в ушах серьги, красивая брошь на блузке, она меня удивила. Дело в том, что после войны наши советские женщины, как правило, украшения не носили, не до этого было. В их числе была и я. А здесь среди таких женщин я почувствовала себя несколько неловко. Я в ту пору ничего из ювелирных изделий не носила, тяги вообще к этим вещам у меня не было. После Венгрии я впервые себе приобрела одно колечко.

Встреча с женщинами прошла довольно в теплой дружественной обстановке. Я им рассказывала, как у нас женщины работают и преуспевают в науке, экономике, культуре. Примеры были, начиная с Фурцевой Екатерины, кончая трактористкой Пашей Ангелиной, Марией Демченко – свекловичницей и многими другими. Для тех лет и позже хвалить женщин, занятых на тяжелых физических работах считалось в порядке вещей и большим достижением для общества.

Наша делегация посетила и участвовала на сессии Государственного собрания Венгерской народной республики. Открывая сессию, председатель Государственного собрания Шандор Ронаи подчеркнул важность осуществления непосредственной связи между парламентариями различных стран и обмена делегациями. Участниками сессии была тепло встречена парламентская делегация СССР. От имени Верховного Совета СССР Пегов Н.М., глава делегации высказал свое удовлетворение поездкой по стране, экономическими показателями

народного хозяйства, культурой и передал Народному собранию Венгрии приглашение направить в Советский Союз свою делегацию, пожелал венгерскому народу еще больших успехов, чтобы эти успехи множились день ото дня на благо венгерского народа.

Тепло встретили делегацию в городе Шопрон на строительстве комбината Сталинварош (теперь переименован в Дунайварош), в городе Сегед, это венгерский Чикаго. Здесь много мясоперерабатывающих предприятий. Посетили школы, больницы, детские учрежде-ния. В один из вечеров присутствовали на фольклорном концерте – интересное своеобразное было зрелище.

Перед отъездом в русском посольстве Андропов Ю.В. дал прием в честь делегации. Хорошо выполнив свою миссию в Венгерской Народной Республике, мы вернулись в конце ноября 1955 года в Москву.

ТЕЛЕЦЕНТРЫ

В наказе, данном мне, был вопрос о строительстве в Караганде телецентра. Этим занималась область, обком, облисполком (Яковлев, Калкенов). Но решения не получили. Обо всем, что касается вопросов телецентра, я знакомилась, советовалась с главным инженером управления связи Визильтером Т.. Он подробно рассказал мне о том, как этот вопрос обсуждался в нужных инстанциях, но безрезультатно.

Теперь, будучи в Москве в 1955 году, я решила попробовать поговорить с министром связи СССР Псурцевым Николаем Демьяновичем, попросилась к нему на прием. Вообще, Псурцев, как министр, стал работать с 1948 года, человек большой практики, в годы войны командовал войсками связи фронта, отличился при обороне Москвы, а затем с 1946 года стал начальником связи генерального штаба Вооруженных сил, впоследствии стал министром связи СССР.

По телефону ВЧ он дал согласие принять меня, сказал когда, где. Николай Демьянович принял меня хорошо, с вниманием и настроением. Во время разговора секретарша нам принесла хороший чай со сладостями, это не мешало нашему разговору о телевидении, о состоянии этих дел за рубежом и в СССР, о трудностях и т.д. Сказал, что телецентры построены всего в нескольких городах: Москва, Ленинград, Смоленск, Рига, Киев, Минск, Львов. От нашей республики ходатайство имеют, но пока не было возможностей, в лучшем случае включат в план 1957 года на проектирование Алма-Атинский телецентр. Что касается Караганды, то придется подождать.

Я, конечно, на такой ответ не согласилась, мотивируя тем, что горняки от своего депутата особенно ждут выполнения такого наказа, как строительство телецентра. Псурцев сказал, что если даже и отыщутся средства на проектирование, то на общестроительные расходы тоже средств нет, на внутреннюю оснастку телеоборудованием тем более. Это очень больной вопрос, который он не решает, это вопрос другого министра – Калмыкова В.Д. – ведомства радиотехнической промышленности.

Сказал, чтобы я попробовала попасть к Калмыкову. Если тот даст согласие на поставку телеоборудования для Караганды, и если на общестроительные расходы средства изыщут сами карагандинцы, то он включит в план проектирование телецентра на 1957 год, т.е. на следующий год.

Я сильно обрадовалась такому обороту разговора и попросила Николая Демьяновича дать мне координаты Министерства радиотехнической промышленности, что он и сделал.

Назавтра я была на приеме у Калмыкова Валерия Дмитриевича министра радиотехнической промышленности СССР с 1954 года, Героя Социалистического труда. Меня он тоже тепло принял, выслушал, рассказал о трудностях с производством и оснащением оборудованием телецентров в стране.

После посещения его руководством Казахстана, разговоре о поставках телеоборудования в Алма-Ату в 1956 году поставка в Караганду должна была отодвинуться

несколько дальше, ибо на очереди стояли столицы других союзных республик, а также столица основной угольной «кочегарки» Донбасса – г. Сталино. Тем не менее, он пообещал мне не отказывать, а посмотреть. Последнее значило потом выделение оборудования для Караганды в 1956 году.

Вот так мы зацепились за телецентр для Караганды, который был построен и сдан во второй половине 1957 года. Получилось так, что Караганда получила его раньше столицы, о чем я с гордостью отчитывалась в своем округе перед избирателями, когда меня избирали депутатом во второй раз в Верховный Совет СССР (V созыва).

Что было интересно, когда меня перевели в Алма-Ату в 1958 году в качестве Заместителя председателя Совета Министров КазССР, то здесь застала строительство телецентра и поступление для него оборудования. Пришлось вплотную заниматься ходом монтажа оборудования для телецентра, ибо связь относилась в мою функцию в Совмине.

XX СЪЕЗД КПСС

14 февраля 1956 года состоялся XX съезд Коммунистической партии Советского Союза, где я была делегатом с решающим голо-сом от Казахской ССР в числе 52 делегатов, со всего Союза на съезд прибыло 1430. Казахстанских делегатов возглавлял первый секретарь ЦК Коммунистической партии Казахстана Брежнев Л.И.

Москва хорошо подготовилась к съезду. Встречи и дальнейшие обслуживания делегатов. Наша делегация размещалась в гостинице «Москва». По прибытии казахстанцев наш первый секретарь Леонид Ильич Брежнев собрал у себя на короткое совещание, видимо, для знакомства с делегатами. Ознакомил с повесткой дня.

Съезд открылся в Большом Кремлевском дворце. Во всех деле-гациях был всеобщий подъем.

Съезд утвердил повестку дня из четырех вопросов:

1. Отчетный доклад ЦК (докладчик Хрущев Н.С.).

2. Отчетный доклад ревизионной комиссии – Москатов Н.Г.

3. Директивы съезда по шестому пятилетнему плану – Булганин Н.А.

4. Выборы в центральные органы партии.

После утверждения повестки дня по отчету партии с большим пространным докладом выступил Хрущев Н.С. Потом были принципиальное партийное обсуждение доклада. Часто проходили в докладе и выступлениях похвальные слова в адрес великого Иосифа Виссарионовича Сталина, продолжателя дела В.И. Ленина с громкими несмолкающими аплодисментами с вставаниями с мест.

По директивам съезда по шестому пятилетнему плану доклад делал председатель Совета Министров Булганин Н.А. Обсуждение доклада по директивам заняло много времени. Здесь каждый делегат в своей речи излагал просьбы с мест – района, города, области, республики. Они в своих выступлениях, как говорится, «одеяло тянули каждый к себе, а оно «дырявое», нечем особо прикрыться». Тогда бы-ла такая обстановка в экономике страны.

В работе съезда шел уже одиннадцатый день. После всестороннего обсуждения последнего вопроса – выборы Центрального Комитета Коммунистической партии, съезд должен был завершить свою работу, депутаты уже мысленно собирались домой, ждали окончания съезда. Между тем объявили перерыв на обед.

Во второй половине 24 февраля на вечернем заседании съезда вдруг объявили о продолжении заседания и в повестку дня включили пятый вопрос. Он был вне повестки. Это вопрос «Осуждение культа личности И.В. Сталина и его последствия».

Мы делегаты об этом тогда ничего не знали и не ведали, вовсе не были в курсе дела. Само название доклада нас насторожило. Доклад сделал сам Хрущев Н.С. без приглашенных и гостей. Это мы заметили в перерыве по частично опустевшему залу Большого Кремлевского дворца. Обычно зал был полный, а теперь оставались только одни делегаты.

Хрущев предупредил съезд сразу, что данный доклад совершенно секретный, не подлежит огласке.

У советского народа техники для информации населения в то время было немного. Тогда появились первые приемники, их достать было трудно. Но кто их имел, все равно не мог слушать. Передача в эфире перебивалась. Но народ догадывался, что речь шла о Сталине.

В свое время Сталин мог открыто критиковать своих соратников: Молотова и других, в том числе и Хрущева, но это было за дело (Об этом узнаем теперь по их мемуарам). Хрущев в докладе особо обратил внимание делегатов, что после смерти Сталина партия проводила политику по борьбе с его культом личности. Вопреки действительности Хрущев утверждал, что выражение «враг народа» исходит от Сталина. Впоследствии историк-исследователь Волкогонов написал о Сталине, о его культе двухтомную книгу, где на основании своих исследований утверждал, что понятие «враг народа» исходило не от Сталина, а от Ленина.

Большинство из делегатов, в том числе и я, ходили в недоумении, почему доклад, начавшийся с восхваления Сталина с бурными аплодисментами, перешел в критику личности Сталина. Ведь, Сталин, будучи во главе партии и правительства, мог критиковать своих соратников, в том числе и Хрущева. В печати об этом не скрывали, открыто говорили, информировали народ. Теперь все было скрытно, нас делегатов, об этом предупреждали специально.

По прошествии нескольких дней после съезда все зарубежные средства массовой информации передавали текст доклада наперебой. Оказывается, экземпляр текста доклада был кем-то похищен и стал достоянием зарубежных стран.

По приезде со съезда домой меня атаковали партийные работники, особенно, женщины, такие как Гульшара Мухамедьярова, Фатима Даненова и другие. Они работали в обкоме партии. Первый секретарь обкома Яковлев, видимо, не мог им ничего рассказать. А я тему разговора с людьми вынуждена была поворачивать на другие вопросы съезда. Больше останавливалась в своих ответах на директивах по пятилетнему плану, ибо эти материалы были напечатаны в газетах.

То же самое пришлось делать на собраниях рабочих шахт, заводов в своем округе. Бывало, кто-то во время отчета меня перебивал, требуя рассказать, что там было на

съезде о Сталине, что там было на съезде, кроме директив: «Мы же их читали!». Стоишь и врешь, не можешь сказать правду, от этого было самой себе противно..

Только в марте 1989 года, идя навстречу советской общественности, печатный орган ЦК партии «Известия ЦК КПСС» напечатал полный текст закрытого доклада, спустя 33 года после того, как он стал известен на весь мир.

Волкогонов писал с возмущением о термине «враг народа», что не Сталин, а Ленин использовал этот термин в отношении партии кадетов, как партии «врагов народа». Хрущев, кстати, состоял в этой партии, но он об этом никогда не вспоминал. Вопрос о репрессиях 1937-1939 гг. в наше время связывается только с именем Сталина, Ежова, Берии (Д. Волкогонов, книга 1, стр.414), но в действительности, отцом-вдохновителем большевистских концлагерей, расстрелов был Ленин, как утверждает Волкогонов. Но об этой горькой правде народ не знал, а Хрущев знал, но на съезде не говорил. Да и сам Хрущев вывел себя из-под ответственности за репрессии.

Выступая на предвыборном собрании в 1936 году, Хрущев сказал: «Заветы Ленина наша партия выполнила под руководством нашего великого Сталина. Я горжусь и считаю для себя большим счастьем, что мне вести работу под руководством нашего великого вождя, товарища Сталина. Я даю клятву, что ни на шаг не отступлю от линии, которая проводится нашим великим вождем Сталиным ...».

Чем поразил нас Хрущев в докладе? Он удивил всех присутствующих своим утверждением, что Сталин руководил войной по глобусу, не вникая в суть, ставил только общие задачи. Маршал Жуков на это ответил четко: «Чепуха! Я иногда склонял голову перед ним ...».

Великие подвиги нашей армии, нашего народа во время войны вызывали восхищение всего мира. «Как солдат, наблюдавший компанию Красной армии, я проникся глубочайшим восхищением к высокому мастерству ее руководителей...», – говорил Дуайт Эйзенхауэр в феврале 1945 года. Оказывается, в 1941 году в октябре Гитлер заявил: «Только сейчас мы узнали, как хорошо русские были подготовлены к войне».

Оказалось, что Хрущев недооценивал, охаивал Красную армию, ее командование. Этим самым он давал пищу для

недругов, огульно отрицая прошлое. В докладе говорил: «Мы должны со всей серьезностью отнестись к вопросу о культе личности. Именно потому докладывал его на закрытом заседании съезда».

Делегаты съезда одобрили решение скрыть доклад от народа.

В общей сложности, я в душе мало верила всем утверждениям Хрущева. После XX съезда мне приходилось много размышлять и думать о Сталине, много читать вышедшие книги о его культе личности.

Как писали историки, культ личности был и у Хрущева. В бытность его 1 секретарем ЦК партии Украины были довоенные репрессии, когда были арестованы 300 тысяч человек. Судьба многих из них заканчивалась ВМН – высшая мера наказания, т.е. смерть, расстрел.... В бытность его 1 секретарем Московского горкома были арестованы и уничтожены почти все секретари райкомов, вплоть до своего помощника.

Я в свое время видела и читала в секретных документах (архивных) приговоры по товарищам путем голосования, где учинена подпись Хрущева «За» еще с прибавлением «Собаке собачья смерть». Я лично поражалась такой его жестокости, а все другие члены политбюро просто поставили свои фамилии. Несмотря на то, что все его соратники замечали Хрущеву на его ошибки, он не считался ни с чьим мнением, не внял им.

Лично я со съезда вернулась поникшей, потерянной.

ГАЛЫМ ОМАРОВ

Однажды ко мне на шахту приехал человек, которого раньше видела в Карагандинском областном комитете партии. Он тогда мне представился и сказал, что работает здесь заместителем заведующего партийно-организационным отделом обкома.

Цель своего приезда Галым мне изложил, не задерживаясь, узнать, как мне работается на шахте, и заметил, что я напрасно тогда отказалась от предложенной партий-

ной работы в обкоме партии и так далее. Интересовался о моих планах на будущее. Я ему ответила, что летом в свой отпуск собираюсь поехать в Алма-Ату, чтобы поступать в аспирантуру, что об этом у меня есть договоренность в институте горного дела, родители согласны.

После этого разговора он стал часто меня навещать на шахте, несмотря на стужу и мороз, верхом на санной повозке. В те годы легковые машины были единичные, они были только служебные у начальников комбинатов (угольного и строительного), у секретаря обкома партии. В городе, в организациях, в основном, был гужевой транспорт и маршрутные автобусы. Кстати, позже начали ходить легковые машины марки «Победа» и «Москвич».

В одном из своих приездов он стал настойчиво отговаривать от поступления в аспирантуру. Можно, мол, учиться и в заочной аспирантуре, и тому подобные советы давать. В то время я еще слабоватая была здоровьем, болели желудок и печень. И действительно, стала задумываться, как еще дальше учиться, тем более чувствовала усталость, еще не успела окрепнуть здоровьем. Постепенно я стала прислушиваться к советам Галыма, они вроде дельные.

В результате его настойчивости и частых встреч мы привыкали другу к другу, можно сказать, почти хорошо изучили, стали дружить. Вскоре он мне сделал предложение.

Галым родился в 1918 году, в семье крестьянина аула № 20, который потом назывался колхозом им.1 Мая, затем совхозом им. 1 Мая, позже переименован в совхоз имени Мартбека Мамраева – Героя Советского Союза, уроженца этих мест, это в Каркаралинском районе Карагандинской области.

Галым рос в семье дедушки и бабушки. Они воспитывали его с пеленок, выходили как свое родное дитя. Они вдвоем его очень любили, баловали, и он рос своенравным, своевольным.

Лицом был белокож, вьющиеся черные волосы, был красив, симпатичен. В этом он похож на родную мать Бахтылы. Моя свекровь Бахтылы даже в пожилом возрасте была красивой женщиной, обладала хорошим голосом, играла на домбре, на гармони. Как мне повествовали

сверстницы Бахтылы, что в ауле без нее не проходило ни одно веселье: шілдехана – праздник по поводу рождения ребенка или праздник Наурыза, той по поводу бракосочетания молодых – свадьбы и много других праздников. Всегда была в центре веселья своим пением, игрой на домбре, гармони.

Кстати, Галым тоже обладал хорошим голосом, пел народные песни, играл на домбре. Особенно хорошо играл народные мелодии, куйи. Позже, после своей болезни, когда он потерял навсегда голос и речь, перешел полностью на игру на домбре. Родственники считают, что Галым был музыкален, все унаследовал от родной матери Бахтылы.

Ко времени возвращения Галыма из партизан в их семье не было его родного отца Кусаина и бабушки в живых. Дедушка Омар дождался внука-сына Галыма. Говорили, что дед, оставшись один, все время плакал и молился, ждал внука, мечтал его увидеть живым и здоровым, и сбылись его мечты. Галым благополучно возвратился домой, вскоре скончался дед, прожив 86 лет.

Галым в 1932 году закончил Первомайскую начальную школу у себя дома, еще года три проучился в неполной средней школе, живя в Каркаралинске у своей тети. В 1938 году закончил педагогическое училище и начал работать учителем в школе, затем там же завучем. В армию был призван в 1940 году, был курсантом, командиром взвода.

Во время Великой Отечественной войны Галым закончил войну в качестве заместителя начальника штаба партизанского полка по оперативной и разведывательной работе. Воевал в партизанском полку до самого расформирования партизанского движения в целом в Белоруссии.

О его партизанской деятельности упоминается в четырех вышедших в Казахстане книгах. Материалы взяты историками института Академии наук республики из партийного архива ЦК партии Белоруссии. Эти книги вышли в 1965-67 годах, приурочены к двадцатилетию победы над фашистской Германией.

Из рассказов Галыма: армия, где он служил в июне 1941 года, расположилась на берегу реки Буг, это западная граница СССР, недалеко от Брестской крепости, а на том бере-

ту Польша. Все чувствовали, что будет война, но об этом им не говорили вслух. По действиям армии можно было только догадываться, но когда это случится, никто не знал.

Накануне, почти за день, была команда личному составу привести себя в порядок, побриться, подстричься, пуговицы пришить, почистить их до блеска, сапоги почистить и т.д. Вечером смотрели кино, легли поздно. Но утром нежданно-негаданно начался кошмар, в небе туча самолетов, на земле рокот моторов. Дальше он ничего не помнит. Говорил, когда пришел в себя, было кругом безжизненно, тихо. Сколько он лежал без сознания не помнит, не знает. Помощи ждать было неоткуда. Кое-как встал, побрел и встретил одного бойца. Его состояние не лучше. Они пошли по направлению на восток в сторону леса. Таким образом, по одному, по два встречались бойцы, образовался взвод, затем отряд.

В его автобиографии значится: с 1940-1941 – курсант, командир взвода 388 с/п, 1940-1941 – командир взвода 3253 воинской части, 1941-1944 – сначала командир взвода, потом помощником, затем заместителем начальника штаба партизанского полка № 425, в лесах бригады № 11 подпольной партийной организации Могилевской области БССР по разведке и оперативной работе группы.

В книге «Шла война народная, партизаны Великой Отечественной – казахстанцы» на страницах 15, 16 (Алма-Ата «Казахстан» 1985) пишется: многих гитлеровцев настигли пули бойцов 425-го красно-партизанского полка, действовавшего в Круглянском, Быховском районах Могилевской области. Есть книга, в которой написано о Галыме. «Участие казахстанцев в партизанском движении Белоруссии в годы Великой Отечественной войны» Едигенов Н. Изд-во «Наука», 1972 год (154-158). Среди организаторов и руководителей этого полка были казахстанцы Ф.Ф.Сухов и Г.К.Омаров. Партизанским полком Ф.Ф.Сухова был взорван эшелон противника, разгромлено 32 гарнизона и волостных управления оккупантов, убито и ранено 4058 вражеских солдат и офицеров, 886 изменников и полицейских, уничтожено 96 километров линий связи, более ста автомашин и много другой техники.

Стойким патриотом-коммунистом показал себя Галым Омаров. Отечественная война застала его в Брестской области, где он проходил действительную военную службу. Во время боев в районе Валилы и Волковыска Г. Омаров оказался в тылу врага. Здесь он связался с подпольщиками Быховского района, с помощью которых организовал партизанский отряд. Вскоре подпольный райком партии направил Г. Омарова и других коммунистов в отряд Н. Куракина. В мае 1942 года отряд Н. Куракина слился с отрядом Ф. Сухова, а в августе 1943 года был создан 425-й партизанский полк, командиром которого стал Ф.Сухов. Здесь Галым Кусаинович Омаров вырос от командира взвода до заместителя начальника штаба полка.

Во многих боевых операциях участвовал Г. Омаров. Так, 30 июля 1942 года он с группой из восьми человек на участке железной дороги Могилев-Жлобин пустил под откос воинский эшелон противника с живой силой и техникой. 3 сентября 1943 года в день операции «Рельсовая война» группа Омарова уничтожила 189 рельсов. 30 ноября 1943 года, он руководил операцией по разгрому карательного отряда в селе Городец. Выполнив эту задачу, партизаны спасли от истребления 76 жителей села.

Г.К. Омаров был тяжело ранен и контужен, но остался в строю, постоянно проявляя воинское умение, личную храбрость и отвагу.

Он награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны I и II степени», медалью «Партизану Отечественной войны первой степени» и другими... До болезни, за труд в мирное время награжден орденом «Знак Почета» (1956г.).

В книге «Партизаны казахстанцы» на страницах 22-23 написано об Омарове Г.К., из архивных данных ЦК Компартии Белоруссии опись 19, д.12, л.220, опись 4 д.112, л.110, там же, фонд 3500, опись 8, дело 181, л.225.

«... В партизанском полку Ф.Ф.Сухова были и другие казахстанцы: Омаров Галым Кусаинович, Скоков Степан Васильевич, Рукавишников Хасан Кусаинович, Карабалгин Азнабай и др.

Омаров Галым Кусаинович – один из организаторов партизанского отряда в Быховском районе, во время боев попадает в окружение, скрываясь от оккупантов, он

некоторое время проживал в деревне Студенко Быховского района Могилевской области.

10 мая 1942 года Омаров с группой патриотов вливается в отряд Марусева. Вскоре Омаров и другие коммунисты были переведены в отряд т. Куракина для укрепления партийной организации. Вместе со своими земляками Суховым, Скоковым Г. Омаров отдает все силы развертыванию партизанского движения.

В отряде он являлся командиром взвода, помощником начальника штаба партизанского полка. За время пребывания в составе полка Г.Омаров принимал участие в разгроме волостных и полицейских управлений, немецко-полицейских гарнизонов, в диверсиях на коммуникациях противника, в «рельсовой войне» и т.д. В бою с карательной экспедицией немцев и полицейских в д. Кучин Быховского района он проявил мужество, личным примером подняв свой взвод в атаку. В этом бою Г. Омаров убил троих гитлеровцев и пять полицейских. 30 июля 1942 года он участвовал в пуске под откос вражеского эшелона с живой силой и техникой на железной дороге Быхов-Рогачев. В результате крушения уничтожен паровоз, 12 вагонов, убито 115 и ранено 170 солдат и офицеров врага. Только в одной операции «рельсовая война» 3 сентября 1943 г. взвод Омарова уничтожил 189 рельсов, 30 ноября 1943 года он руководил операцией по разгрому карательного отряда в населенном пункте Городец. В этом бою, длившемся 2,5 часа, и неоднократно переходившем в рукопашные схватки, противник был разбит. Убито 41 и ранено 25 гитлеровцев. Партизаны Омарова спасли от истребления 76 мирных жителей села. Галым Кусаинович участвовал также во многих других боевых операциях партизанского полка, где проявлял не только умелое руководство, но и личную храбрость и отвагу.

Боевые заслуги Ф. Сухова, Г. Омарова, С. Скока, Х. Рукавишникова и других были отмечены правительственными наградами...»

В книге «Казахстан в период Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945» (сборник документов и материалов, том второй 1944-1945гг, Алма-Ата, 1967, на стр.173, под номером листка № 112 из наградного листа на

помощника начальника штаба партизанского полка № 425, действовавшего в Могилевской области, Г.Омарова.

25 января 1944 г.

«... Тов. Омаров за время пребывания в тылу немецких оккупантов принимал участие в разгроме волостных и полицейских управлений, в боях при разгроме немецко-полицейских гарнизонов, в диверсиях на коммуникациях противника, в рельсовой войне и в боях с карательными экспедициями.

20 июля 1942 года в составе группы из 8 человек на ж.д. Могилев-Жлобин, 5 км южнее города Быхова, спустили под откос воинский эшелон противника с живой силой и техникой. В результате крушения уничтожено: паровоз, 7 вагонов с живой силой и пять платформ с автомашинами. При этом убито и ранено до 110 немецких солдат и офицеров.

5 августа 1942 года (т. Омаров) со своим отделением незаметно подполз к месту на шоссе Могилев-Бобруйск через р. Греза, снял двух часовых и сжег мост. В результате шоссейная дорога не работала в течение 5 суток. Этим самым была оказана большая помощь Кличевским партизанам, подвергавшимся в то время блокировке со стороны противника.

7 августа 1943 года при разгроме немецко-фашистского гарнизона на торфяном заводе Ямное Быховского района убил двух полицейских, охранявших торфодобывающую машину, взорвал последнюю. Этим самым прекратил добычу торфа на длительное время.

3 сентября 1943 года во время рельсовой войны на ж.д. Могилев-Жлобин командовал группой подрывников. Группа перебила 189 рельсов.

5 сентября 1943 года в бою при разгроме немецко-фашистского гарнизона на ст.Тошица командовал сковывающей группой. Группа стремительным броском захватила вражеский бункер, перебила немцев, закрепилась в нем и из бункера фланирующим огнем поддержала наступление основной ударной группы. Этим самым сыграла большую роль в успехе всей операции.

3 ноября 1943 года руководил операцией по разгрому карательного отряда в населенном пункте Городец Быховского района. В результате боя, длившегося 2,5 часа

и неоднократно переходившего в рукопашные схватки, противник был разбит. Был убит 41 гитлеровцев и ранено 25. Освобождено от истребления путем сожжения 76 мирных жителей – женщин, детей, стариков.

Работая помощником начальника штаба полка по оперативной части с августа 1943г., Омаров принимал активное участие в разработке боевых планов полка.

За умелое руководство боевыми операциями, за личную доблесть и отвагу, проявленные в борьбе против немецких захватчиков, т. Омаров представляется к высокой* правительственной награде – Ордену Красного Знамени.

Командир 425-го партизанского полка Сухов
командир*
начальник штаба*

Партархив Института истории партии при ЦК КПБ, ф.3500. оп.19 д.37. л.78 подлинник.

Это я специально привожу отрывки из подлинника, из вышеуказанной книги, тем более, эта книга выходила ограниченным тиражом, она сразу разошлась, не у каждого читателя может оказаться под руками. Есть книга на казахском языке, эта «Казахстанлык партизандар», там есть статья о Галыме Асыл Кайсеновой. «Жау тыйлында» (стр.273-275). Кроме указанных книг еще в нескольких трудах упоминаются о партизанских действиях Галыма в ВОВ. В республиканском музее экспонируется его портрет и награды.

Алма-Ата. 1967 г.

В истории Казахской ССР, на странице 559, накануне 50-летия Победы мы читаем о подвиге Г.К.Омарова на мужественной партизанской земле Белоруссии. Как справедливо отмечается в истории Казахской ССР «в рядах белорусских партизан проявил мужество и отвагу Г.Омаров. Он был разведчиком, затем заместителем начальника партизанского отряда, действовавшего в составе партизанского соединения, которым руководил секретарь подпольного обкома партии Мочанский. Отважный партизан был контужен и ранен, но продолжал борьбу до освобождения Белоруссии советскими войсками.

У нас в семейном архиве хранится 2-ая часть дневника

Галыма. Дневник велся от случая к случаю, не имея на это времени. Здесь полная картина его партизанской жизни. Отдельные важные операции, например, «пошли на операцию», «Боевая разведка, кал нашар», «Сухов 4 немісті олтірді», «поезд кулады», «землянку копали», «Немец начал пальбу», «граната, патрон тараттык», «г. Быхов, полицияга адам алуда, біз агентура жібердік», «жана лагерь жасадык», «Костина похоронили», «Засада, оборона, бізде ун жок», «Ж. дороганы 9 жерден буздык, ок жауыны жауды», «Отряд операцияга кетті», «Біздін полк немістін ротасын, 276 шы дивизиясын жойып, 40 изменникті, 1 немісті пленге алдык, коп оружие алдык, мен бір сулу ат алдым", "Кун суык, ауырдым, отряд операцияга кетті» и т.д. Конечно, очень жалко, что многие записи неразборчивы, стерты походным временем. Этот дневник I часть совсем стерта, а с 24 июня 1942 г. до 24 марта 1944 г. записи более или менее можно различить, поэтому Галым сам попытался переписать.

После возвращения на родину, работал секретарем обкома комсомола по военной работе в Кокчетавской области два года и с 1946-1948 гг. учился в ВПШ – высшей партийной школе при ЦК Компартии Казахстана и одновременно учился в университете им. Кирова на историческом факультете. Оба учебные заведения окончил в 1948 году. После получил направление на работу в Карагандинский областной комитет партии. Вначале работал заведующим сектором партийных кадров, затем первым заместителем заведующего отделом обкома партии по партийно-организационной работе.

БОЛЕЗНЬ ГАЛЫМА

В 1956 году Галым заболел тяжелой болезнью – опухолью гортани.

Эта болезнь привела его к тому, что у него затруднилось дыхание и расговорная речь, плохое общее состояние организма. В Караганде в то время медицинское обслуживание было неплохое, наоборот, кадры хорошие,

их готовил Карагандинский медицинский институт, база, почти все больницы были клиниками, а врачи отоларингологи были люди с хорошей практикой работы.

Галыма лечили на месте. Применяли все доступные к тому времени виды лечения, вплоть до рентгенотерапии. Прошел два курса рентгенотерапии, выздоровления не наступило, наоборот, состояние стало еще хуже. Лечащий врач отоларинголог Брофман открыто и ясно мне объяснил, что эта болезнь не поддается лечению, что надо попробовать его лечить в Москве.

В Караганде лечили почти год, с сентября 1956 года, а с ноября 1957 года лечение продолжилось в Москве.

НЕСОСТОЯВШАЯСЯ ПОЕЗДКА В КИТАЙ

Мы приехали в Москву 4 ноября на лечение Галыма. Мне еще раньше позвонили домой из постоянной комиссии по вопросам межпарламентского союза, где я состою членом, что меня включили в состав делегации по поездке в Китай, я должна прибыть в Москву. Вылет 5 ноября. Кстати, консилиум был в 12 часов 5 ноября 1957 года, а до этого в 10 часов утра в этот же день меня пригласили в Кремль к товарищу Андрееву Андрею Андреевичу.

Галым остался в номере, я поехала в Кремль к Андрееву А.А., он бывший секретарь ЦК ВКП (б), а с 1953 года член Президиума Верховного Совета СССР. В это время говорит, что он плохо слышит, и с аппаратом в ушах был. Андрей Андреевич после знакомства со всеми членами делегации коротко рассказал о поездке, о программе нашего пребывания в Китае.

Делегация прибывать должна в Китае в первую очередь на праздновании сорокалетия Великой Октябрьской социалистической революции и ознакомиться с решениями VIII съезда Компартии Китая, который уже прошел, и другие вопросы. Члены делегации должны быть для вылета во Внуковском аэропорту в 5 часов.

Как теперь быть, пребывание в Китае не в два-три дня,

а около двух недель по программе. Галым дышал слабо, все время переводя дыхание, лежал. Как я поеду, оставив его, если даже в больнице. Состав делегации был утвержден в политбюро Хрущевым Н.С. Только с его разрешения можно было что-то изменить.

Вернувшись с консилиума в гостиницу, я хватаю телефон «ВЧ», звоню Никите Сергеевичу, он не отвечает. Набираю номера один за другим: Ворошилова, Булганина, Суслова, Фурцевой, никто не отвечает. Мы с Галымом в отчаянии, что делать, еще набираю, кого только можно, вдруг ответ на мой звонок и голос знакомый.

Я представилась и спросила, с кем мне удалось связаться, наконец. В трубку чуть ли не со смехом ответили, что это Андропов Юрий Владимирович. «Зауре Садвакасовна, не Вы ли это, Ваш голос мне знаком, по голосу узнаю», – говорит. Я себе не поверила, Юрий Владимирович, когда в ноябре 1955 году Венгрию посетила наша парламентская делегация, был тогда советским послом в Венгрии, нас он сопровождал во время пребывания по стране. И вот теперь приятное совпадение.

В эти дни наша страна готовилась праздновать сорокалетие Октября. Из 104 стран мира главы их партий и правительства прибывали в нашу страну на праздник. Как мне объяснил Юрий Владимирович по телефону, что, начиная от Хрущева, все члены политбюро встречают час за часом на аэродромах эти делегации, и он сам сейчас находится на дежурстве в ЦК. Я все ему изложила, рассказала. Он меня хорошо понял и обещал, что примет все меры, чтобы все было у нас с мужем хорошо. Кстати, Юрий Владимирович после венгерских событий в 1956 году стал работать в ЦК КПСС заведующим отделом партийных органов. Я поблагодарила его и сказала, что буду ждать его звонка и положила трубку.

Мы все в ожидании, час прошел, два прошло, чуть может больше, уже время к четырем часам, в аэропорту мне надо было быть к 5 часам, остается время только на дорогу, добраться до аэропорта. Мы с Галымом сидим, как на иголках.

Вдруг раздался долгожданный телефонный звонок. Юрий Владимирович у телефона и сказал, что он с кем-то, наконец, из членов Политбюро связался, все обговорил:

«Можно оставаться, Зауре Садвакасовна, не ехать с делегацией». Что можно тут сказать, я, конечно, в слезах от радости. Оба мы почувствовали себя счастливыми. Таким образом, в тот раз Юрий Владимирович нам крупно помог.

ПРАЗДНОВАНИЕ 40-ЛЕТИЯ ОКТЯБРЯ

После этого назавтра утром, это 6 ноября 1957г, принесли нам пропуск и приглашение на торжественное заседание ЦК и Совета Министров, которое должно было состояться в этот день в 4 часа дня. Галыму было трудно, но мы поехали в Лужники, где должно было состояться торжество. Кстати, к этой дате специально был закончен спортзал в Лужниках. Там большая вместимость, то ли на 13 или 15 тысяч мест. До этого, кроме большого Кремлевского дворца не было других помещений.

Место в зале нам было указано в приглашении – середина второго ряда. Отсюда сцену и сидящих в Президиуме можно было ясно видеть.

Я Галыма устроила на указанное место в зале и побежала к гостям в «накопитель» для президиума. Наше место в президиуме торжественного заседания в первом ряду вместе с Председателем палаты Совета Союза и с еще четырьмя его заместителями. Когда сегодня смотрю этот тогдашний снимок президиума, мне он очень дорог (снимок газета «Правда» от 6 ноября 1957 года). Президиум оформлен на редкость торжественно.

В накопителе все главы правительств и партий, прибывших на наше торжество. Председатель Президиума Климент Ефремович Ворошилов, увидев меня, подошел ко мне и, взяв за руку, повел к гостям.

Первый, к кому мы подошли, был товарищ Хо Ши Мин. Климент Ефремович, представляя меня ему, сказал: «Наша Омарова». Мы за руку поздоровались с ним, и фотограф тут же снял нас. Я стояла с левой стороны, Хо Ши Мин с правой стороны Климента Ефремовича. Тут Хо Ши Мин, видимо, в продолжение своего рассказа, сказал

Ворошилову: «... я тогда учился в Баку на экономиста, это был 1924 год, потом поехал во Вьетнам». Он говорил по-русски чисто, правда, с небольшим акцентом.

Потом Климент Ефремович, продолжая меня держать за руку, подошел к Мао Цзе Дуну, опять говоря: «Это наша Омарова». Мне стало неудобно. Подумала: «Кто я, чтобы Климент Ефремович так меня представлял!». А фотограф за нами бегом со своим старомодным аппаратом на трех ножках да с черным покрывалом. Он с белой бородой, в свое время, будучи молодым человеком, снимал Владимира Ильича, как говорил Климент Ефремович. Хо Ши Мин улыбался, а Мао Цзе Дун мне казался несколько сдержанным.

Подобным образом, меня представили и Морису Торезу, секретарю французской компартии, и секретарю итальянской компартии Тольятти, секретарям еще ряда компартий стран. Здесь была Цун Цинь Лин – жена Сун Ят Цена. Она была председателем общества китайско-советской дружбы. Со всеми, кому меня представляли, обязательно фотографировались. Фотографа Климент Ефремович называл «борода».

На торжественном заседании с большим докладом выступил Хрущев Н.С. Потом состоялся праздничный концерт. Приехали после концерта в Кремль. В Большом Кремлевском дворце, в Георгиевском зале состоялся прием, посвященный юбилею Октября. Здесь мы с Галымом оказались рядом с Героем Советского Союза, главным героем повести Бориса Полевого «Повесть о настоящем человеке», Мересьевым вместе с его супругой.

На следующий день 7 ноября мы рано собрались, хорошо позавтракали и поехали на Красную площадь, у машины был пропуск, у исторического музея мы вышли и дальше пошли потихоньку пешком до трибуны у Мавзолея Ленина. На трибуне стояли среди зарубежных послов в нашей стране. Парад был торжественным, впечатляющим.

После этого, в течение двух дней отдыхали, любовались Москвой, ездили по городу (мне прикрепили машину), ибо Галыму назавтра надо было лечь в больницу. Время, обстоятельства разделили нас с Галымом потом не на один год.

ЛЕЧЕНИЕ ГАЛЫМА

Кремлевские врачи, ознакомившись с историей болезни Галыма, направили нас в онкологический институт им. Герцена Академии медицинских наук СССР на консультацию, при необходимости, на консилиум. Врачи внимательно ознакомились с историей болезни, долго советовались, еще другие подходили на консилиум. Объявили, что пока нам придется ждать в приемной, скажут. Врачи долго советовались, Галыма пригласили к себе.

Потом вышла в приемную, где я сидела в ожидании, доктор, профессор, она же лечащий врач-хирург Бородулина Мария Дмитриевна и громко мне объявила: «Вашему мужу осталось шесть месяцев жизни». Я это ясно слышала. Дальше что она говорит, не слышала, совершенно оглохла, но при этом сознание я не теряла. В полном сознании, по ее губам вижу, она продолжает говорить.

Я хотела ее спросить: «Что делать будете», – у меня язык теперь стал во рту недвижимым, не поворачивался. Меня усадили и еще мне говорят что-то. Я все равно не слышу. Несколько позже немного пришло сознание. Мария Дмитриевна сказала, что немедленно надо делать операцию на гортань путем ее рассечения для удаления там опухоли. Мне пришлось взять себя в руки, расспросить о болезни, что и как. Она теперь меня успокаивала, посадила на стул и продолжала говорить, это я видела по ее губам, что сегодня же надо удалить гортань.

Первую операцию Галыму сделали 11 ноября, после празднования 40-летия Октября, эта операция была по удалению образовавшейся опухоли на голосовых связках, путем электрокоагуляции, как мне объясняли. Операция длилась долго, около 4 часов, после Мария Дмитриевна сказала, что это не операция, а сложная ювелирная работа, потому она была долгой.

Секретарь Президиума Верховного Совета Георгадзе Михаил Георгиевич, зная о нашей ситуации, расспросил все подробно. Когда он узнал, что я живу в гостинице, мне предложил путевку в санаторий в Барвиху, сказав: «Там, хоть поспите». Так я и сделала и отдыхала в Барвихе два дня.

Начался послеоперационный уход. Мне сказали, что не надо мешать и два дня не приходить, в моей помощи они не нуждались. После этого, по истечении двух недель Галыму опять стало плохо, задыхался. Сделали повторную операцию, но опухоль снова выросла. На третьей операции гортань не закрывали, оставили место операции открытым, на этот раз убедились окончательно, что эти меры не помогут.

Был консилиум, оставалось облучить атомной пушкой, нам все объяснили, что другого лечения не будет. Все расспросили, есть ли у нас дети, ибо не придется нам их иметь, или они будут ненормальными. К этому времени у нас было трое детей. Мы дали согласие на облучение.

Процедуры были очень серьезными, реакция организма была тяжелой, он заболел лучевой болезнью. В местах облучения и рядом выпадали (прогнили) мышцы шеи, хрящи гортани превратились в тряпку. Правда, теперь опухолям негде было быть. После облучения место, где оперировали, зашивали, но через 4-5 дней кожа становилась гнилой, ее удаляли, зачищали.

Несмотря на более или менее нормальное дыхание через трубочку, поставленную в бронхи, питание через зонд, поставленный в желудок, состояние Галыма все ухудшалось. Место операции не заживало совсем, превращаясь в незаживающие раны. Лечащим врачам приходилось прибегать ко всяким доступным методам, изыскивать препараты, лекарства, какие были известны тогда в стране, во всяком случае, в Кремлевской больнице. Все попытки были безрезультатными.

Из Караганды я приехала на предстоящую очередную операцию Галыма. И здесь в одной из московских газет прочитала статью о том, что академик Зелинский изобрел мазь-лекарство от незаживающих ран, как-то сибирская язва и другие. Название этой мази «Цигарол». Я, конечно, пустилась в поиски. Но не знала, как найти академика, потом по следам этой же статьи нашла координаты места его работы.

Оказалось, оно совсем близко. Это одно из старых корпусов Московского государственного университета на улице Мойка, 11, близко от гостиницы «Москва», где я

останавливалась, что почти рядом с выставкой живописи. Кстати, в это время уже заканчивалось строительство нового здания МГУ.

Рукой подать, прихожу, официально представилась, что я депутат Верховного Совета СССР из Казахстана. Людмиле Сергеевне, доктору наук, ученице академика Зелинского, как она мне сама представилась, я изложила цель своего прихода к ним. Оказывается, статью в газете написала она (фамилию запамятовала). Разговорившись, спросила, могу я видеть академика. Оказывается, Зелинского, к сожалению, не было уже на свете, скончался недавно.

Моему огорчению не было предела. И она сказала: «Вы сидите в его освободившемся кресле». Я почти испугалась. Тогда Людмила Сергеевна достала со своего стола какую-то пробирку с мазью и рассказала историю изобретения. Они работали совместно с академиком Зелинским, она себя назвала его ученицей. Людмила Сергеевна оказалась человеком простым и общительным, сразу меня поняла и посочувствовала, но сказала, что мазь еще проходит клинические испытания, поэтому в производство пока не скоро поступит, но дала мне на пробу немного мази со своего резерва. Я, поблагодарив Людмилу Сергеевну, сразу пришла в больницу, с радостью доложила лечащему врачу.

Впоследствии мы убедились, что и Цигарол больному не помог в заживлении его ран, оставалось делать Галыму только пластические поэтапные операции. Для этого с левой стороны ребер операцией снимали кожу размером 6х12 (квадратных сантиметров) для закрытия шеи впоследствии. Это делалось постепенно, шаг за шагом, то есть для того, чтобы кожа с бока могла прижиться на шее, надо было делать шаговые операции, их было шесть и седьмая – закрытие шеи.

Все прижилось, шея закрылась новой кожей, только при этом оставили отверстие под стальную трубочку для дыхания. У Галыма было такое состояние, что ему невозможно принять пищу через рот, поставили зонд в желудок. Мне сказали, что больному нужно усиленное, калорийное питание, вдобавок к больничному. Я больше половины дня ходила, ездила по городу, доставала

продукты, где курицу, мясо, яйца, сметану, сливки, где высокомарочные сухие вина.

Кстати, в пятидесятые годы и Москва была не богата продуктами в магазинах, везде были очереди, надо было выстаивать, потом из этих продуктов где-то готовить. В Москву из Караганды раньше переехала моя приятельница Смородинова Ася Александровна, с которой вместе работали в Карагандагипрошахте. Ася предложила свои услуги, готовить у нее на квартире пищу для Галыма.

Так я и сделала, варила бульон из говяжьего мяса, курицы, потом дважды пропускала это мясо через мясорубку и вместе с бульоном через зонд питала больного. Когда я уезжала домой, частенько мои друзья приходили на помощь, посещали его вместо меня, помогали кто чем, например, Заковряшины из своего дома в больницу передали подушку, получше одеяло. Это было, когда его временно перевели в городскую больницу № 52 на пятом Октябрьском поле.

Врачи-диетологи специально назначили вдобавок давать больному и высокомарочные сухие вина, считалось, что это полезно его желудку. Мне поэтому приходилось знакомиться с директорами лучших ресторанов Москвы, как «Армения», «Грузия» (на Калининском проспекте) и директорами некоторых винных магазинов. У них по их совету я покупала самые лучшие вина, как «Цинандали», «Хванч-Кара» и другие. В больницу каждый раз приносила помногу бутылок, эти вина там держали даже впрок, т.е. на время моего отсутствия, до следующего приезда.

ЗНАКОМСТВО В БОЛЬНИЦЕ

Однажды, в один из дней посещения Галыма, он меня познакомил с таким же больным, как и он, из соседней палаты больницы, по фамилии Афанасьев Михаил Иванович. Он Герой Советского Союза, летчик, бывший командир воздушной эскадрильи истребителей.

Оказывается, в его эскадрильи служил и воевал наш

Талгат Бигельдинов – Дважды Герой Советского Союза. Оба раза Михаил Иванович сам лично представлял его на Героя. Говорит, что Талгат был настоящим героем, боевым, шустрым.

Михаил Иванович поведал мне о нашем Талгате Бигельдинове, с которым всю войну вместе воевал, о своей семье, особенно о сыне, о дочери, школьниках, о жене, которая из-за него не работает, ухаживает за ним.

После знакомства он сразу спросил меня, знаю ли я, знакома ли с Талгатом. Конечно, мой ответ был утвердительным. Я сказала не только что знаю его, но и работаем рука об руку. В те годы я работала заместителем Председателя Совета Министров. По распределению обязанностей я курировала, в числе других отраслей, и Гражданский воздушный флот республики (ГВФ). Бигельдинов был заместителем начальника ГВФ Седляревича по строительству. По работе мы часто с ним встречались у меня в кабинете.

Афанасьев очень был доволен и тронут моим сообщением. Михаил Иванович, обреченный человек, у него был рак горла, говорить не мог, как Галым, после операций разговаривал через письмо, слушал, а отвечал письмом на блокноте, тетради.

Он поведал мне о том, что он коренной москвич. Семья прописана по разным адресам у товарищей, родственников, все четыре человека в четырех местах. Не имеет собственного жилья. Везде отказывали. Я совсем расстроилась.

Оставалось мне действовать. Нашла телефон I секретаря Дзержинского районного комитета партии, где состоял на учете Афанасьев. Представилась, что я депутат Верховного Совета, заместитель Председателя палаты Совета Союза. Назвала фамилию свою, имя, отчество, извинившись за беспокойство, изложила суть вопроса и просила меня принять лично. Секретарь райкома согласился с готовностью принять меня и назвал время.

В тот же день я приехала к нему, и состоялся обстоятельный разговор между нами. Конечно, вначале я несколько была возбуждена, потом взяла себя в руки, изложила все, что касается Афанасьева М.И. и его семьи.

При этом просила, во что бы то ни стало, помочь этой семье.

Секретарь все внимательно выслушал, был весьма участлив и рассказал мне о состоянии обеспеченности жильем в его районе, назвал кое-какие убедительные цифры, об очередности, о необеспеченности строймонтажными средствами и многое другое. В конечном итоге обещал, сказав, что на улице Дружбы (это, где МГУ строится) для района строился высотный многоэтажный жилой дом, он закончится через 4 месяца, и там выделят квартиру для Афанасьева из расчета 6 кв.м на человека, по нормам Москвы.

Я, конечно, страшно обрадовалась, поблагодарила секретаря райкома и обещала еще навещать его. Действительно, я раз в месяц приезжала на очередную операцию Галыма и специально ездила на строительный объект. Наконец семье выдали ордер. Теперь надо было справить новоселье. Кстати, выделили 24 кв.м площадью, однокомнатную красивую квартиру, отдельная секция со всеми удобствами.

Из больницы на день выписали Афанасьева вместе с Галымом и привезли в новую квартиру. Мы все были довольны и радостны, отметили новоселье, открыли шампанское. Михаил Иванович выпил фужер шампанского. Галым, конечно, не мог из-за своего состояния. Он все питался через зонд, мы с Таисией это учли заранее.

Михаил Иванович сильно разволновался, у него на глазах были слезы счастья. На блокнот свой записал все свои лучшие слова благодарности в мой адрес и Галыму дал прочитать. Сказал, что он чрезвычайно счастлив, теперь смерти не боится и т.д., что он теперь спокоен за детей, семью, у них своя крыша над головой. Вечером их привезли в больницу, каждого в свои палаты, в свои койки уложили.

Через дней двадцать сообщили, что Афанасьеву остались считанные дни, тем более Галыму предстояла очередная пластическая операция, я приехала. Оказывается, Михаила Ивановича уже перевели в больницу для военнослужащих. Мы с Галымом приехали из больницы попрощаться с ним. Когда ему сообщили, что мы здесь у него, он немного приоткрыл глаза, снова их сомкнул, нас не узнал. Вот

так распрощались с благородным человеком Михаилом Ивановичем, его не стало уже через 4 дня.

ПОСЛЕ БОЛЬНИЦЫ

В больницах Караганды и Москвы Галым пролежал почти три года, прошел 12 операций с облучением горла атомной пушкой. Облучение потом в течение двух-трех лет привело к лучевой болезни. Последний раз с Кремлевской больницы его выписали 15 июля 1959 года, и у Ивана Ивановича Заковряшина, моего бывшего шефа, директора проектного института «Карагандагипрошахт», работающего в это время, в «Центргипрошахте» в Москве, отметили выход из больницы Галыма.

Назавтра мы вдвоем вылетели в Прагу с Внуковского аэродрома. Кстати, нас провожали друзья Касым, Канапия, Мухаметкалиевы, Машабаевы, Зупан — они были в это время в Москве, с ними их дети. Они во время летних каникул смотрели Москву, мы их встретили случайно, неожиданно.

Летели хорошо, Галым весь преобразился, был доволен, наконец, вырвался из больницы, едет отдыхать после тяжелейшей болезни. Хорошо устроились в санатории «Империал», после некоторого отдыха мы вышли погулять. Смотрю, перед санаторием Галым с кем-то в обнимку целуется и этого человека представляет и знакомит со мной. Оказалось, это был Козлов Василий Иванович, бывший командир соединений партизанских отрядов Белоруссии, Галым его знал еще в те партизанские годы. Сейчас он работал Председателем Президиума Верховного Совета Белоруссии, отдыхал здесь с женой. В память этой встречи мы вчетвером сфотографировались здесь же.

Галыму повезло, было с кем поделиться, проводить свободное от лечения время. Правда, через письмо на блокноте, много не наговоришь. Здесь встретили карагандинцев, Акима Серикова, секретаря обкома и других знакомых по обкому по старой работе Галыма.

Отдых наш проходит хорошо, везде ходили, гуляли, у нас праздник на душе. Здесь же отметили день рождения (19 июля) Нуржана, ему исполнилось пять лет, нашего младшего сына. В обмен денег в санатории дали нам две тысячи форинтов (чешская валюта) на двоих. Кстати, они нам очень пригодились на расходы, на всякие встречи, торжества с друзьями, со знакомыми или на пильзенское пиво на двоих, на экскурсии по Карловым Варам, Марьянским Лазням и по Праге. Галым выздоравливал день за днем. Вот так незаметно для нас проходили дни отдыха и лечения.

Домой мы вернулись оба счастливые, отдохнувшие и в настроении. Дома нас торжественно встретили родные и все родственники, товарищи, друзья, мои папа с мамой, которые по случаю болезни Галыма побросали свое хозяйство соседям, и за годы болезни жили у меня то в Караганде, то в Алма-Ате, воспитывая и следя за нашими малолетними детьми. Вот так более или менее благополучно закончился, слава Богу, наш «больной рейс».

Когда я пишу эти строки, вспоминаю даже лица людей, которых приходилось мне видеть всего несколько раз. Сегодня, с расстояния 50 лет с благодарностью вспоминаю, какие все они были благородные, внимательные и чуткие. В те времена для меня это была большая помощь и поддержка. С искренним уважением к ним вспоминаю этих добрых людей, с кем мне приходилось встречаться по поводу выздоровления Галыма, будь то доктор наук, лечащий врач-ординатор, медицинская сестра или любой сферы обслуживания. Безусловно, Галым выкарабкался из такой тяжелой болезни благодаря чуткому, внимательному отношению добрых людей.

И сегодня мне хочется высказать, что годы болезни и множество сделанных операций Галым сам перенес героически и мужественно. Эти годы и для нас, родственников были временами тяжелых переживаний и испытаний.

Но, в конечном счете, это была победа. Галым остался живым, и после больницы у него впереди еще двадцать восемь лет жизни на благо общества и семьи.

ТЕПЕРЬ МЫ ДОМА

После возвращения с курорта, через несколько месяцев, в Москве прошел у логопеда уроки воспроизведения звука через пищевод. В результате Галым уже мог произнести отдельные несложные слова. До этого изъяснялись через письмо в блокноте. После нескольких лет он уже мог разговаривать, но не очень внятно, хриплым, грудным голосом, но семья могла более или менее воспринимать, понимать основной смысл его речи.

В сорок один год от роду без работы, без дела, являясь инвалидом первой группы, ему было тяжело сидеть дома. В жизни общительный, добродушный, доброжелательный, любивший людей, гостей, к родственникам относился особо бережно. В таком его состоянии нам с ним надо было что-то предпринять, искать более подходящее занятие, работу.

Дома мы, я и дети не давали скучать, постоянно приглашали в гости его друзей, товарищей, родственников. Они играли с ним в шахматы. Галым, первый преферансист, и тут нашлись ему партнеры из числа его друзей. Он также хорошо играл в шахматы и в домино. С кем бы ни играл, всегда первым выходил. Здесь, я думаю, ему помогала математическая природная способность, в Каркаралинске, в педучилище был преподавателем математики до отъезда в армию. Бы-вало, когда вечером я прихожу с работы, дома у нас полным ходом идет игра в преферанс с друзьями. Он находил для себя отдушину в этой игре от безделья.

Он не мог один оставаться дома, хотя дом был полон народа, трое наших детей дошкольного возраста, еще четвертый ребенок Сережа – это сын нашей домработницы Нины. Они с нами жили еще в Караганде, а когда мне предложили новую работу в Алма-Ате, мы их не оставили. В это время у нас была вторая помощница, женщина, которая специально готовила для Галыма диетическую еду.

Обстановка в семье в таком духе продолжалась у нас еще некоторое время, пока не позвонил Дыхнов Николай Васильевич, бывший комсомольский работник, его Галым знал по работе после возвращения с партизан,

в Кокшетауской области в качестве секретаря обкома комсомола по военной работе. Николай Васильевич предложил Галыму сходить в институт геологии Академии наук к Канышу Имантаевичу Сатпаеву, директору института, чтобы поговорить об устройстве у него на работу. Каныш Имантаевич взял Галыма на работу, начальником первого отдела института, где нет телефонных разговоров и посетителей, что и было необходимо.

Несмотря на свое состояние здоровья, в этом институте Галым беспрерывно проработал 25 лет до дня смерти. Всего он прожил 67 лет, скончался 3 декабря 1986 года.

Однополчане по партизанским действиям в Белоруссии, друзья и товарищи, родственники при его жизни, да и после его смерти вспоминают о нем добрыми словами, искренней любовью к нему. Через месяц после похорон Галыма из Белоруссии, из города Барановичи мы получили посылку с белорусской землей, где было сказано: «Мы – партизаны с болью в сердце прочитали о смерти нашего Григория. Просьба – эту землю посыпать на его могилу». Было очень трогательно. Мы так и сделали.

Известный партизан Белоруссии Ади Шарипов, наш сосед по дому, заслуженный государственный деятель, писатель, министр, партизанский отряд которого действовал рядом в районе по соседству с Галымом, однажды мне жаловался на Галыма: «Заслуги Галыма в десять раз больше моих, а он не хочет писать об этом», – Я предлагал свои услуги, – «Давай вместе напишем или все материалы дай мне, я напишу», но на все мои предложения он машет рукой, что с ним будем делать».

В действительности, Галым человек был очень скромный, не любил, когда его хвалят. Так упорно не хотел, чтобы его хвалили, восторженно о нем отзывались. Вообще не любил фильмов о войне, сам смотреть не ходил, в отличие от меня и детей. Единственно, он вместе со мной посмотрел все серии фильма «Победа» до конца. По дневниковым записям видно, что он особо уважал и любил Сталина, его выступления или приказы, когда они доходили до их слуха, это говорил, «был праздник для них».

ВОСПОМИНАНИЯ АЙТЖАНА АБДУЛИНА

В своем воспоминании о Галыме Кусаиновиче Омарове академик Абдулин Айтжан, директор геологического института, пишет следующее: «Прошло немало времени, как не стало Галыма Кусаиновича Омарова. С большой теплотой вспоминаю этого замечательного человека, своим присутствием оставившего глубокий след у тех, кто с ним работал или когда-то встречался.

Галым Кусаинович долгие годы работал в Институте геологических наук Казахской Академии, куда был приглашен директором института академиком К.И. Сатпаевым на должность заведующего первым отделом Института. Мы, сотрудники Института, знали, что он был участником Великой Отечественной войны – легендарным партизаном и после демобилизации (по состоянию неоднократного ранения) он находился на партийной работе, хотя об этом никогда не говорил.

В Институте, как указывалось выше, Галым Кусаинович возглавлял первый (секретный) отдел. В эту пору в геологии вообще, в институте, в частности, все материалы, особенно в области месторождений полезных ископаемых, были засекречены. Это был общий недостаток геологической службы того времени, которая заключалась в ее излишней засекреченности и изоляции от мировой геологии.

Все необходимые для работы научным работникам-геологам, имеются в виду фотокартографические материалы, научные отчеты, хранились в фондах первого отдела. Сотрудники утром, приходя на работу, все картографические и другие материалы брали под расписку, и в конце рабочего дня возвращали в первый отдел. Так было поставлено дело в первом отделе.

Галым Кусаинович отличался простотой и скромностью и в тоже время требовательностью к себе и другим. В нем была заложена какая-то природная доброта. Будучи старше по возрасту, он старался помочь особенно молодым людям своим добрым словом.

Мы знали, что в институте находятся сотрудники – представители Комитета Госбезопасности, из числа

наших же сотрудников, которые следили чуть ли не за каждым. Будучи многие годы директором Института, зная благожелательное отношение ко мне, я как-то спросил Галыма Кусаиновича: «Эти ставленники Комитета тоже следят за мной?». Он сказал: «За вами следят они или нет, я не знаю, но за мной (т.е. за ним – представители же Комитета) точно следят».

Теперь сквозь призму прошедших лет зримо вижу перед собой в лице Галыма Кусаиновича, человека среднего роста, светлого лица, немногословного, сдержанного, даже немного замкнутого, в тоже время исключительно доброжелательного с желанием и умением поддержать любого в затруднительных обстоятельствах. Он пользовался большим авторитетом в коллективе, которого помнит каждый сотрудник Института, где он проработал более четверти века».

Академик А. Абдулин 23.02.2003 г.

ВОСПОМИНАНИЯ ДОЧЕРИ САТПАЕВА К.И.

Вклад Г.К. Омарова в сохранность личного архива Академика К.И.Сатпаева

Личный архив академика К.И. Сатпаева с мая 1978 г. находится на постоянном хранении в Центральном Государственном архиве Республики Казахстан. Архив обработан в соответствии с существующими правилами и располагается в помещениях, оборудованных всеми современными средствами, необходимыми для длительного хранения архивных материалов (в помещениях поддерживаются постоянные температура, влажность, периодически ведется обработка хранилищ соответствующими препаратами и т.д.).

Однако, прежде чем архив К.И.Сатпаева попал в такие прекрасные условия, судьба его была весьма тревожной.

В первые годы после смерти Каныша Имантаевича, т.е. начиная с 1964 г., все материалы, относящиеся к его деятельности, были перевезены в здание Института геологических наук, где была создана специальная группа для обработки архива в соответствии с инструкциями, действующими в системе Академии СССР (напомним, что К.И.Сатпаев был академиком Союзной Академии и вначале даже стоял вопрос о перевозе архива в Москву, в АН СССР. Всю деятельность по обработке архива возглавляла Таисия Алексеевна Сатпаева, готовившая одновременно издание трудов К.И.Сатпаева. Пятитомное из-дание «Избранных трудов» было осуществлено в 1968-1970 гг.

Ввиду большого количества материалов, входивших в состав архива К.И.Сатпаева, обработка его затягивалась. В апреле 1976 г. умерла Т.А.Сатпаева, а в ноябре того же года случилось страшное для ИГН событие: в здании института произошел большой пожар. К счастью, корпус, в котором располагались материалы Каныша Имантаевича, не попал в зону пожара. Однако стало ясно, что помещение Института пожароопасно, что связано со специфической лабораторной вентиляционной системой (здание пронизано пластиковыми вентиляционными трубами, скрытыми в коридорах всех этажей в фанерных стенных шкафах. Надо было срочно перевозить бумаги К.И.Сатпаева в безопасное место.

В этой ситуации я как дочь К.И.Сатпаева, работавшая в ИГН и принимавшая непосредственное участие в обработке архива отца, обратилась за помощью к президенту АН КазССР (в то время президентом был А.М.Кунаев) с просьбой о выделении в здании Президиума АН КазССР отдельной комнаты для материалов академика К.И.Сатпаева. Мне удалось попасть на прием к президенту. Однако он объяснил мне, что в главном здании Академии нет свободного помещения для бумаг К.И.Сатпаева. Поскольку от случайностей никто нигде не гарантирован, следует оставить все по-старому, т.е. продолжать обрабатывать документы в здании Института геологических наук.

Естественно, такая ситуация меня не устраивала и очень волновала. Было преступно рисковать судьбой архива

Сатпаева. И в этот, казалось бы, безвыходный момент, как в сказке появился настоящий добрый волшебник в лице Галыма Кусаиновича Омарова.

Галым Кусаинович был начальником первого отдела ИГН. С виду он был суровым замкнутым человеком, идеально соответствуя своей должности. В Институте к нему относились с большим уважением и некоторым страхом. Первый отдел в сознании геологов всегда ассоциировался с возможными осложнениями и непредвиденными проблемами.

Мы знали, что в годы Великой Отечественной войны Галым Кусаинович воевал в партизанском отряде в белорусских лесах. Был случай, когда в Казахстан приехала делегация белорусских ученых и глава делегации – президент Белорусской Академии наук – неожиданно встретившись с Галымом Кусаиновичем, до слез обрадовался старому другу-партизану. Трогательная встреча боевых друзей никого не оставила равнодушным, тогда об этом много говорили и писали в газетах.

И вот суровый Галым Кусаинович, расспросив меня о проблемах архива Каныша Имантаевича, принял единственно верное решение: архив К.И.Сатпаева должен храниться в Государственном архиве Казахской ССР. И приняв это решение, он начал его выполнять. Это была нелегкая задача, учитывая, что в то время отношение к памяти о К.И.Сатпаеве в Республике было сложным. Можно только догадываться, сколько больших и малых преград пришлось преодолеть Г.К.Омарову, прежде чем архив К.И.Сатпаева был перевезен в здание ЦГА РК.

Мне известно, что большую помощь в этом деле оказали Бижамал Рамазановна Рамазанова – в то время председатель Республиканского комитета по архивам и документации, а также директор Госархива Абилова Менгеш Хусаиновна.

Перевозка архива происходила под личным руководством Галыма Кусаиновича, который предусмотрел все до мелочей: организовал молодых ребят-геологов для погрузки и разгрузки огромного количества бумаг, оборудовал помещение в Госархиве шкафами и

стеллажами; заботился о снабжении архивных сотрудников необходимыми коробками, папками и т.д.

Обработку архива вела группа под руководством опытного архивиста Сандыбековой Гульжан Ахметжановны, которая нередко обращалась за помощью к Галыму Кусаиновичу.

С тех пор прошло уже много лет. Ушел из жизни Галым Кусаинович Омаров. Архив К.И.Сатпаева надежно хранится в ЦГА РК. Многие материалы архива включены в состав юбилейного восьмитомного издания трудов акад. К.И. Сатпаева, опубликованного в 1998-2001 гг.

И все мы – дети, близкие родственники и друзья Каныша Имантаевича с бесконечной благодарностью помним о Галыме Кусаиновиче Омарове, приложившем огромные усилия для сохранения подлинной реликвии казахского народа – личного архива академика К.И.Сатпаева.

Дочь академика К.И.Сатпаева
Главный научный сотрудник
Института геологических наук
им. К.И.Сатпаева МОН РК
Доктор геолого-минералогических наук
Меиз Канышевна Сатпаева

22 мая 2003 г.

МАЙСКАЯ СЕССИЯ 1957 ГОДА

В мае 1957 г. после праздников состоялась сессия Верховного Совета. Вопрос повестки дня был «О внешней политике Советского Союза», докладчик – министр иностранных дел Молотов В.М.. Кстати, тогда на сессии присутствовал шахиншах Ирана Реза Пехлеви со своей супругой Сореей. Они оба удивительно молодые и красивые, сидели в Президиуме сессии. Депутаты их тепло встретили, стоя, продолжительными аплодисментами.

Доклад длился ровно два часа, я, например, слышала выступление Молотова первый раз в жизни и на близком расстоянии. Доклад был весьма содержательный. После перерыва начались прения о внешней политике СССР. В прениях выступали все именитые люди, один лучше другого. После обеда подошла моя очередь председательствовать на сессии. После выступления Патоличева, министра внешней торговли, предоставила слово трем нашим депутатам женщинам, одной за другой: Буркацкая Галина Евгеньевна, председатель колхоза, дважды Герой Социалистического труда, Панкратова Анна Михайловна, академик и Лебедева Зинаида Александровна, директор Центрального института туберкулеза. Все они хорошо выступили, и я объявила перерыв.

Немного задержалась, пока передавала папку с фамилиями для выступления следующему председательствующему после меня, тоже заместителю, академику Лебедеву. Смотрю, в Президиуме еще не все разошлись, стоят четыре-пять человек, среди них, Ворошилов и поэт Тычина Павел Григорьевич. Все смеются, хохочут, и когда я близко подошла к ним, Климент Ефремович обращается ко мне: «Товарищ Омарова, как все женщины хорошо выступили, было замечательно, и Вы хорошо вели сессию, – Вот теперь я говорю: «Павло, ты пиши стихи об этих женщинах, жаль, что мой возраст ушел, а так я не только писал о них сегодня стихи, я о них пел бы!», – и все опять хохочут. Ворошилов человек начитанный, вокруг него всегда люди, и что-то он рассказывал интересное или уместно шутил, он чрезвычайный острослов, и за это его товарищи особо любили, уважали.

Во время перерыва на заседании сессии, как было принято, руководители партии и правительства, начиная с Н.С.Хрущева, Ворошилова, Маленкова и других, с ними вместе и мы, нас десять человек из двух палат, руководители двух палат – Совета Союза и Совета национальностей, являющимися членами Президиума сессии, спустились на первый этаж для чаепития. Обслуживали официанты, парни на подбор. Они стройные, симпатичные, с полотенцем наперевес, конечно, они выученные, очень

старательные, обслуживали так, чтобы мы за 20 минут успели поесть, попить чаю. Но бывало и так. Кто-то из присутствующих берет инициативу на себя, ходит, разливает в рюмки коньяк, водку. Однажды Суслов Михаил Андреевич встал со своего места, стал ходить, предлагать выпить рюмочку спиртного. Так он подошел и ко мне, налил коньяку в стоящую передо мной рюмку и пошел дальше к другим товарищам.

Здесь хочу признаться, в то время я была в положении со вторым сыном, правда, срок еще небольшой, но со стороны моя фигура уже была заметна. Вдруг ко мне подошел Климент Ефремович Ворошилов, отставил мой коньяк. Он шел ко мне в руке с большим фужером, наполненным какой-то жидкостью, забрал мой коньяк и сказал: «Надо пить вот это», – указывая на фужер. Он сам выпил мой коньяк, а я – что было в фужере, это оказался виноградный сок. Это говорит о большой внимательности Климента Ефремовича. У себя дома в Караганде, по случаю, я могла выпить стопку вина, так называемого «Портвейн 12».

Так, Климент Ефремович в другой раз взял со стола маленькую коробочку конфет, подал мне, говоря: «Утомительно на заседании сидеть, можно и заснуть, кушайте потихоньку». За это я его благодарила. Я эту коробочку конфет, конечно, не ела, принесла в гостиницу, конфеты раздала нашим депутатам женщинам, а они, в свою очередь, тоже не ели их, говоря, что повезут домой детям, как память о большом человеке. Климент Ефремович по-отцовски заботился о депутатах. Мог спросить, бываем ли мы в Большом театре, там в такой-то день будет такая-то опера или в драматическом такой-то спектакль, там будет играть А.Тарасова и другие. Кстати, в период сессии в перерыве ко мне подошла А. Тарасова и присела слева от меня, так как около меня было свободное место. В тот день мы с ней ближе познакомились. Она произвела на меня большое впечатление. Это была красавица с благородным лицом. Чувствовалось, что она хороший человек.

Действительно, я старалась обязательно попасть в театр, ни один вечер у меня не бывал без театра. Приучила наших депутатов, женщин с областей, тружениц. Старалась, чтобы они тоже все видели, смотрели Москву, сама им покупала

билеты, приглашала в театр. Женщины обычно приезжали в Москву из дома уставшие. Частенько наблюдала в театре во время действия – некоторые наши женщины даже засыпали, это можно было понять. Первые годы пребывания в Москве я сама старалась увидеть, посмотреть все достопримечательности Москвы. С собой вместе брала для этого наших депутатов женщин, чтобы они тоже знакомились с Москвой.

МОИ ОСОБЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Во время перерыва работы сессии академик Анна Михайловна Панкратова (она же член Президиума) познакомила меня с Фурцевой Екатериной Алексеевной, потом втроем пошли пить чай. Фурцева была внимательна ко мне, интересовалась, все расспрашивала обо мне, о семье, потом она же меня познакомила с Ворошиловым Климентом Ефремовичем. И так я познакомилась со всеми секретарями ЦК КПСС, членами и кандидатами Политбюро ЦК КПСС. Они в свою очередь и каждый в отдельности проявляли интерес, как к человеку с провинции, ко мне.

Мое первое знакомство с Фурцевой Екатериной Алексеевной состоялось, когда она работала первым секретарем Московского горкома партии. Позже стала работать секретарем ЦК КПСС по социальным вопросам и культуры, оттуда потом ее перевели Министром культуры, им она была до последнего дня своей жизни (октябрь 1974 год).

Кстати в 1974 году в июне месяце мы два министра, это Комарова Дина Павловна, министр социального обеспечения России, и я, по приглашению министра по труду и социальным вопросам Швеции Асплинга приехали в Швецию. По утрам просматривали свежие номера их газет. Там были статьи о Фурцевой Е.А.. Информация была негативной, порочащая Фурцеву. В тот раз на выборах

в Верховный Совет ее кандидатура не проходила. Мы с Диной Павловной очень расстроились.

Потом 29 октября этого же года я возвращалась с курорта из Ессентуков. В Москве, в аэропорту Внуково, в комнате депутатов сидела в ожидании своего самолета на Алма-Ату и смотрела телевизор. В этот вечер отмечали 150-летие МХАТА, шло чествование. С докладом выступала министр культуры Фурцева. Все было замечательно, торжественно. Не досмотрев, улетела в Алма-Ату. Назавтра 30 октября в 9 часов в утреннем выпуске по радио передали о кончине Екатерины Алексеевны. Невозможно было поверить, я лично очень горевала.

Во время сессии мое место было в первом ряду в Президиуме, как и у всех нас четырех заместителей и Председателя палаты Совета Союза. За нашей спиной во втором ряду место занимали все руководители, начиная с Хрущева Н.С.. У нас был такой порядок ведения сессии: заседание открывал Председатель палаты Совета Союза (когда раздельное заседание палат). Затем, после двухчасовой работы председатель объявлял перерыв на 20 минут. Дальнейшее заседание иногда до конца вели по очереди заместители, предоставляя слово для выступления ораторам.

Я лично председательствовала за четыре года 8 раз. В каждый приезд на сессию я до начала работы всегда виделась со всеми руководителями партии и правительства. Они здоровались со мной за руку, при этом обращались: «Товарищ Омарова!».

Все руководители на меня производили самое приятное впечатление. Особенно Ворошилов, Председатель Президиума Верховного Совета – своей простотой, общительностью. Маленков своим спокойствием, хладнокровием, умом. Все эти черты, мне казалось, у него написаны на лице. Каганович – отличался большой эрудицией, интеллигентностью, Молотов исключительно сдержанный, малоразговорчивый, когда выступал, немного заикался, на одном слове мог задержаться 3-4 секунды, но это бывало не так часто. Вячеслав Михайлович особо отличался на фоне других. Суслова я не воспринимала, очень сухой человек, также Булганина, он

на лицо красивый, но поговаривали, что он очень грубый, с амбициями. Все это мои личные наблюдения, впечатления.

В свободное от заседания время, это может быть до начала в «накопителе», пока все соберутся или в перерывах между заседаниями, мы, члены обеих палат Верховного Совета постоянно пребывали среди руководителей партии и правительства. Они с нами общались, держались просто и доступно. Сами они при обращении друг с другом могли говорить на «ты» или же по имени, например, «Катя», «Лазарь», «Клим». Я наблюдала, так обращался частенько Никита Сергеевич.

Они между собой могли говорить о прочитанной накануне или ночью книге. Дело в том, что после военных лет одна за другой выходили из печати книги, авторами которых являлись вчерашние герои войны, участники партизанского движения, их руководители или же выдающиеся организаторы производства, хозяйств в тылу и т.д. Авторы этих книг, удостаивались Государственной Ленинской или Сталинской Премий.

По выходу из печати люди искали эти книги, прочитывали их с интересом. Я лично всегда приобретала подобные хорошие книги. В первую очередь, они были доступны депутатам в книжных киосках Кремля, я их привозила домой в Караганду, прочитывала, отдавала читать другим.

Ольга Берггольц – стихи, Веры Пановой «Спутники», «Сережа» волнуют людей и сегодня. Ч. Айтматов «Верблюжий глаз», М. Ауэзов «Путь Абая», А. Твардовский «За далью даль», Берды Кербабаев, Гафур Гулям и многие другие. Бертольду Брехту тогда была вручена международная премия мира. Все старались первыми прочитать труды писателей.

Находясь среди руководителей в минуты короткого их общения между собой, я частенько бывала свидетелем обсуждения ими того или иного произведения наших писателей, прочитанными ими, или же виденных вчера вечером спектаклях в Большом театре или в других театрах Москвы. Здесь особо отличались Е. Фурцева, К. Ворошилов иногда и Л. Каганович.

ИЮНЬСКИЙ ПЛЕНУМ ЦК КПСС

4 июня 1957 года в Москве проходил известный Пленум ЦК КПСС, который рассмотрел вопрос об антипартийной группе во главе с Маленковым, Кагановичем и Молотовым и примкнувшим к ним Шепиловым. Пленум вывел их из состава Президиума ЦК КПСС. В центральной печати была короткая информация об этом. Я, прочитав это, недоумевала.

После Пленума Маленкова освободили от всех должностей – заместителя Председателя Совета Министров, Министра энергетики СССР. Слышали, что его послали директором Усть-Каменогорской ГРЭС.

Впоследствии, работая в Совете Министров Казахской ССР, я приехала в Усть-Каменогорск в командировку. Меня в Совмине назначили председателем правительственной комиссии по приемке законченного строительства шлюза. Я очень хотела видеть директора ГРЭС Маленкова. Оказывается, два дня тому назад по велению Хрущева его отправили на новую работу, вернее, новое место, теперь директором ТЭЦ в Экибастуз.

Потом, будучи в Экибастузе в командировке решила посетить Георгия Максимилиановича. Мне дали его адрес, сказали, что он перевез семью. Адрес квартиры: ул. Строительная, дом 1, кв.2. Я когда собралась к ним, оказывается, накануне их уже перевели еще куда-то, несколько дней тому назад. Вот так Хрущев рассчитался после XX съезда со своими дорогими товарищами, соратниками.

ПРИГЛАШЕНИЕ В СОВЕТ МИНИСТРОВ

Однажды утром позвонили из Алма-Аты. Помощник Кунаева, тов. Абдрашитов Хаким Шакирович попросил, чтобы я прибыла в Алма-Ату срочно, что это поручение 1 секретаря ЦК Компартии Казахстана, товарища Беляева Николая Ильича.

Это было 20 июня 1958 года. Естественно, сильно разволновалась, что это будет, что это значит, мне ничего не объяснили. Самолет в Алма-Ату как раз был в 12 часов дня, ИЛ-12, тогда курсировал этот самолет.

Через два часа прибыла в Алма-Атинский аэропорт. Встретил тов. Абдрашитов и повел меня в Совет Министров к тов. Кунаеву Д.А.. Помещение Совета Министров, ЦК партии и Президиума Верховного Совета размещались в старом здании на улице Кирова и Панфилова. Новое здание строили напротив старого по улице Комсомольской.

Кунаев Д.А. сразу ввел меня в суть вопроса. Пригласили для того, чтобы предложить мне работу в качестве заместителя председателя Совета Министров. Такого предложения я, честно, никак не ожидала, даже испугалась. Димаш Ахметович спросил: «Как, Вы согласны?». Я, не долго думая, ответила, что не согласна, ибо такую работу себе не представляю, что это не по мне, мотивируя свой отказ тем, что я горный инженер. Димаш Ахметович тогда начал уговаривать меня: Это «работа как раз по Вас, Вы сможете работать, справитесь, «не боги горшки обжигают», если что, поможем».

На этом закончился наш разговор, затем он повел меня к тов. Беляеву Н.И. в ЦК партии Казахстана. Его я раньше знала по Верховному Совету СССР, бывало, здоровались в перерывах на сессии. Он тогда был 1 секретарем Алтайского крайкома партии, затем стал секретарем ЦК КПСС, секретарем ЦК партии Казахстана.

Димаш Ахметович доложил Беляеву обо мне и сказал: «Товарищ Омарова на наше предложение не дает согласия». Разговор с Беляевым зашел примерно также, что недавно с Кунаевым. Спросил, почему я не соглашаюсь. Я ответила также как Кунаеву, еще прибавила, что я не сумею работать в таком аппарате, в руководстве, нет у меня практики. Они выразили сожаление, что я не соглашаюсь с ними, и отпустили на три дня обдумать и сказали, что через три дня мне позвонят.

К вечеру этого дня я приехала к нашим знакомым по Караганде Кенжебаевым. Сагындык Жунусович Кенжебаев работал тогда секретарем ЦК Комсомола Казахстана, а до этого работал у нас в Караганде секретарем обкома

комсомола. Помню, это было в 1949 году, знакомство с ним тогда состоялось у нас дома. Он приехал после окончания Высшей комсомольской школы и МГУ, его направили работать секретарем Карагандинского обкома комсомола. Мой муж Галым Кусаинович представил мне Сагындыка как родственника, брата.

У них дома мне пришлось рассказать о предложении Беляева Н.И.. Сагындык посетовал, что напрасно отказалась от такого предложения со стороны руководства республики. Здесь поговорили, потолковали. К ним зашел Дыхнов Николай Васильевич – 1 секретарь ЦК Комсомола республики. Наш разговор еще более оживился. Они оба посоветовали мне не отказываться, а дать согласие.

По приезду домой позвонила в Москву, где в Кремлевской больнице Галыму делали операцию за операцией. По телефону с ним поговорить не представлялось возможности, ибо он тогда не мог вовсе говорить после перенесенных операций на горло. Тогда к телефону подошла медсестра, которая ухаживала за Галымом. Я ее попросила передать больному точь-в-точь мои разговоры ему, его письменный разговор мне. Я рассказала Галыму все то, что было в Алма-Ате со мной, просила его посоветовать, передать мне его мнение по поводу состоявшихся разговоров в Алма-Ате. Медсестра точно передавала ответы Галыма по телефону. Галым сказал, что я правильно поступила, отказавшись от предложенной работы.

Через три дня меня, как условились, вызывают в ЦК к Беляеву Н.И. Разговор тот же, я держусь первоначального ответа, т.е. не принимаю предложения быть заместителем Председателя Совета Министров, мотивируя тем, что не смогу там работать, не справлюсь.

Тов. Беляев сделал другой ход и спросил о том, как семья, как супруг мой к этому относится. Впервые поинтересовались и Кунаев и Беляев о моей семье. О болезни Галыма, видимо, они узнали через обком. Я никому раньше об этом не говорила, знала я одна и ни жаловалась никому. Когда я сказала, что супруг мой очень больной человек, что с ним я, тем не менее, разговаривала через медсестру об их предложении, о новой работе, что Галым согласился с моим отказом.

Тогда Беляев Н.И. стал мне советовать, что напрасно я так поступаю. Дав согласие, я помогла бы в лечении своего мужа. Мне посоветовали, что я должна слетать к своему мужу в Москву, еще раз поговорить с ним с глазу на глаз.

В тот день к вечеру я была уже в Москве в больнице у Галыма. Мы два часа размышляли, при этом Галым мне отвечал через запись в блокноте. Говорили обо всем, в конце концов, решили дать согласие. В самом деле, если бы я не справилась, то вернулась бы обратно в свой Гипрошахт.

Таким образом, 28 июня 1958 года я начала работать в должности заместителя Председателя Совета Министров Казахской ССР. Для меня и моих друзей этот факт выдвижения на работу в правительство с должности старшего инженера в Караганде равнялся как «полету в космос».

МОЯ НОВАЯ И ИНТЕРЕСНАЯ РАБОТА

Председатель Совета Министров Кунаев Димаш Ахметович пригласил меня в свой кабинет, где уже сидели в сборе его заместители, Управляющий делами и начальники отделов. Он представил меня как нового заместителя сидящим, рассказывая о моей короткой биографии, говоря о делах, какими я буду заниматься, пожелал мне успехов в работе. В конце сказал, что мой кабинет находится на четвертом этаже в новом здании Дома правительства. В здании не был закончен только зал заседания Верховного Совета, оставались некоторые отделочные работы. «Вы с ходу и займитесь этим, проконтролируйте срочную сдачу, а отделы, аппарат в новое здание перейдут на днях».

До этого в Алма-Ату я приезжала неоднократно с 1956 года, будучи членом ЦК КП Казахстана, на заседания пленумов, в январе 1957 года на торжественное заседание по случаю вручения республике Ордена Ленина за успехи в сельском хозяйстве и сдачу первого целинного миллиарда пудов хлеба. Для вручения приезжал Ворошилов К.Е.

Тогда все три ведомства – ЦК КПК, Совет Министров и Президиум Верховного Совета размещались в одном

здании. Это старое здание находится на пересечении улиц Комсомольской и Панфилова. Позже, на нижней стороне Комсомольской строили это новое прекрасное здание Дома Правительства. Оно строилось ударными темпами. Его сметная стоимость была весьма высока.

После, в старом здании размещался государственный университет им. Кирова, теперь им. Аль-Фараби, а потом театрально-художественный институт.

Свою новую работу заместителя Председателя Совета Министров Казахской ССР я начала со знакомства с моими новыми обязанностями по распределению между членами Президиума Совета Министров и, довольно скрупулезно с аппаратом, начиная с начальников отделов, референтов. Разбиралась со штатной структурой аппарата Управления делами, их заработной платой.

В это время в Совмине работали три заместителя. Из них третий был одновременно Председателем Госплана, четвертое место было вакантным. Здесь до меня работал заместителем Байгалиев Рахим Байгалиевич, бывший секретарь по промышленности Карагандинского областного комитета партии.

Первым заместителем работал Слажнев Иван Гаврилович, бывший председатель Кустанайского облисполкома. Он ведал всеми вопросами сельского хозяйства.

Заместитель по социально-культурным вопросам был Закарин Аскар Закариевич. К нему относились все вопросы, касающиеся Министерств культуры, здравоохранения, социального обеспечения, высшего и среднего образования, творческих союзов артистов, журналистов, художников, архитекторов и др.

Заместителем Председателя и одновременно Председателем Госплана республики был Мельников Леонид Георгиевич, бывший первый секретарь ЦК компартии Украины при Сталине И.В., всеми уважаемый человек. Потом был советским послом в Румынии, министром строительства предприятий угольной промышленности СССР. Он был нашим министром. Мы проектировали шахты и все, что связано с угольной промышленностью. В «Карагандагипрошахте» мы выходили с вопросами к нашему министру Мельникову Л.Г.

Хочу отметить, что по итогам работы за 1956 год в феврале 1957 года министр премировал меня, старшего инженера, месячной зарплатой плюс двумя картинами китайской классики. Эти картины и сейчас дороги и находятся у меня дома как реликвия, как память о тех годах.

У меня по распределению обязанностей были Министерства коммунального хозяйства, связи, автомобильного, железнодорожного, воздушного и водного транспорта, Спорткомитет, Главное управление по строительству шоссейных и автомобильных дорог и Государственный архив.

Министром коммунального хозяйства был Кононенко Даниил Фаддеевич, Начальником Главного управления строительства шоссейных и автомобильных дорог – Шведенко, потом Гончаров, министром связи – вначале был Носков, потом Елибаев, министром автомобильного транспорта – Халимов, потом – Жуков, начальником Казахской железной дороги – Задорожный, начальником гражданского воздушного флота – Седляревич, водного транспорта – Станков, начальником Главархива – Жангалин.

В то время я была самым молодым заместителем и по возрасту и по опыту работы. Мне тогда шел 34 год. Многие смотрели на меня с недоверием на фоне моих старших коллег. Думаю, что вскоре в процессе работы они изменили свое мнение. Это давало мне уверенность в себе.

Первые месяцы работы была большая нагрузка. Текущая работа в аппарате, телефонные звонки руководителей с областей, городов, министерств, ведомств, личный прием посетителей по разным интересующим вопросам. Заседания правительства, бюро ЦК КПК, корреспонденция, ежедневно поступающая в мой адрес, письма с мест на отсутствие телефонной связи, радио, бань, водопровода и канализации, отсутствие или плохое состояние местных и республиканских автомобильных дорог.

Все эти вопросы упирались в ассигнования, которых в республике было немного. Известно, что после войны восстановительные работы поглощали все ресурсы страны. Это были назревшие вопросы, положительно решать которые не всегда представлялось возможным.

Я не успевала прочитать за рабочий день все письма, просьбы. Приходилось рассматривать в конце дня, когда наступало затишье в кабинете, а то и брать домой, рассматривать, когда спит семья. Такой режим мне был знаком еще по Караганде, по депутатским делам.

Республику я более или менее уже познала. Какая область, чем занимается, ее экономику – информации на этот счет было достаточно, но назрела необходимость все увидеть своими глазами на местах. По своему избирательному округу – это Караганда, Темиртау, Балхаш, Коунрад и все прилежащие населенные пункты к этим городам я знала хорошо. К ним не раз приходилось приезжать, смотреть, видеть «где какая щепка лежит».

Для себя я пришла к убеждению, что должна изучить всю республику. Для этого должна выезжать в командировки в области, города. В этом плане часто выезжала по Алма-Атинской области, пригородные совхозы, колхозы, города Талгар, Каскелен, знакомилась с председателями колхозов, директорами совхозов, Героями социалистического труда, экономикой каждого хозяйства. Попутно знакомилась с состоянием дорог, телефонной связи, радиосетями, энерго- и водоснабжением поселков, торговлей продуктами питания, книжной торговлей, со всеми пунктами бытового обслуживания.

Передо мной в Совмине встал вопрос окончания строительства Центрального стадиона. За его строительством непосредственно следил секретарь ЦК КПК Тажиев Ибрагим Тажиевич. С моим приходом в Совмин этот вопрос перешел ко мне, как куратору спорткомитета.

Строительство стадиона заканчивалось. Оставались лишь отделочные работы. Здесь были трудности со стройматериалами. Особенно не хватало цемента. Привозили, откуда только можно было достать – с Семипалатинского цементного завода, с Чимкента. Тем более для стадиона годился высокомарочный цемент марки 400 или 500. Их было мало, поставляли по «чайной ложке». В этом отношении тогда единственный Састюбинский цементный завод работал в большом напряжении.

Этот спорткомплекс, стадион, построен по проекту наших двух заслуженных архитекторов Капанова и Косова.

Он рассчитан на тридцать тысяч зрителей, а в дни больших футбольных матчей и на большее количество любителей футбола и других зрелищных мероприятий. В те годы на футбол ходило много народу, а в интересных матчах люди занимали даже все проходы.

В одном из своих приездов в Алма-Ату Никита Сергеевич Хрущев, будучи на стадионе, был весьма удивлен размером стадиона и спросил Димаша Ахметовича Кунаева о количестве жителей в городе. Когда услышал в ответ, что здесь живут семьсот тысяч человек, высказал реплику: «Ну и размахнулись! Лужники, да и только, а в Москве восемь миллионов жителей!». Видимо он сравнил в уме с другими союзными республиками. Они тоже строили стадионы, но не на такое количество мест. Оказывается, после Лужников второй по вместимости был наш Алма-Атинский стадион.

Мне помнится, что наша футбольная команда называлась «Енбек». Ее опекало Министерство сельского хозяйства, потом Казахская железная дорога. Команду переименовали в «Кайрат». Руководство посчитало, что так будет лучше в материальном обеспечении команды.

Вскоре после товарищеской ничейной игры с ведущей в то время командой в стране ленинградским «Адмиралтейцем» осенью 1959 года, «Кайрат» на своем поле принимал «Зенит» и московскую команду «Спартак». На этих матчах на трибунах не было ни единого свободного места, все проходы были заняты любителями футбола. Это было время, когда у наших отдельных футболистов неважно было с дисциплиной, даже из-за них частенько проигрывали. Однажды я решила их собрать у себя в кабинете, поговорить о дисциплине. Я была вынуждена открыто говорить о недостатках нашей команды «Кайрат», начиная с подготовки к предстоящим матчам, о тренировках, об их ответственности, критикуя отдельных футболистов, невзирая на лица, за пьянку и другие недостатки. При этом ставила в пример венгерских футболистов, об их ответственности перед матчем, об их тренировках, каждого поименно, свидетелем которых я была. Наши футболисты несколько подтянулись, стали за собой следить, даже стали выигрывать в матчах.

Это служило предпосылкой тому, что «Кайрат»

включили в высшую лигу, класс «А». Сообщение об этом стало сенсацией для республики, об этом печатали в газетах, сообщали по радио, показывали по телевидению.

В казахстанском спорте был большой подъем. После ухода бывшего председателя комитета следующим председателем назначили Каркена Ахметова. Вскоре был построен всемирно известный высокогорный каток «Медео», правда пока ледяная дорожка без трибун, где проходили соревнования на чемпионат мира. Первыми чемпионками по конькам среди женщин были Скобликова, Воронина-Артамонова и Иванова. Они потом катались на приз Совета Министров. Дипломы им вручала я, так решило руководство правительства. По поводу вручения дипломов фотокорреспондент КазТаг сделал снимок, его напечатали в центральных и республиканских газетах.

Спортом я увлекалась еще в школе. У нас был хороший физрук. Его уроки мы любили. Фамилия его Холмецкий, он сын Холмецкого, одного из руководителей становления советской власти в районе Байконурских угольных копей, Карсакпайского медеплавильного комбината и Джезказганских рудников. Этого человека хорошо описал в романе «Гудок в степи» Мухаметжан Каратаев. Учась в институте, я не забросила спорт. По возможности, занималась легкой атлетикой, гимнастикой, волейболом. После института увлеклась коньками, лыжами в свободное время. После выхода на пенсию кататься на лыжах не представилось возможным по объективным причинам, к моему сожалению.

ГАЗИФИКАЦИЯ АЛМА-АТЫ

В Совете Министров одним из первых вопросов была первоочередная газификация Алма-Аты и позже всей республики. Это надо было осуществлять на первых порах на привозном газе из Башкирии. По договоренности, газ из Башкирии возили в цистернах по железной дороге с

последующим разжижением его в пунктах назначения на газораздаточной станции. Для этого надо было построить подъездную железную дорогу к газостанции.

Все эти работы, связанные со строительством, заняли всего три месяца. Город стал получать с газораздаточной станции разжиженный газ в баллонах для топки в домах. Сначала в одноэтажных, а потом и двухэтажных (тогда в городе выше двух этажей домов не было). Все это принесло населению особую радость и удобство.

Был составлен график по газификации городов, включая один за другим все поселки, населенные пункты, колхозно-совхозные дворы. Здесь учитывались предложения областей, мнения с мест. Вопрос долго рассматривался, обсуждался на разных уровнях. Так возник окончательный график газификации и с учетом перспективы – перехода на природный газ из Газли, Узбекистана.

Особо пришлось считаться с предложением Целинного края. Здесь шла речь о первоочередности в газоснабжении городов края, после Алма-Аты. Окончательный график газоснабжения составило министерство коммунального хозяйства, министром Кононенко Д.Ф., человеком опытным, исключительно работоспособным, много сделавшим и по другим делам республики.

Однажды ко мне пришли руководители Карагандинской области. Это первый секретарь обкома партии Соломенцев Михаил Сергеевич, председатель совнархоза Рощенко и председатель горисполкома Конакбаев Каскатай Досович. У них унылые, озабоченные лица. Поздоровавшись, спрашиваю, почему они невеселые.

Михаил Сергеевич сказал: «Чему нам быть радостными, Зауре Садвакасовна, землячка? Вы нас обидели, поставив в графике газификации после Акмолы, где население не тянет даже до двухсот тысяч. В Караганде же около семисот тысяч народу, и мы должны ждать своей очереди? Вы наш слуга, Караганда не раз избирала Вас депутатом Союза. Должны же с нами считаться, помочь своему городу газифицироваться, не ожидая очереди после Акмолы. В центре Целинного края строительные возможности нам известны. Пока они соберутся с силами, мы уже можем справиться со строительством газораздаточной станции, с подъездными путями к ней».

После подробного обсуждения на этот счет, я вынуждена была согласиться с ними, спросила: «Сможете у себя организовать ударную стройку?». Они в ответ: «Обязательно это сделаем, Вас не подведем, пригласим Вас на приемку станции». На этом мы закончили наш разговор.

Действительно, карагандинцы слово свое сдержали. Очень скоро построили газораздаточную станцию с подъездными путями к ней. Я поздравила их, сказала, что приехать на торжественную приемку станции не представляется возможности, чтобы сами принимали ее вместе с горисполкомом.

Даниил Фаддеевич и я вместе зашли к Димаш Ахметовичу, доложили о приемке газостанции в Караганде. Он этому событию обрадовался, пожелал нам всем дальнейших успехов в газоснабжении республики.

СОБЫТИЯ В ТЕМИРТАУ

Летом 1959 года произошли забастовки рабочих, строителей металлургического комбината в Темиртау на почве бытовых неурядиц. Плюс, хулиганствующие выходки некоторых горожан, «подливших масло в огонь». В результате этих событий были сняты с должностей первый секретарь обкома партии Исаев, на его место был назначен Соломенцев М.С. На место председателя Совнархоза Оники, бывшего первого заместителя Министра угольной промышленности СССР, пришел Рощенко. Секретарь ЦК Компартии Казахстана Беляев Н.И. получил строгий выговор. Смещен с должности Министр внутренних дел Кабылбаев Шракбек и досталось Димаш Ахметовичу тоже.

На месте событий в Темиртау неоднократно побывало руководство республики, помогало исправлять дела. Мы с Ибрагимом Тажиевичем приехали тоже перед новым годом. Сюда приехал из Москвы Брежнев Л.И. уже во второй раз со своей свитой. Он посетил объекты строительства металлургического комбината, беседовал с рабочими «по душам». Вечером в Караганде во Дворце горняков

состоялось большое собрание актива области. Мы из Алма-Аты все были в президиуме актива. Чувствовалась большая озабоченность Брежнева за все произошедшее. Он выступил с большой речью.

Подробностей я не знала. Подобные дела тщательно скрывались от общественности, очевидцам особо не разрешалось делиться информацией. О событиях в Темиртау я узнала позднее во время своей зарубежной командировки. Тогда в одном французском журнале прочитала через переводчика о событиях в Темиртау и пришла в ужас, были жертвы. О том, что в людей стреляли, я узнала в восьмидесятых годах.

ВОПРОСЫ С ТЕЛЕФОНИЗАЦИЕЙ И ТЕЛЕВИДЕНИЕМ

Вопросы телефонизации и телефонной службы в республике стояли «из рук вон плохо», не хватало телефонных станций, телефонных аппаратов, телефонных кабелей, шнуров. Автоматическая телефонная связь была частично в городах и районных центрах, в остальных местах телефонная связь была через коммутаторы. Установить телефон было большим счастьем для семей даже работников госучреждений.

Помнится, чтобы дозвониться до райцентров или до центральных усадеб колхозов, совхозов людям было великим мучением. Галым тогда работал в Карагандинском обкоме партии. Говорить ему приходилось чрезвычайно громко, иначе не услышат и тихой ночью. Все в это время дома просыпались. Ему непременно надо было знать имя телефонистки, чтобы убедить ее быть более внимательной к просьбе, и если при этом удавалось переговорить, то это было счастьем.

Вышло постановление союзного правительства об улучшении и развитии телефонно-телеграфной службы, выделялись определенные средства, но их было недостаточно. Сначала министр связи Носков Алексей

Алексеевич, а затем его преемник Елибаев Абдразак Алпысбаевич, оба связисты, хорошо знавшие свое дело люди, объективно распределяли по областям эти выделенные скромные для республики средства. Так постепенно развивалась телефонная служба. Тогда никому в голову не приходило, что в перспективе у нас будет весьма удобная сотовая связь.

Как я уже говорила, вопросы с телевидением получили свое разрешение, начиная с 1957 года. Телевидение по моему ходатайству получила в первую очередь Караганда, Кзыл-Орда, когда я была выдвинута кандидатом в депутаты республики пятого созыва из Кзыл-Орды. (Алма-Атинский телецентр был начат до моего прихода в Совмин).

Потом в республике началось сплошное строительство в областных центрах, где за счет бюджета, где за счет финансирования от долевого участия предприятий, областей, хозяйств.

Например, телецентр в Семипалатинске был построен по моему распоряжению, где разрешила областному стройбанку финансировать телецентр за счет средств от сверхприбылей мясокомбината и цементного завода. У меня с такой просьбой были секретарь обкома Карпенко, председатель облисполкома Даиров и директор мясокомбината Шеффер (он впоследствии министр мясомолочной промышленности).

Подобным путем строились телецентры в Петропавловске, Балхаше, Усть-Каменогорске. В то время по другому нельзя было строить объекты культуры, ибо Постановлением Совета Министров СССР запрещалось это делать. Зная это, я шла на его нарушение.

Когда я работала после Совета министров председателем Алма-Атинского промышленного облисполкома, однажды на одном областном совещании присутствовавший Козлов Георгий Алексеевич, до этого бывший секретарь ЦК партии республики по промышленности, теперь председатель Комитета народного контроля республики, выразил мне в порядке реплики: «Добрая тетя Омарова, понимаешь, незаконно разрешила и понастроила телецентры, и с нее, как с «гуся вода», чистенько ушла себе в облисполком, а председатели облисполкомов из-за нее вчера пострадали,

получив «нагоняй» на заседании Совмина». Я в ответ: «Зато народ смотрит телевизор. Такие взыскания я бы носила на груди, как орден». Мы оба от души посмеялись. Комитет народного контроля тоже за закон, за порядок. В данном случае, все эти проверки по моему были сделаны для «галочки», перед республиканским и союзным правительствами. Об этом факте я про себя подумала: «Побольше бы нам таких «ошибок».

КАЗАХСКАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

Казахской железной дорогой занимались весьма опытные товарищи во главе с Задорожным Иваном Акимовичем, начальником дороги, главным инженером Омаровым. В период больших перевозок народнохозяйственных грузов, особенно, в период хлебной страды, железнодорожники работали круглые сутки. В те годы парк грузовых вагонов и платформ был недостаточен. Те, что имелись, были изношены. Ремонтная база была слабая из-за отсутствия запасных частей. Новые поступления из министерства путей сообщения были мизерными. Особенно в годы большого урожая хлебные перевозки на дальние расстояния требовали исключительного напряжения.

Но как бы то ни было, с трудностей выходили, план грузоперевозок выполняли и перевыполняли. Мы с Задорожным проводили еженедельные селекторные совещания с начальниками областных дорог. Из-за заторов на станциях получения грузов, из-за несвоевременной разгрузки вагонов и платформ, задерживался их оборот. Приходилось подтягивать работу областников.

На местах к этому подключились и обкомы и облисполкомы. Они, в свою очередь, принимали все меры к разгрузкам и погрузкам всех грузов. Это при нехватке погрузочно-разгрузочной и механизмов. На работы по погрузке и разгрузке грузов привлекались студенты, школьники, и, по желанию, взрослые граждане.

В работе железной дороги и по перевозкам пассажиров были свои специфические трудности, недостатки и нерешенные вопросы. Хотя война давно закончилась, да еще после успешно завершились восстановительные работы, в целом по СССР, в Казахстане ряд жизненных вопросов еще не получил своего решения.

Мне хорошо помнится в свои юношеские студенческие годы, в годы войны и после нее, как приходилось много ездить поездом на Украину и обратно домой, вдоль по всей стране, по Казахстану, по России и Украине, потратив на дорогу много времени, пока не закончила учебу в институте. Тогда мне приходилось переносить множество трудностей в дороге. Люди ездили даже на крышах вагонов, так как не было свободных мест. На остановках этих «пассажиров» высаживали, но как трогался поезд, люди снова лезли на крышу вагонов или садились на ступеньки. Так до следующей станции и т.д. Внутри вагонов, если удалось зацепиться, то негде было присесть. Приходилось ехать стоя, даже спать стоя или сидя на корточках. При такой скученности в вагоне нечем было дышать.

В вагонах постоянно ездили инвалиды войны без ног, без рук, слепые на оба глаза или на один. Они пели песни военных лет, просили подаяние. Люди к этому давно привыкли, подавали, у кого что было. По поезду бегали дети-сироты из вагона в вагон, просили дать что-нибудь поесть.

Будучи депутатом Союза, подобных детей, у себя на приеме часто видела. Они просили денег. Спрашивала, зачем им были нужны просимые ими 2 – 3 рубля. Они часто отвечали: «Домой доехать». Хотя домов у них не было. Они убегали с мест, куда их устраивали, из детских домов. Это была трагедия того времени.

Кстати, как известно, под руководством Ф.Э.Джержинского создавались специальные детские колонии. Оттуда выходили хорошие юноши и девушки. Великолепный фотоаппарат «ФЭД», изделие этой колонии. Я этим фотоаппаратом моего брата Зиады (он погиб под Ленинградом) фотографировала в студенческие годы, потом на нем учила фотографировать своего сына Нурлана. Так этот ФЭД перешел из одного поколения в другое.

В работе пассажирского транспорта Казахской железной

дороги были свои нерешенные вопросы. Их постепенно, в меру возможностей, устраняли. Начиная с пятидесятых годов пассажирская служба железнодорожного транспорта во всем Союзе улучшилась. Я возвращаясь после окончания института в 1948 году домой уже наблюдала лучшую картину на дорогах. Не было теперь постоянно следующих с востока на запад войск и военной техники. Не было уже с запада едущих демобилизованных солдат на восток. Дорога несколько освободилась от прежнего напряжения. Пассажиры могли теперь ездить более или менее комфортно.

Теперь, когда я занялась работой Казахской железной дороги, в том числе и пассажирской перевозкой, то столкнулась с трудностями, нехваткой пассажирских вагонов. Парк вагонов стал постепенно пополняться за счет своих вагонов, выпускавшихся в Союзе. Позже приходили цельнометаллические пассажирские вагоны производства дружественной нам Венгрии, из Чепеля на Дунае. Эти вагоны я видела еще в ноябре 1955 года, будучи в Венгрии.

Начальником пассажирской службы Казахской железной дороги была инженер-железнодорожник, выпускница Московского института железнодорожного транспорта Куленова. Работала она активно, целеустремленно, со своими вопросами часто бывала у меня. Тогда мы начали говорить о лучшем обслуживании пассажиров, о культуре и т.д. Куленова была намного старше меня по возрасту. Она была одной из первых выпускников-казашек института. Таких специалистов, как она, тогда было мало.

АВТОМОБИЛЬНЫЙ ТРАНСПОРТ, ВОЗДУШНЫЙ ФЛОТ

В работе автомобильного транспорта были свои недостатки. Министр Жуков, потом его заменил Халимов, всегда жаловались на нехватку транспорта. Из всего наличия машин тогда работало 66 процентов, не хватало запасных частей. Это говорило о слабой ремонтной базе.

В период уборки урожая к нам на помощь приходили

Россия, Украина, даже прибалтийские республики, со своими людьми, транспортом и другой техникой. Помогали также военные со своими грузовыми машинами убирать урожай и перевозить хлеб на тока и элеваторы. Автомобильный транспорт без дорог, ясно, не транспорт. По бездорожью в дождь, снег было исключительно трудно водителям хлебовозов. Доходило до того, чтобы вытащить машину с зерном из колеи болотной грязи, приходилось даже подсыпать зерно под колеса машины.

Всем миром старались строить и ремонтировать имеющиеся автодороги. В эти годы действовало постановление Президиума Верховного Совета о строительстве местных дорог за счет долевого участия ведомств, транспорта и дорожной техники. Это было большим подспорьем в развитии строительства местных дорог.

Воздушную перевозку пассажиров обеспечивали самолеты ИЛ-12. Из Москвы нам сказали готовиться к приему самолета ИЛ-18. Взлетно-посадочная полоса имеющегося аэродрома в Алма-Ате не могла обеспечить взлет и посадку самолета ИЛ-18. Приступили к расширению и удлинению полосы. Начальник гражданского воздушного флота Седляревич энергично приступил к этому вместе со своими заместителями, одним из которых был дважды Герой Советского Союза Талгат Бигельдинов, ведавший вопросами строительства, в короткий срок расширили и удлинили взлетно-посадочную полосу под ИЛ-18. Эта полоса приняла также самолеты Ту-104 и ЯК-40.

Пришлось и мне принять участие в этом строительстве. На аэродром поставили один из всего трех в городе асфальтоукладчиков. Второй асфальтоукладчик поставили на дорогу на высокогорное озеро Иссык, третий работал в городе. Все они работали в три смены. Так распорядился Димаш Ахметович и мне поручил вести постоянный контроль, чтобы все три асфальтоукладчика работали бесперебойно. Я так и делала. На аэродроме бывала почти через день, также на дороге на Иссык. До озера 28 км, вся протяженность проходит по скалистой местности, работа была очень трудоемкой.

Аэродром быстро построили, и стал в Алма-Ату курсировать ИЛ-18. Удобство, скорость оценили те,

кто летал, особенно, в Москву, в командировки. Позже стали летать ТУ-104. Полеты на этом самолете восхитили пассажиров за удобство и комфорт.

А наш речной флот, тогда он был только для местных грузов и пассажиров, по Иртышу, Бухтарме, Аралу, Каспию. В период навигации флот был незаменим. Начальник Станков план выполнял и перевыполнял.

АВТОМОБИЛЬНЫЕ ДОРОГИ

Главное управление по строительству шоссейных дорог республики подчинялось Совету Министров Казахской ССР. Начальником был в то время Шведенко, первым заместителем Гончаров Л.Б. Они оба были с большим опытом работы, энтузиасты дорожного строительства, проделывали большой объем работы. В результате улучшилось состояние местных дорог, увеличились расстояния республиканских и союзного значения дорог. Были построены дороги от Алматы до Фрунзе (Бишкек), до Ташкента, до Нарынкола и др.

Шведенко отозвала Москва. На его место назначили Гончарова Леонида Борисовича. Позже создали министерство строительства автомобильных дорог (Минавтодор) вместо Гушоссдора. У Минавтодора появились бюджетные ассигнования для большого строительства республиканских, межобластных, внутриобластных автодорог. Широкий размах получило строительство дорог между совхозами, колхозами. Строительство дорог сопровождалось его благоустройством, озеленением.

Для озеленения раньше посадочно-рассадочный материал завозили из других республик, особенно из Узбекистана. Была уже построена тысячекилометровая автомобильная дорога до Ташкента. По ней привозились ягодники – смородина, деревья: клен, карагач, тополь и другие и высаживались по обе стороны дорог, особенно в семипалатинской области и др.

Эта идея впервые возникла, когда в семипалатинской области появились массовые случаи заболевания белокровием людей. По заключению республиканской комиссии, которая обследовала причины столь массового заболевания лейкемией в этой области, правительство распорядилось в области развивать лесное хозяйство, ягодники и принять другие меры. Стало ясно, что заболевания были результатом многочисленных ядерных взрывов в этой области.

Для того, чтобы все время не быть зависимым от Ташкента, надо было иметь свое зеленое хозяйство. Для этого у нас не было соответствующих возможностей, ни земли, ни средств. Я тогда Гончарову пошла навстречу – выделила несколько гектаров пригородной колхозной земли и разрешила использовать ассигнования за счет оборотных средств самого министерства. Конечно, и то и другое было противозаконным. Другого выхода не было. С тех пор министерство заимело свой парк посадочно-рассадочных и цветочных материалов. Это оказалось выгодным и экономным.

Министр Гончаров Л.Б. был весьма энергичным и целеустремленным человеком. Он много сделал для Алма-Аты, для республики. Кстати, Мустафа Казыбеков был начальником Казтрансстрой. Они оба, Гончаров и Казыбеков, много работали, построили кроме автомобильных и железных дорог другие значимые объекты и сооружения, особенно в Алма-Ате. Это жилье, культурные комплексы, Дворец Республики, банно-оздоровительный комплекс «Арасан», Дворец пионеров, республиканская поликлиника с больничными отделениями, несколько позже республиканский Дом для ветеранов революции и труда (сейчас называется «Республиканский пансионат для ветеранов революции и труда «Ардагер»). И много других объектов.

За особые заслуги они оба были представлены на звание Героя Социалистического труда. Казыбеков получил Звезду Героя, а Гончаров не успел, к сожалению, рано ушел из жизни.

После работы в Совете Министров я стала работать в Алма-Атинском облисполкоме. Была членом бюро

областного комитета партии в этой области. Однажды на бюро рассмотрели вопрос о присвоении Гончарову Л.Б. звание Героя Социалистического Труда. Все члены бюро этот вопрос горячо поддержали, внесли на одобрение в ЦК партии. Для увековечения памяти Гончарова его имя присвоили республиканскому автодорожному институту и другим объектам.

КАНАЛ ИРТЫШ-КАРАГАНДА, БУХТАРМИНСКАЯ ГЭС

Однажды, Каныш Имантаевич Сатпаев, президент Академии наук Казахстана, пригласил меня участвовать на совещании по поводу строительства канала Иртыш-Караганда. Когда я пришла, у Канеке сидели несколько человек, среди них я узнала только одного Ш.Чокина. Каныш-ага показав на карте-схеме трассу строительства будущего канала Иртыш-Караганда, сделал экскурс по этому вопросу. Думается, это он сообщил для меня, поскольку знал, что я не в курсе вопроса, ибо это был не мой участок работы, а все присутствующие товарищи, видно было, давно занимаются проектом канала.

Трасса канала должна была пройти по сложным рельефам местности Сары-Арка. Только для подъема воды необходимо было строить двадцать шесть насосных установок, станций, таким образом, вода в канале будет наполняться многоступенчато. Канал должен был служить для промышленности и сельского хозяйства. Сметная стоимость строительства канала дорогая, чуть ли около двух миллиардов рублей.

Вот все, что я усвоила с этого совещания. Потом, будучи уже в командировке в Павлодарской области по вопросам социального обеспечения, я специально съездила в Калкаман на место, где берет начало канал Иртыш-Караганда.

По приходу в Совмин стала заниматься вопросами очистки, переноса хозяйств с зоны затопления будущего

Бухтарминского моря. Эта сложная работа была начата за два года до моего прихода в Совет Министров, продолжать эту многотрудную работу пришлось мне. Председатель Совмина Кунаев Димаш Ахмедович специально мне поручил, чтобы я выяснила положение вещей смотрела с выездом на место.

Первый раз прилетела на самолете ИЛ-11 (самолет председателя Совмина). Меня встретили председатель совнархоза Симаков Николай Михайлович, зампред облисполкома, разместили в гостинице «Алтай». Обговорили программу пребывания, затем поехали на место, в резиденцию начальника строительства ГЭС на берегу реки Бухтармы. Осмотрели все подготовительные работы, связанные со строительством собственно ГЭС.

Начало работ по ГЭС зависело от республики, как мы сумеем, как говорится, «унести ноги», т.е. очистим зону затопления своевременно. Проехав по будущему дну моря, мы убедились, как еще много предстоит работать заинтересованным министерствам, ведомствам, хотя они и так напряженно работали. Там, в зоне затопления имелись 28 колхозов, совхозов, рыбохозяйств и другие объекты.

Все эти работы по переносу с зоны затопления координировали республиканские ведомства, Восточно-Казахстанский совнархоз и облисполком. Задача стояла так: перенести все хозяйства за пределы – контуры затопления будущим морем. Провести санитарную обработку мест ранее дислокации хозяйств, вплоть до мест захоронения людей – могильников. Причем, последняя обработка должна быть за шесть месяцев до начала затопления. В общем, везде надо было соблюдать предписанные сроки.

Основной строитель ГЭС, начальник строительства Инюшин – Герой Социалистического труда, после завершения строительства в России какой-то ГЭС со своими людьми переехал на Бухтарму и начал тоже по всему фронту все подготовительные работы. Известный строитель гидроэлектростанции, мне сказали, что он как кочевник, после завершения строительства одной ГЭС, немедля переходит строить другую ГЭС.

До встречи с Инюшиным, председатель Восточного совнархоза Симаков Николай Михайлович, тоже

многоопытный руководитель, раньше долгие годы проработал директором Чимкентского свинцового завода, а до этого еще на ряде хозяйств цветной металлургии на руководящей работе, меня ввел в курс дела по переносу объектов с зоны будущего затопления.

Когда приехали к Инюшину на Бухтарму, то он, в основном, тоже мне рассказывал о ходе подготовки к строительству ГЭС, о возникших проблемах, связанных с отдельными ведомствами, что надо скоро их разрешить. Также обговорил все бытовые вопросы, касающиеся строителей, начиная с жилплощади, и много других.

По приезду домой в Алма-Ату, обо всем виденном, о своих впечатлениях подробно рассказала на Президиуме Совета Министров, куда были приглашены все заинтересованные ведомства. Ряд вопросов касался для принятия мер Министра сельского хозяйства Рогинца Михаила Георгиевича, Казсельхозтехники – Забежанского Натана Хаимовича.

Получалось так, что мне потом часто приходилось летать в Усть-Каменогорск по вопросам зоны затопления и заодно по вопросам о ходе строительства строящихся промышленных объектов в области. Димаш Ахмедович поручил посмотреть заканчивающийся титаномагниевый комбинат, конденсаторный завод или же начинающийся строиться на Барашках химико-металлургический завод. В следующий приезд в Усть-Каменогорск я уже держала в своих руках титановый порошок, титановый лист, уже пробно начали их выпускать. В такой продукции в то время весьма нуждалась ракетно-космическая техника и другие.

Через несколько лет, уже не работая в Совмине, мне удалось посмотреть на выпуск магния на химико-металлургическом заводе. Кстати, здесь весь цикл процесса производства закрытый. Еще позже, в годы, когда работала в облисполкоме, слышала, что в выпуске магния, к сожалению, отпала необходимость, так как все, в основном, зависело от заказов военных ведомств, от перспектив его потребления.

Видимо, все это было связано с уничтожением имеющихся ракет и другой военной техники. Помнится, когда я была на пенсии, в восьмидесятые годы вместо производства новых ракет их уничтожали, имеющихся

в наличии. В уничтожении их нам помогала Америка в Сарыозекских степях. Об этом рассказывали наши коллеги, которые были свидетелями на местах уничтожения этой техники.

Было уже начало осени, в Восточном Казахстане полностью убрали урожай. Правда, все еще стояли хорошие теплые солнечные дни, дождей не было. Я решила поехать на места, куда перевели хозяйства с мест затопления, это колхозы, совхозы, их усадьбы, центры. В основном, успели обустроиться на новых землях, отведенных для этого. Хозяйства работали в необходимом темпе.

В тот год на Востоке урожай был отменный, на дорогах, где возили хлеб, видно было много высыпанного зерна. Это было видно по пасущимся птицам, их было много, они не боялись рокота идущей машины, при приближении машины они не собирались улетать. Много было птиц крупных, похожих на обычных кур. Я их видела впервые, спросила Николая Михайловича, что это за птицы. Оказалось, это «косачи», их так называли в народе.

Подъехав близко, машину там приостановили, и Николай Михайлович с ружья дал выстрел по сидящим на дороге птицам. Часть успела улететь, но на дороге остались двенадцать штук. Подобрали, получился полный мешок. По приезду в город этих косачей сдали на кухню ресторана «Алтай» при гостинице, с тем, чтобы мне с них готовили обеды. Вот такая забавная была история с косачами.

В тот раз не переведенным на новое место остался только рыбзавод, поскольку на Тополев-мысе не все еще было готово для обустройства. Но обещали, назвали срок, когда завод переведут. Местность Тополев-мыс на Бухтарме, она несколько ближе к Зайсану.

В облисполкоме, в Совнархозе и в Совете Министров окончательно были обговорены и решены вопросы, чем занять население будущего города Серебрянск, каким видом производства, сколько народу будет занято на том или другом производственном предприятии местной промышленности, городского хозяйства или на предприятиях военных ведомств. Все было предварительно подсчитано, примерный ориентир был более или менее ясным.

После окончания строительства ГЭС, многие из строителей останутся жить здесь, да еще местное население, разнорабочие. Этими вопросами ЦК и Совмин еще давно занимались, имелся определенный план на этот счет совместно с республиканскими ведомствами. Результаты налицо, на карте появился еще один город, вполне благоустроенный, с населением, занятым производством определенных видов продукции, даже продукцией для оборонной промышленности.

Все мероприятия, касающиеся Бухтарминской ГЭС, были выполнены своевременно. Запущен был первый агрегат электростанции, в последующие годы постепенно прибавлялись следующие агрегаты. Строители перешли потом строить Капчагайскую гидроэлектростанцию на реке Или во главе с Инюшиным.

ОКТЯБРЬСКАЯ СЕССИЯ 1959 ГОДА

По рассмотрению и утверждению бюджета СССР на 1960 год, на первый год семилетки на сессии Верховного Совета СССР, которая должна была состояться к концу октября 1959 года, руководство республики – Беляев и Кунаев поручили выступить мне на сессии, как депутату СССР от Казахстана. Этому доверию мне я сильно обрадовалась и начала подготовку к такому ответственному делу.

Подключились наши отделы, отделы ЦК, Статистическое управление при Совете Министров во главе с Увашевым Талапом. Проект выступления уже был подготовлен, оставалось, чтобы руководство его одобрило. Были только некоторые замечания со стороны Председателя Президиума Верховного Совета Ташенева Жумабека Ахметовича в стилистическом порядке, и проект моего выступления на сессии был в целом одобрен.

Сессия собралась 25 октября 1959 года в Большом Кремлевском Дворце, на ней с докладом о проекте народнохозяйственного плана и государственного бюджета на 1960 год выступил Председатель Совета Министров

СССР, на завтра на раздельных заседаниях палат Совета Союза и Совета национальностей выступил с содокладом председатель бюджетной комиссии. Также на сессии особое внимание уделялось исполнению государственного бюджета за 1958 год.

На заседании палаты Совета Союза мне предоставили слово после РСФСР и Украины, третьей. Как правило, для выступления в прениях, обсуждениях по основному вопросу давалось времени 20 минут.

В своем выступлении изложила о наших успехах в народном хозяйстве, что республика занимала одно из ведущих мест в экономике СССР по производству угля, свинца, цинка и черновой меди. Заново были созданы такие отрасли промышленности как химическая, машиностроение, цементная, строительная индустрия и другие.

«...Республика досрочно выполнила десятимесячный план 1959 года по выпуску валовой продукции. За истекший период на 20 октября т.г. республика сдала государству 591,6 тонн мяса, что в два с лишним раза больше, чем за девять месяцев 1958 года. Засыпано в закрома государства свыше 685 млн. пудов хлеба, продажа хлеба государству продолжается. В республике большой размах получило капитальное строительство. Скоро вступит в строй первая мощная домна Карагандинского металлургического комбината.

Форсированными темпами будет строиться гигант медной промышленности страны – Большой Жезказган, крупнейший в стране Соколовско-Сарбайский комбинат дополнительно даст для черной металлургии 1,5 млн. тонн железной руды, кабельная продукция, электротехническая изделия.

В целях концентрации капитальных вложений и предупреждения возможных случаев распыления средств, правительство республики пересмотрело титульные списки строек сметной стоимостью свыше 5 млн. рублей. Все стройки, не имеющие технической документации, и объекты, начало строительства которых могло быть перенесено на 1960 год, из плана исключены.

Однако, несмотря на возросшее освоение капитальных вложений, и принимаемых мер к улучшению организаций строительства, план капитальных работ все еще не

выполнялся. Основной причиной этого являлась недостаточная мощность строительных организаций их производственной базы.

За последние годы союзное правительство оказывает нашей республике большую помощь машинами, механизмами и транспортными средствами. Однако для выполнения огромных задач в области капитального строительства необходимо помочь пополнить строительные организации башенными кранами грузоподъемностью более пяти тонн и землеройной техникой.

Казахская республика по своей территории является одной из крупнейших республик, вернее, после РСФСР. Значительная часть строек удалена от линий дорог, особенно во вновь созданных совхозах от автомобильных дорог, а если учесть климатические условия северо-восточных областей и центральной части Казахстана, то будет видно, что обеспечение этих строек основными строительными материалами в большой период времени года затруднено из-за бездорожья. Учитывая эти специфические условия Казахстана, мы просим Госплан СССР увеличить нам фонды на дорожное строительство.

Парк автомобилей общего пользования насчитывает несколько десятков тысяч машин. Из них в 1959 году свыше 25 процентов не было обеспечено капитальным ремонтом из-за отсутствия ремонтно-технической базы. Особенно плохо организован ремонт большегрузных машин — самосвалов, из которых более 50 процентов простаивает в ожидании капитального ремонта. Ясно, без запасных частей к машинам и тракторам слово «капитальный ремонт», это пустое слово. Надо заметить, что в 1958 году наша потребность в запасных частях была удовлетворена в пределах до 10 процентов.

Для ликвидации отставания в производстве запасных частей к автомобилям и тракторам по семилетнему плану предусматривается создание в республике 27 предприятий, в Караганде должен быть построен завод по производству деталей из стального литья мощностью 200,0 тыс. тонн в год. Мы просим Госплан выделение минимальных капитальных вложений с соответствующим оборудованием для этих заводов.

... Для быстрого подъема тяжелых отраслей народного хозяйства республики большое значение имеет создание постоянной энергетической базы, такой базой на северо-востоке республики является Ермаковская ГРЭС, проектное задание по которой утверждено Советом Министров Казахской ССР в сентябре текущего года. Эта ГРЭС будет иметь стоимость электроэнергии 3,2 копейки за киловатт/час. Ввод ее в действие обеспечит потребности в электроэнергии промышленность транспорта, сельского хозяйства и быта Восточно-Казахстанской, Павлодарской и Семипалатинской областей, а в дальнейшем – Акмолинской и Карагандинской областей... Необходимо Госплану СССР пересмотреть сроки начала строительства этой электростанции и выделить средства на подготовительные работы и собственное строительство ГРЭС в 1960 году.

Не менее важное значение имеет Капчагайская ГЭС на реке Или. Ее строительство обойдется дешевле, себестоимость электроэнергии этой ГЭС будет составлять 0,93 копейки за кВт/ч.

Мы просим Госплан СССР рассмотреть вопрос о начале строительства Капчагайской ГЭС и изыскать средства в 1960 году...»

По всем нашим постановочным вопросам на сессии после ее окончания меня пригласили в Госплан, в его отделы, и мне пришлось дать необходимые разъяснения по нашим постановочным вопросам по плану и бюджету. В конечном результате республика получила все, что мы просили на сессии. Правда, не все в свой срок на какой год мы просили. Например, Капчагайскую ГЭС Министр строительства ГЭС СССР Новиков Игнатий Трофимович разрешил только по истечении четырех лет.

Кстати, текст моего выступления на сессии имеется в президентском архиве республики (АПРК, фонд 36 опись 1), в числе материалов на мое имя бюллетень № 2 Совета Союза за 1959 год (стенографический отчет).

ПОЕЗДКА В ГРЕЦИЮ ПАРЛАМЕНТСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ СССР

В апреле 1960 года из Москвы позвонили, что мне предстоит поездка в Грецию в составе делегации межпарламентской группы СССР, где состоится сессия по подготовке материалов 49 конференции межпарламентского союза, которая должна была состояться в Токио с 29 сентября по 7 октября.

Конечно, я такому сообщению сильно обрадовалась. Кто не мечтал побывать на этой сказочной древней земле. Все увидеть своими глазами, слышать предания о ее пятидесяти вековой истории. Немедля стала готовиться к поездке, читать о Греции, тренировать свой слабый английский язык, которому нас студентов горняков неплохо учила бывшая княжна Голицина-Денисова, приятная пожилая дама, в течении четырех лет.

К указанному сроку приехала в Москву. В Кремле нас собрали у секретаря ЦК КПСС товарища Куусинен Отто Вильгельмовича. Он, как председатель комиссии по межпарламентским делам, ознакомил нас с составом делегации и представил руководителя поездки. Им был Палецкис Юстас Игнович – председатель Президиума Верховного Совета Литвы, поэт. В составе делегации 12 человек депутатов Верховного Совета СССР. Это были: Горкин А.Ф.- председатель Верховного суда СССР, Чануквадзе – секретарь ЦК Компартии Грузии, Лебедева З.А. – директор центрального института туберкулеза, Кривонос – знатный железнодорожник, Герой социалистического труда, Марина – переводчица с греческого и других.

Нас ознакомили с программой работы подготовительной сессии с 17 по 26 апреля 1960 года. 16 апреля из московского аэропорта Домодедово мы вылетели через Варшаву на бельгийском самолете в Вену. В Вене были три часа. С работником советского посольства осмотрели город. По дороге в Вену из аэропорта остановились у городского кладбища. Здесь покоились более двух миллионов человек, а население Вены составляло 1,3 миллиона.

Погода была весенняя. У сирени набухли почки, в газонах были высажены цветы. Ездили по городу. Смотрели ратушу, дворец короля Шеннбрун. Здесь во дворе есть большая площадь с огромным фонтаном. Некогда, во времена Иоганна Штрауса вокруг фонтана городская элита танцевала большой вальс. Это мы видели в фильме «Большой вальс». Нам показали двухэтажный дом, с балкона которого на всю улицу играл Иоганн Штраус свои вальсы. С этого же балкона Адольф Гитлер во время войны произносил свою речь для «Гитлерюгенд».

Мы были в городском парке. Это был большой красивый парк, на одной стороне которого находилась высокая, метра четыре, панорама с приказом Сталина. В приказе было сказано, что город Вену надо освобождать без огня, без выстрела, что, и было сделано Красной Армией. Жители Вены любят это место. На противоположной стороне парка большая архитектурная композиция из белого и черного мрамора, где изображены амуры, а в середине из черного мрамора во весь рост со скрипкой в руках скульптура Иоганна Штрауса. Мы были в венском лесу. Знаменитый венский театр осмотрели снаружи. Из Вены мы вылетели в 18,30

В 21,30 прибыли в Афины. Здесь шел дождь. В аэропорту встречали депутаты греческого парламента, работники советского посольства с семьями. Устроились в новой гостинице «Астория» с красивой архитектурой.

Первые два дня сессии были отведены для участников знакомству с городом, его достопримечательностями. Мы поехали знакомиться с Афинами.

Афины основаны в XX веке до н.э. Город назван в честь греческой богини Афины. Построен из белого, серого, цветного мрамора, также из белого известняка. Тротуары и прогулочные дорожки были посыпаны белой мраморной крошкой, похожей на рисовые зерна. Осмотрели все знаменитые памятники древней Греции и нынешней. Храм Зевса Олимпийского, театр Диониса, библиотеку Адриана и множество музеев: музей Акрополя, музей археологии – национальный музей, храм Аполлона, церковь святых Апостолов и многое другое.

Как гласит история Греции, в V веке до н.э. на Грецию

обрушились испытания многолетней войны с персами. Они захватили Акрополь, сожгли все храмы. Но после освобождения от персов, и их разгрома наступает период наивысшего расцвета Афинского государства. Во главе его стоял Перикл. Время его правления 444-425 годы по праву считается «золотым веком» Афин. Богатейшая добыча после победы над персами позволили осуществить широкую программу строительства в Афинах.

Был создан потрясающий ансамбль Акрополя. Во главе стоял великий скульптор, друг Перикла Фидий, создавший две статуи Афины – воительницы и девы. Целая плеяда архитекторов и скульпторов воздвигла памятники, ставших лучшими образцами классической греческой архитектуры: храм Парфенон, легкий изящный храм Афины-Ники, торжественный и парадный храм Пропилеи и Эрихтион, второй по величине храм Афинского Акрополя. Афинский Акрополь в полной мере выражал величие города.

Демосфен о произведениях эпохи Перикла высказывался так: «Они так великолепны и грандиозны, что ни одному потомку не представляется возможным превзойти их».

В свободные часы от работы сессии смогли посмотреть современную архитектуру Афин. Это Византийский музей, снаружи посмотрели на университет, Академию наук, старый Дворец Парламента, могилу неизвестного солдата, стадион, памятник Байрону и другие.

Специально поехали смотреть большой порт в Пирее, городе спутнике. Там видели суда со всего мира, стоящие под погрузкой-разгрузкой грузов и пассажиров. Смотрели величественные мраморные колонны храма царя Эгея. Эгей – царь Афин. Он же отец Тесея, героя, совершившего много подвигов, очистившего, подобно Гераклу, от чудовищ и разбойников родную землю. Тесей стал царем после отца.

Когда Тесей возвращался с острова Крит после победы над врагом, он забыл условие, заключенное с отцом перед отплытием на войну и не поднял на корабле белых парусов в знак благополучного исхода войны. Эгей, видя издали черные паруса корабля, решив, что его сын погиб, бросился в море. Море было названо в его честь Эгейским.

В бытность царя Эгея был построен величественный храм. От храма остались красивые колоннады работы

великих скульпторов и архитекторов. Храмам более двух с половиной тысяч лет.

На одной из мраморных колонн храма Эгея мы увидели чью то выточенную роспись. Гид сказал, что это роспись Байрона, когда тот путешествовал по Греции.

Кстати, будучи в Швейцарии в 1968 году в городе Монтре на берегу Женевского озера, я была в Шильонском замке. Замок корпусом входит в воду. В подземелье замка тюрьма. В этой тюрьме находится столб, который как бы подпирает потолок. У столба держали на цепи за ногу безвинного Боливара, известного из истории Швейцарии. На столбе также вырезана надпись «Байрон». Впоследствии он написал поэму «Шильонский узник». Вот так дважды побывала по следам великого поэта Англии лорда Байрона.

В один из дней нас пригласили на праздник пасхи на виллу грека, владельца марганцевых рудников. Он поставлял марганец в СССР. Его вилла на Сунионском мысе, который последним полуостровом входит в Эгейское море. С окна его виллы виден берег моря. Он познакомил нас с женой, детьми и внуками. Показал весь дом, хозяйство. В гараже находились машины разных марок разных лет выпуска, в том числе машина, в которой он ездил 30 лет, он говорил о ней с гордостью.

На Пасху жарили на вертеле на углях целую тушу барашка. На этом же вертеле рядом с барашком жарилась большая бобина из внутренностей барана. Хозяин был разговорчивый, простой, доброжелательный. Говорил немного по-русски. Он нас пригласил в дом на застолье. Меню было отменным. Я, впервые, познакомилась с греческой кухней. За столом дружески беседовали. Он знал о нашем Жездинском марганце. Досконально зная это производство, добычу марганцевой руды, историю его создания у нас, рассказала об этом греку и произвела на него впечатление. Он спросил, куда мы эту руду деваем. Я ответила, что поставляем по-прежнему на Магнитогорский металлургический комбинат и другим потребителям.

Кстати, об истории марганца у нас в стране. Известно, что в начале войны броня наших танков не выдерживала натиск огня немецких танков. Все месторождения марганца были заняты немцами.

Сталин позвонил первому секретарю ЦК партии Казахстана Скворцову о необходимости добычи марганца и просил поискать. После звонка Сталина Скворцов переговорил с Сатпаевым К.И.

Каныш Имантаевич, еще, будучи студентом Томского университета, был на практике в местности Жезды, производил бурение на руды, сохранил там керн, т.е. срез земной коры, оставшийся после бурения. Там был богатый марганец. Сатпаев вспомнил об этом и срочно приехал на место, нашел этот керн. Марганец у нас лежал почти на поверхности. Это стало сенсацией. Я помню, отец говорил нам, что с Карсакпая самых лучших рабочих стали приглашать в Жезды на хорошие заработки. После звонка Сталина через два месяца Магнитогорский металлургический комбинат стал получать жездинский марганец. Этим самым корпуса наших танков стали мощными и смогли отражать атаки немецких танков.

От хозяина дома мы узнали о строительстве храма царя Эгея, который находился в древности прямо на этом мысе, где стояла его вилла. От храма остались только величественные колонны.

Так же услышали историю возникновения Троянской войны. При этом он засмеялся, говоря, что это, судя по преданию, было очень просто. Причиной возникновения было похищение Елены, супруги царя Менелая сыном троянского царя Приама. Глубоко оскорбленный царь призвал на помощь много царей и воителей. Среди них прославленные воины Диомед, Одиссей и другие.

Об истории, написал в стихах Гомер, слепой поэт, он же и сказитель. Этому было более двух с половиной тысяч лет. Он создал свои поэмы – «Илиада» и «Одиссея». Следы этой войны можно было видеть и сейчас. Мы поблагодарили хозяина за радушный прием и весьма полезную историю и тепло попрощались.

Потом состоялась экскурсия по гомеровским местам, где их воспел поэт. Оказывается, эти места царств Трои и Микен исчезли с лица земли с памяти людей за 2,5 тысячи лет. Потом трудно было самой Греции восстановить эту историю, считавшейся легендой.

Но в 1850 году любителем-археологом, путешественником Генрихом Шлиманом, руководствуясь сказаниями Гомера в «Илиаде», после многих поисков, неудач наконец он в результате раскопок нашел бесценный клад царя Трои Приама. Дальше больше – он своими неутомимыми раскопками открыл Микенское царство. Благодаря своему многолетнему труду и безграничному доверию Гомеру, ориентируясь на поэмы «Илиада» и «Одиссея» своим открытием Генрих Шлиман, немец, положил начало к изучению учеными истории Греции, так называемого Трояно-Микенского периода.

Микены построены более 40 веков назад, с тех пор царства исчезли, сравнялись с землей. Мы заходили внутрь, глазам не поверить, колоссальный дворец не разрушен. Воздвигнут на высоту 30 метров, сводообразной конфигурации. Стены сложены из крупных гранитных блоков весом 10-30-110 тонн каждый.

Я лично здесь задумалась: «Каким это образом эти громады-блоки поднимались, как возводились стены?». Эти стены наверху сводились к одной точке. Все поразительно, но факт на лицо. Главное, без единой техники все великолепно построено. На мой недоуменный вопрос наш гид своим ответом пролил свет. Он сказал, что эта кладка делалась рычажным способом рабами. То есть в поднятую сторону блока подкладывали каменные глыбы и землю. Дальше поднимали следующую сторону блока и т.д. Этим способом рабы в античной Греции все строили, воздвигали. Мы все это видели во время пребывания.

У входа в Микены над дверным окладом стоят во весь рост один против другого два крупных льва, высеченных из гранита. Они производят впечатление настоящих живых зверей, охраняющих богатство царя и «циклопов». На левой стороне к входу в царство стоит столб, на котором написано «Микены раскопками открыл любитель-археолог Генрих Шлиман в 1850 году». Кстати, с именем великого путешественника, любителя археологии я встретилась затем в другой стране, в Уганде, бывшей первой колонии Англии в Африке.

19 апреля 1960 года в здании греческого парламента торжественно открылась сессия. Выступил с приветствием

Председатель греческого парламента и председатель греческой группы парламентского союза Родопулос.

В послеобеденное время выступил вице-председатель греческого правительства Канелепулос. После него выступили представитель генерального секретаря ООН Ставропулос и председатель межпарламентского совета Сатурнино Брага. Все выступавшие приветствовали участников парламентариев стран, пожелали успехов в работе сессии. Потом перешли на организационные вопросы сессии. В повестке дня работы сессии были следующие вопросы, комиссии:

1. Комиссия по политическим и организационным вопросам.
2. Комиссия по финансовым и экономическим вопросам.
3. Комиссия по сокращению вооружений.
4. Комиссия по социальным и гуманитарным вопросам.
5. Комиссия по юридическим вопросам.

В день работали по две комиссии. Утреннее заседание и послеобеденное. Время работы каждой комиссии в день в сумме занимало 4 – 5 часов, кроме времени на завтрак и обед.

На сессии выступил председатель Верховного суда СССР Горкин Алексей Федорович. Здесь он являлся заместителем Председателя комиссии по юридическим вопросам. Он выступал с большой речью на французском языке. Говорил о детской преступности, что делает правительство по этому вопросу, об ответственности родителей, школы, о роли пионерской и комсомольской организаций.

Потом слово было предоставлено мне. Я практически продолжила речь Горкина, несколько расширив ее. Рассказала о социальном и материальном положении нашего народа. О том, что бывшая окраина России, Казахстан в экономике и культурном росте достиг достаточно высокой ступени, о взлетающих с его территории спутниках и многом другом. Старалась рассказать о Казахстане подробно. Большинство делегатов из зарубежных стран мало, что о нас знали. Правда, они говорили что-то об Узбекистане, о Ташкенте вот и все.

Даже дома во время защиты плана-бюджета в Москве, в Минфине, Госплане СССР по отдельным вопросам я замечала, что не все наши товарищи имели представление о Казахстане. Обычно в ожидании своей очереди, перед дверьми зала заседания Совета министров СССР некоторые задавали мне вопросы типа «Вы якутка?», «Из Калмыкии?», «А где это Алма-Ата?», «Зачем вам столько автомобильных дорог?» и т.п. Подобные вопросы меня возмущали, трогали до глубины души. Я поражалась тупоумию этих ответственных граждан, наших же братьев россиян, ставила их на место, постыдив их за непосвященность, за незнание даже карты СССР.

Учитывая такие вещи, я специально подготавливала лекции о Казахстане для выступлений за рубежом и на всякий случай брала с собой, они мне пригодились, помогали и хорошо служили. В Грецию тоже брала материалы о Казахстане. Но здесь я заметила неплохую осведомленность греков о нас. Но на данном форуме не раз приходилось знакомить участников, депутатов парламентов стран, с Казахстаном.

Работа в комиссии занимала много времени в соответствии с утвержденной программой сессии. Это особенно комиссия №3,4,5.

Известно, начиная со второй половины пятидесятых годов и все шестидесятые в мире было очень тревожно, нервозно. Это был период «холодной войны». Бывшие союзники СССР во Второй мировой войне, которые долго открывали «второй фронт», Англия и Америка стали активно вооружаться. СССР не мог на это спокойно смотреть, тоже вооружался, не отставать же. Страны изобретали все лучшие виды военной техники. Межпарламентские комитеты стран мира по своему назначению и праву обязаны были следить за данной ситуацией.

По данным ЮНЕСКО в те годы в колониальных, так называемых неуправляемых территориях сильно выросли показатели по детской преступности и бродяжничеству. В докладе ЮНЕСКО по этим вопросам было отмечено, что состояние дел в СССР тоже неблагополучно, но по сравнению с другими европейскими странами подобные показатели у нас были значительно меньше.

Общеизвестно, что по решению ООН, впервые в 1961 году колониальные территории получили права на независимость, самостоятельность.

Однажды вечером я ждала своих подружек перед гостиницей Зинаиду Лебедеву и Марину. Ко мне подошел человек и спросил, являюсь ли я депутатом СССР. Ответила утвердительно. Тогда он из-за пазухи вынул стопку газет «Посев» и предложил взять их для ознакомления и сказал, что это русская газета, она издается во Франкфурте. Чтобы мы подсказали правительству, чтобы Верховный Совет подписался на эту газету. В это время подошли мои женщины, и мы отошли от назойливого незнакомца. На следующий день, когда мы утром выходили из гостиницы, опять подошел вчерашний с кем-то с тем же предложением. На этот раз кто-то из делегации зычным громким голосом сказал им, чтобы они отошли и больше не появлялись здесь.

Потом все-таки несколько номеров «Посева» оказались в наших номерах в гостинице. Пришлось поневоле ознакомиться с этой газетой, потом их и выбросили, не найдя в них ничего путного. Главу делегации об этом информировали. Он одобрил наши действия.

В эти дни мы еще раз побывали в Акрополе. Нас постоянно сопровождали женщины, жены высокопоставленных чиновников. Они с нами были очень дружественны, старались помочь, как могли. Многие по-русски говорили, но слабовато. Они нам рассказывали, давали пояснения, когда мы подходили к тому или иному памятнику.

По многочисленным контактам во время нашего пребывания мы поняли, что греки очень желали дружить с нашей страной, в том числе и с Казахстаном. Но чувствовалось, что народ не приветствовал правительство Карамоналиса, которое не пользовалось авторитетом. Он ждал момента, чтобы свергнуть реакционное правительство и установить взамен демократический режим. Активных борцов за демократию, Манолиса Глезоса и других заточили в тюрьмы на островах.

Для нас состоялась встреча с женой Манолиса Глезоса (ее звали Таней) и ее пятилетним сыном. Когда пришли

к ним домой и силой забирали отца, ребенок на нервной почве тяжело заболел. Его потом лечили в Москве, но он еще не совсем был здоров. Мать надеялась, что он выздоровеет.

Мы встретились с членами демократической партии Греции ЭДП. Эта встреча состоялась по просьбе греческих товарищей. В большой комнате было около пятидесяти человек, видимо их специально отобрали, пригласили. В основном, были женщины. На встрече мы были вдвоем с Лебедевой Зинаидой Александровной. Рассказали о своих республиках, о положении женщин, их правах, роли в обществе. Слушали нас внимательно. У некоторых женщин были слезы на глазах. У многих из них мужья сидели в тюрьмах. Было много вопросов и ответов. В конце мы пожелали им удачи в их благородных действиях.

Когда мы уходили, никто из них не смог нас проводить на улицу, ибо внизу их могли схватить и отправить в тюрьму. Наша встреча проходила на восьмом этаже здания ЭДП. В это время с улицы и до восьмого этажа здания нас охраняли члены партии. Это было время «черных полковников», период большой политической реакции, после фашистской оккупации их страны.

По просьбе представителей общества греко-советской дружбы однажды вечером мы с Лебедевой вдвоем посетили их собрание, где я сделала доклад о нашей республике. Многие впервые слышали о Казахстане, об успехах в экономике, культуре, от удивления, как говорится, «делали большие глаза». Они задавали мне много вопросов. В конце благодарили за интересную информацию. Зинаида Александровна, она директор Центрального туберкулезного института, тоже рассказала о состоянии и лечении этого тяжелого заболевания в СССР. Оказалось, что в Греции тоже было много туберкулезных больных.

Как-то, с утра в 8.30 собрались у председателя делегации товарища Палецкиса, узнали о программе сегодняшнего дня. В 10 часов пошли на заседание комиссии по самонеуправляемым территориям. Председатель комиссии американка сделала большой доклад, затем по докладу были высказывания представителей 16 стран.

После мы пошли в посольство и оттуда по городу.

Ездили на городской рынок, очень большой и шумный. Здесь было много рыбы и мяса. Они стоили 23-30 драхм за кило, что считалось недорогим. Обилие овощей, фруктов и цитрусовых. На наш вопрос, откуда столько цитрусовых, ответили, что с Пелопоннеса. Земля Греции – земля красно-солнечного рыжего цвета, горы, камни, частично, степи. Частенько попадаются виноградные поля, оливковые деревья. Оливковые деревья – греческие долгожители. На базаре было много мест, где торговали оливковым маслом. Сопровождавшие нас дамы говорили, что в Греции мало болеют печенью, потому что используют оливковое масло.

В сорока километрах от Афин есть деревня Мегара. Здесь ежегодно 18 апреля девушки и парни в национальных костюмах танцуют. Легенда говорит, якобы здесь в период турецкого господства более четырехсот лет христиане хотели построить церковь. Турки вешали всех, кто осмеливался строить или же пытался что-то делать по строительству церкви. Однажды турки поставили условие: если христиане за один день построят церковь, то ее разрушать не будут, и стороны на этом согласились. Тогда девушки собрались в хоровод, стали под видом танцев подносить камни, другие строительные материалы, а мужчины строить. С тех пор на этом месте ежегодно танцуют, их танцы нам понравились.

Затем нас пригласили на знаменитую табачную фабрику, гордость Греции. Фабрика в месяц выпускала 56 миллионов пачек сигарет. Это 12 сортов сигарет отменного качества. Фабрика самая крупная в Греции, да и в Европе. Нам показали производственный процесс по технологической цепочке, производство почти полностью механизировано. Применялся, в основном, женский труд. Это выгоднее. Мужчин ставили туда, где, в основном, ручной труд. Оборудование получали из Швейцарии, Чехословакии и Америки. У рабочих неплохой заработок, от 300 до 1300 драхм, они этим гордились. На прощание они поблагодарили членов делегации за посещение их фабрики и подарили по пачке сигарет.

До позднего вечера мы были заняты на всевозможных фуршетах, приемах, у господ разного уровня. Эти приемы

бывали даже днем до обеда и после, между заседаниями комиссии, в перерывах. В этих промежутках сессии мы успевали осмотреть памятники Древней Греции, знакомиться с достопримечательностями в Афинах и других городах.

Мы между заседаниями продолжали знакомство с Грецией. Выезжали на южную часть Аппенинского полуострова, в Пелопоннес, через коринфский канал длиной 6,5 км, который соединяет Средиземное море с Адриатическим. В Коринфе мы посетили местность Диаманта, греки ее называют «греческой Калифорнией». Здесь росли все цитрусовые: лимоны, апельсины и другие, весьма урожайные сорта. С гектара снимали 40 тонн, тогда как в Америке, в Калифорнии эти цитрусовые давали в те годы 25-30 тонн.

В одном ресторане нам давали греческий рис, длиной с фасоль. Я не поверила, что это рис, мне он показался кусочком макарон. Вообще в Греции самый лучший крупный рис, отменный табак, цитрусы и хлопок длинноволокнистый.

Мы были в Эпидавре. Это место было посвящено Эскулапу, сыну Аполлона. Когда Эскулап стал юношей, он мог лечить чудодейственно. К Эскулапу стали стекаться больные со всей Греции, Италии, Турции и других стран. Чтобы занять больных до их лечения, был построен амфитеатр вместимостью 14-16 тысяч мест. Он весь из белого мрамора, полукруглой конфигурации, уму непостижимой отличной чистой акустикой. Мы сидели на 16 ряду. Внизу на арене, когда зажигали спичку, то нам было слышно довольно отчетливо чирканье спичкой. Театр построен в 350 году до н.э., он действовал на тот момент, принося удовольствие грекам и иностранцам, действует и сейчас.

Были в музее г. Эпидавра. Там представлены самые лучшие творения архитекторов и скульпторов древней Греции – прекрасные ионические и дорические колонны, порталы, карнизы.

Греки нам говорили, что у них есть прошлое, а настоящее и будущее еще будет лучше. Мы с ними были согласны. Пусть у этого умного героического народа прошлое скорее воплотится в прекрасное настоящее.

ВСТРЕЧА С МАРГАРЕТ ТЭТЧЕР

Как-то утром после завтрака глава нашей делегации Палецкис Ю.И. сказал: «В 12 часов наша делегация дает прием во время завтрака английской парламентской делегации. Их будет 5 человек и среди них одна женщина и нас пять человек, и Вы будете тоже одна от нас. Я знаю, что Вы спиртное не пьете. Это мне известно еще с Польши, когда мы с Вами были на 48 конференции межпарламентского союза. Прошу поддержать на приеме и выпить в первый наш тост рюмку водки, а остальные тосты ребята отрегулируют, не беспокойтесь».

Ровно в 12 часов гости прибыли в гостиницу, где мы жили. После знакомства все расселись. Действительно среди гостей была женщина примерно моих лет, симпатичная и общительная. Гости и мы расселись по протоколу, с одной стороны стола они, с другой мы. Две женщины сели одна против другой. Смотрю, на столе закуски все наши с Союза, даже серебряная сервировка своя из дому, икра черная, красная, сервелаты и все другое из Москвы, даже хрустальные стопки.

Первый тост произнес Палецкис Ю.И., наш глава делегации, в честь гостей. Передо мной стопка с водкой. Все выпили, и я тоже. Смотрю, водка обжигает пищевод, но все проглотила. Следующий тост сказал глава наших гостей, потомственный лорд, очень пожилой человек, и тоже все выпили. Я с сомнением взяла свою стопку и тоже выпила. Оказалось, в моей стопке была вода. Кстати и до конца приема все было так, как условились с выпивкой. Про себя поблагодарила.

После двух тостов сидящей напротив нас женщине представили тост. Она уже выпила в сумме три раза, вся порозовела, оживилась, пока принесли горячее блюдо, мы с ней разговорились. Она меня спросила о том, какая у меня специальность. Я сказала, что я горный инженер (о должности зампреда Совмина не говорила). Сильно она этому удивилась, говоря «Mining ingeneering?». Тогда я задала ей этот же вопрос. Она ответила, что бизнесмен. Что

занимается производством клинкерных кирпичей (это для футеровки мартеновских печей) и дополнительно к этому производством строительных кирпичей. Сказала, что была избрана в Парламент впервые в прошлом году (1959).

Мы с ней разговорились о детях, о мужьях. Она сказала, что у нее мальчик и девочка, близнецы. Я обрадовалась и сказала, что у меня тоже мальчик и девочка, близнецы и еще мальчик. Она очень этому обрадовалась. Потом говорили о мужьях. Когда я сказала, что мой муж был партизаном Белоруссии, то тоже это хорошо восприняла. К нам подбежал переводчик Борис, чтобы помочь. Но мы обошлись без него.

Моя гостья оказалась разговорчивой, активной, непосредственной. Тем временем все гости оживленно беседовали друг с другом. Моя гостья хорошо закусывала и выпивала все тосты. Наши закуски и питье, привезенное из Москвы, ей понравились. Я заметила, что во всех зарубежных поездках наши всегда экономили валюту. Все брали из Москвы, да и посольство помогало.

Главой делегации был очень пожилой человек. С ним были жена и двое мальчиков, возможно правнуки. Им лет было 8-10. Одеты были, как дэнди. Семья лорда его сопровождала на больших многолюдных торжественных приемах. Наша встреча с британцами прошла хорошо, и в дальнейшем пребывании в Греции отношения с ними были приятными.

Мы узнали, что эта дама была Маргарет Тэтчер. Тогда мы бы и не подумали, что она станет премьер-министром Великобритании. Я за нее потом искренне обрадовалась, узнав, что она стала премьером.

Наше пребывание в Греции подходило к концу. Задачу мы выполнили успешно и выехали на родину. По дороге из Афин остановились в Вене ночевать в ожидании следующего самолета. Съездили в Венский лес, собор Святого Стефана, резиденцию Марии Терезы и т.д. Потом съездили в наше посольство. Нас там радушно приняли. Утром вылетели через Киев в Москву.

КАЗАХСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ОНКОЛОГИИ

При периодическом перераспределении обязанностей между членами Президиума, в том числе между заместителями Председателя Совета Министров республики, мне дополнительно к прежним моим обязанностям поручили курировать еще два ведомства. Это Министерство здравоохранения и министерство социального обеспечения. Можно сказать, что с функциями социального обеспечения я, примерно, ориентировалась еще с Караганды, когда принимала у себя избирателей, здравоохранения, в какой-то мере, но более конкретно, когда столкнулась с болезнями и лечением моего супруга Галыма Омарова и других моих родственников, также из числа избирателей, кто с просьбами обращался ко мне.

Министр здравоохранения Карынбаев Сибугат Рыскалиевич, человек честный, порядочный и многоопытный в своем деле, Бультрикова Балжан Бультриковна, министр социального обеспечения, тоже работала с давних пор, они стали часто посещать меня, как куратора по их делам.

Стали приходить другие специалисты-врачи, ученые, доктора наук. Например, Авенирова Анна Ивановна, Никонова и другие ученые – специалисты по детству говорили о том, что в республике нет хороших детских больниц, а Хадиша Мырзалиева, Утегенова – гинекологи, что не хватает койко-мест в онкологической больнице, недостаточно женских, детских консультаций. Все их постановочные вопросы, как правило упирались в строительство новых больниц, поликлиник, в расширение существующих. Эти вопросы были трудноразрешимыми.

Действительно, существовавшая тогда база здравоохранения была слабая, за исключением Карагандинской области. В Караганде имелись все виды больниц, все они были новыми, большинство их были клиниками. Медицинский институт в Караганде был

головной. Правда, для строительства здесь было больше возможностей, как у третьей угольной кочегарки.

В Алма-Ате да и в других городах в больницах была большая скученность, не хватало койко-мест, была очередность для лечения. Такое же положение было в Москве, Ленинграде да и во всей стране. В этом я лично убедилась зв годы болезней моего мужа. В Алма-Ату стекались больные со всех концов республики. В лечебных учреждениях создавались большая скученность, тяжелые условия.

В начале 1960 г. Казахское правительство принимает решение о создании в республике научно-исследовательского онкологического института во главе с директором Нугмановым Сакеном Нугмановичем на базе существующей онкологической больницы в Алма-Ате. Тогда Нугманов С.К. был доцентом, кандидатом медицинских наук из Алма-Атинского медицинского института.

Было известно, что Алма-Атинская онкологическая больница работает напряженно, условия для лечения были неудовлетворительными, не доставало кадров онкологов, других специалистов. Онкологических больных становилось из года в год все больше. В дни приема ко мне приходили больные со всякими болезнями, особенно много онкологических. Они жаловались на отказ в помещении их в больницу из-за отсутствия мест.

В этом я лично убедилась, когда из Карсакпая ко мне привезли тетю Урляйм, онкологическую больную. Мне самой пришлось походатайствовать о ее помещении в онкобольницу. Ее обследовали, потом лечили. Результат неутешительный, болезнь запущенная. Она недолго прожила.

В начале пятидесятых годов в Караганде моя соседка по квартире врач онколог-гинеколог, хирург родильного дома, рассказывала мне, что к ним приехал из Алма-Аты ассистент хирург-онколог, он же гинеколог Нугманов. Мы с ней смеялись, что мужчина-гинеколог, редкий случай. Соседка рассказывала о нем с восторгом, что он непревзойденный хирург, она присутствовала на его операции.

Теперь после своего назначения директором НИИ онкологии вместе с министром Карынбаевым С.Р. они пришли ко мне в кабинет. У обоих был один вопрос. Как быть с помещением, чтобы разместился научно-исследовательский институт. Мы долго размышляли. Надо бы построить новое здание, но на это средств в республике пока не было. Тогда оставалось жить на арендных началах, решался вопрос о новом строительстве НИИ. Но где найти такое помещение, кто уступит? Сакен Нугманович вспомнил о заканчивающемся строительстве здания кооптехникума, вполне подходящее здание. Но кто это решит?

Я позвонила председателю Совета Министров Ташенову Жумабеку Ахметовичу, просила меня принять вместе с Нугмановым С.Н. Мы зашли, долго не задерживаясь, я начала излагать наш вопрос о временном размещении онкоинститута в здании нового кооперативного техникума, что наиболее подошло на тот момент. Жумабек Ахметович с ходу заявил: «Зауре, яйца курицу не учат. То, что ты говоришь, невозможно. Кооперативный техникум, как воздух, самому Казпотребсоюзу нужен. Нам надо говорить о чем-то другом. Будем строить это здание, но опять где деньги взять?»

Я помню, как-то присутствовала на секретном совещании у Димаш Ахмедовича. Говорилось о результатах работ трех экспедиций Академии наук во главе с Жуматовым. Результаты нам времени не оставляли. Мы сильно опаздывали в помощи онкобольным.

Сакен Нугманович, рассказал о насущности лечения онкозаболеваний, о семипалатинской ситуации, сложившейся в связи с испытаниями ядерного оружия, о последствиях для здоровья населения этого региона. Сакен Нугманович с жаром, со всей убедительностью доказывал, что время не терпит, откладывать дальше, это смерти подобно.

В тот раз мы ушли от Председателя ни с чем. Тем не менее вопрос с помещением решился положительно благодаря нашим двум руководителям партии и правительства, Кунаева Димаш Ахмедовича и Ташенова Жумабека Ахметовича, в пользу Казахского научно-исследовательского института онкологии.

В скором времени этот институт превратился в крупный НИИ и лечебный центр в республике, потом занял весьма высокое положение в Советском Союзе благодаря его первому директору Нугманову С.Н., благодаря его трудолюбию, таланту ученого и крупного организатора, особенно, в период становления. В этот институт стали приезжать за опытом именитые ученые из Москвы, Ленинграда и других городов Советского Союза.

Помнится, звонит мне однажды Сакен Нугманович и говорит, что к ним в институт из Москвы приехала профессор Бородулина Мария Дмитриевна и хочет со мной повидаться. Я этому сообщению чрезвычайно обрадовалась. Теперь могу сказать, что во главе с Блохиным Н.Н. академиком, директором онкологического института имени Герцена в Москве, Бородулина М.Д. и профессор Светлаков спасли жизнь моему супругу, Омарову Галыму. Они лечили его. И вот мы встретились в Алма-Ате. Тогда всех светил онкологии притягивал наш онкологический институт.

За короткое время Нугманов создал лечебную клинику на 400 коек со всеми лабораториями, вырастил кадры, организовал солидную профилактическую службу. Институт вышел на мировую арену. С ним считается Всемирная организация здравоохранения, которая находится в Женеве.

ЖЕТЫГАРИНСКИЙ АСБЕСТ

Известно, что в асбесте СССР остро нуждался, тем более Казахстан. Наши геологи во главе и под личным руководством, Каныша Имантаевича Сатпаева открыли много месторождений асбеста, этого бесценного минерала, без изделий из него не может существовать вся электротехническая промышленность, не говоря уже о других его применениях.

В нашем Горном институте мы прошли полный курс

геологии, в том числе и минералогию. Лекцию нам читал Гапеев, доктор геологических наук, он же специалист по минералогии, его учебниками вовсю пользуются и доныне. Все горные ВУЗы учили по его учебникам. У нас была в институте богатая лаборатория по минералогии, мы впервые знакомились с драгоценными, полудрагоценными и со всеми спектрами руд цветных металлов – свинца, меди, цинка, алюминия и других. Об асбесте у меня понятия были, но небольшие.

В местности Жетыгара найдено богатое месторождение асбеста. На нем строится комбинат. В мае 1961 года по совету Димаша Ахмедовича я поехала в Кустанайскую область. После посещения обкома, облисполкома, встречи с их руководителями решила сначала осмотреть Соколовско-Сарбайский комбинат, который вступил в эксплуатацию и давал железные окатыши всего года три тому назад. Особенно в окатышах нуждался Магнитогорский металлургический комбинат.

В поездке меня сопровождали заместитель председателя облисполкома Моругов С.В. и из Алма-Аты мой помощник-железнодорожник. Для поездки нам выделили машину ГАЗ-69, и мы поехали из Кустаная в г. Рудный, после довольно подробного осмотра рудного карьера, цеха окатышей и других хозяйств комбината в сопровождении Сандрыгайло, директора комбината, попрощавшись с ним, продолжила осмотр одновременно и молодого города Рудный. Затем заехали домой к моему брату, и оттуда направились по степи по проселочной дороге в сторону Жетыгары.

Под вечер добрались до Жетыгары. Здесь был организован новый район, с районным комитетом партии и райисполкомом. Нас встретил молодой секретарь райкома партии Темников Б.Н., он же бывший комсомольский работник ЦК Комсомола республики, я его немного знала. Мы добрались до Жетыгары только в 9 часов вечера. Темников извинился за неудобства в молодом районе, где еще нет ни столовой, ни гостиницы и др. Мы есть не хотели, ибо в Рудном у моего брата хорошо пообедали, хотели только с дороги отдохнуть, поспать до 7 часов утра, и мы приступили бы к работе с 8 часов утра.

Я просила Темникова, чтобы к этому времени были в сборе все заинтересованные товарищи для совещания по строительству комбината и другим вопросам. Предварительно Темников коротко ввел нас в курс вопроса по строительству комбината и других объектов социально-культурного назначения. Строительство комбината началось одновременно со строительством жилья, соцкультбыт объектами. Пока что было введено здание для райкома партии.

По моему предложению решили все ночевать здесь в райкоме на раскладушках, все со мной согласились. Для этого привезли из рабочих общежитий, ночлежек постельные принадлежности. В общем, все устроилось хорошо. Главное на свежем воздухе все мои попутчики и я хорошо поспали, отдохнули.

Хочу заметить, что когда мы ехали с Рудного до Жетыгары по проселочной с ухабами дороге, нам часто по пути попадались мелкие водоемы, небольшие озера. На них плавали утки, еще какие-то птицы, они все были упитанные. Наш водитель частенько останавливал машину, целился в них, но никого из них не убил. Так продолжалось всю дорогу, уже вечерело, и птиц уже не было, солнце шло на закат.

Вдруг на горизонте увидели большой водоем, на нем сидела одна утка, потом узнаем, что это был селезень. Я уже не выдержала, ибо это последний для меня шанс, попросила ружье дать, и выстрелила в птицу. Она приподнялась из воды немного и упала сразу. От радости мужчины побежали по воде к птице, подняли ее с воды. Оказался крупный селезень. Я сильно обрадовалась, что не промахнулась, в отличие от мужчин. В институте я сдавала нормы по стрельбе во время прохождения военной кафедры. Стреляла неплохо. Правда, я просила своих людей, чтобы они не выдавали бы меня, думая, при всем народе мне неудобно будет.

Все получилось превосходно, утром я уже на ногах, готова к работе. Мне сказали, сейчас принесут чай, смотрю, целое блюдо жареной птицы принесли, сели завтракать, всем было хорошо. Темников сказал: «Спасибо

вашим ребятам, молодцы, а то нам пришлось бы ездить за завтраком», – и ухмыльнулся, а я поняла, что мужчины свое слово не сдержали, меня выдали.

В первую очередь решили осмотреть добычной карьер. Дело в том, что асбест лежал на поверхности, достаточно было сделать 15-20 сантиметровую ямку пласт земли снять и дальше экскаватором черпать толщу асбеста, грузить в большие машины. Что здесь интересно, асбест лежал в толще земли как начинка в пироге, только она очень толстая, пласт под углом примерно 10-12 градусов, волокнистый, белого цвета. Вот природа нарисовала такое чудо. Я специально посмотрела в разрезе грунта. Не зря его называют горняки «горным льном». Я видела тогда только первый уступ разреза, а сейчас разрабатывают уже глубоко, многоступенчато, ведь с тех пор прошло более сорока лет.

Вместе с Темниковым, Федосеевым – начальником строительства, поехали по объектам, их много, рабочий персонал строителей почти все из ближних мест, за исключением инженеров-горняков и строителей.

На совещании, в так называемом клубе, Федосеев, Иванченко и другие подробно, обстоятельно доложили ход работы. Остановились на нерешенных вопросах. Они касались, в основном, нашего Министерства строительства, обеспечении поставок, строительной техники, инструментов, строительных материалов, начиная с кирпича, цемента, леса. На совещании говорили о субподрядных организациях. Все обговорили, чем надо было помочь в Алма-Ате, а по каким вопросам им самим здесь на месте решать. Общежития должен был обеспечить облисполком за счет своего фонда. По приезду в Алма-Ату пришлось продолжить совещание, только с другими лицами, заинтересованными ведомствами в вопросе форсированного строительства комбината.

I СЪЕЗД ЖЕНЩИН КАЗАХСТАНА

В соответствии с постановлением Центрального комитета Компартии Казахстана было решено созвать I съезд женщин Казахстана в конце июля 1961 года. С докладом на съезде выступить было поручено мне. Я стала готовиться.

На местах проходили съезды женщин, а на областных съездах избирали делегатов на республиканский. Работа съезда проходила в зале заседаний Верховного Совета республики. На него прибыли около трехсот делегатов.

Съезд открыл с вступительным словом секретарь ЦК Компартии Казахстана по идеологии Джандильдин Нурымбек. После формирования руководства съезда было предоставлено слово для приветствия Кунаеву Д.А., первому секретарю ЦК Компартии Казахстана. Он отметил, что факт созыва съезда является большим событием в жизни республики. Это показывает все возрастающую роль женщин в жизни республики. Он пожелал съезду успешной работы, здоровья и благополучия участникам.

В моем докладе было сказано о том, что за годы советской власти в Казахстане выпуск валовой продукции возрос в 57 раз, добыча угля в 360 раз нефти в 14 раз, выработка электроэнергии в 8 тысяч раз. Поднята целина, более 28 миллиона гектаров новых земель.

В Темиртау поднялись две домны и две коксовые батареи, четыре турбины Бухтарминской ГЭС, первая очередь Соколовско-Сарбайского горно-обогатительного комбината, много угольных шахт и рудников, железная дорога Акторгай-госграница.

Повысился уровень материального благосостояния нашего народа. Сокращен рабочий день. Улучшены условия труда, повышена заработная плата, пенсия, ведется строительство в огромных масштабах. Во всех этих достижениях выдающаяся роль принадлежит женщинам. Мы воочию видим раскрепощение женщины, чья доля была горькой, особенно казашки.

В этом обширном нашем крае господствовали феодально-племенные отношения. Родоплеменная

связь казахов определялась по мужской линии. Жена была собственностью мужа, так как брачные отношения основывались на выкупе невесты — калыма. Даже овдовевшая женщина оставалась в подчинении у родственников покойного мужа — «амангерство» обязывало ее стать женой одного из братьев или ближайших родственников мужа, независимо от возраста или семейного положения. Она не могла вернуться в дом родителей потому, что за нее был уплачен калым, а ее дети в ее роду считались инородцами.

Одним из первых советских законов, освобождающих казашку от гнета феодальных обычаев, был декрет об отмене калыма. Следующим шагом на пути раскрепощения казашки было запрещение многоженства и вступление в брак несовершеннолетних.

В условиях Казахстана большое значение приобрела подготовка кадров женских организаторов. Раскрепощение казашки, вовлечение ее в общественный труд осуществлялись в жестокой борьбе с патриархально-феодальными и религиозными пережитками. Девушкам, вступавшим в комсомол, выступающим на собраниях, муллы грозили расправой. И нередко эти угрозы приводились в жизнь.

В советское время были воспитаны замечательные организаторы, общественные и партийные деятели, отдававшие свои силы работе среди женщин, превращению женщины-казашки в активного сознательного члена общества. Это Алма Уразбаева, Нагима Арыкова, Сара Есова, Дора Дорофеева, Мадина Бегалиева и многие другие.

Решающий поворот в осуществлении фактического равенства женщины в Казахстане произошел в годы коллективизации и индустриализации. Бурное развитие промышленности создало самые благоприятные условия для широкого вовлечения женщин в производство, создание ТОЗов, затем колхозов, совхозов положили конец зависимости женщины от мужчины.

О том, какое место в жизни республики стала занимать женщина уже в первое десятилетие республики говорят факты. В 1927 году среди депутатов аульных и сельских Советов было 23 процента женщин, а в составе ЦК

Компартии Казахстана – 18 процентов. Более тридцати лет назад переступила порог правления колхоза «Красная звезда» Джамбульской области Сындыбала Онгарбаева. Она вела с собой детей. «Пара трудолюбивых рук не будет лишней в хозяйстве», – сказала она председателю колхоза.

Работала Сындыбала без устали, училась на агротехнических курсах, летом заботливо выхаживала каждое растение. И земля сторицей вознаграждала за труд – обильный урожай сахарной свеклы снимала Онгарбаева. Слава о скромной труженице разнеслась по всей стране. Грудь ее украсила Звезда Героя Социалистического труда. Отец ее всю жизнь гнул спину на бая, но слова благодарности так и не услышал.

Показательна судьба Наили Уразгуловны Базановой. В 1932 году она окончила зооветеринарный институт и стала ветврачом. С тех пор прошло три десятилетия. Но это были годы ее упорного труда. Годы настойчивого овладения высотами науки, годы беззаветного служения народу – была депутатом многих созывов Верховного Совета СССР, доктор биологических наук, академик, председатель Республиканского комитета защиты мира, ее имя известно не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами.

Тяжелым испытанием для женщин была Великая Отечественная война. Они встали на защиту своей свободы. Женщины были на фронте врачами, медицинскими сестрами, разведчицами, снайперами, летчицами. Сражались в рядах партизан. Герои Советского Союза Маншук Маметова, Алия Молдагулова, Валентина Панфилова, Хиваз Доспанова, на счету которой триста боевых вылетов, Акима Акжолова, была в первых рядах защитников Ленинграда.

Как забыть героизм тех, кто работал в тылу.

Кто не знал Евдокию Андреевну Зайчукову. В целинном крае она возглавляла совхоз «Двуречный». Это хозяйство в годы освоения целины называли «Женской академией». Директор – женщина, главный агроном – женщина, инженер-строитель – женщина, главный бухгалтер – женщина. Потом, будучи секретарем райкома партии, она, по примеру Валентины Гагановой, перешла в отстающий совхоз «Ижевский». Совхоз пошел в гору.

Механизатор широкого профиля Дакен Шайкенова из совхоза Карашалгинский Кургальджинского района. Она здесь первая казашка, севшая за руль трактора еще в 1936 году. Дакен обучила профессии механизатора 30 девушек-казашек.

В восьми хлопкосеющих районах Южно-Казахстанской области обучились механизаторским специальностям 300 девушек.

Бибижамал Омарова из Караганды более 20 лет трудилась на шахтах Караганды. Ей присвоили звание Героя Социалистического труда. И таких женщин, Героев Социалистического труда, тогда было в республике 156 человек.

Анна Ильинична Фадеева горы медной руды выдала она из шахты на поверхность, работая мастером подъемной установки. За долголетний труд была награждена Орденом Ленина.

Умело сочетала государственную работу с трудом на полиметаллическом комбинате в Кентау депутат Верховного Совета СССР Герой Социалистического труда транспортерщица Ачисайской обогатительной фабрики Таттикуль Досжанова, депутат Верховного Совета СССР звеньевая хлопководов Толыш Асылбекова, депутат Верховного Совета Казахской ССР машинист электровоза Айран Мыктыбаева и многие другие.

Работники цветной металлургии гордились Валентиной Николаевной Бублис — инженером Лениногорского полиметаллического комбината. За участие в разработке нового метода добычи руд цветных металлов ей вместе с группой работников науки и практики была присуждена Ленинская премия.

Более четверти века трудилась в строительстве каменщица «Карагандахимстрой» Каукер Алдыкенова. Ее путь строителя начался на стройке Балхашского медеплавильного завода.

За высокие показатели в труде по разведке и добыче нефти десятки женщин удостоены высоких правительственных наград. Ударник Коммунистического труда Базаркуль Кошпанкулова и другие собрали от 120 до 150 тонн хлопка каждая. Звеньевая хлопководческой бригады удостоена звания Героя Социалистического труда, депутат Верховного Совета СССР.

До революции образование женщины вообще, казашки, в особенности, было неразрешимой задачей. В 1925 году в Казахстане насчитывалось 2624 школы, в которых обучалось 149507 человек. В 1930 году всеобщее обязательное обучение стало законом.

Были известны имена далеко за пределами страны докторов медицинских наук Камили Досовны Утегеновой, Хадиши Мырзалиевны, Гульбахрам Тарабаевой, докторов геолого-минералогических наук Быковой Марии Сергеевны и Патчаим Тажибаевой, доктора физико-математических наук Фесенковой Евгении Владимировны.

Свободная радостная жизнь женщин Казахстана нашла свое яркое отражение в искусстве. Мы с глубоким уважением и признательностью чтим замечательную певицу и композитора Майру Шамсутдинову, композитора и домбриста Дину Нурпеисову.

Незабвенные Куляш Байсеитова, Шара Жиенкулова. Много интересных образов на сцене создали Валентина Харламова, Хадиша Букеева, Сабира Майканова и Рахия Койчубаева. На смену признанным талантам пришла одаренная смена. Драматические актрисы Шолпан Жандарбекова, Замзагуль Шарипова, певицы Шавал Бейсекова, Роза Джаманова, Бибигуль Тулегенова, Роза Багланова, первый профессиональный композитор Газиза Жубанова, балерина Сара Кушербаева.

Широкому кругу читателей известно имя поэтессы Марьям Хакимжановой. За ней идут Турсунхан Абдрахманова, Шарбану Гумарова.

В нашей стране впервые в истории сложился тип женщины, соединявшей труд, учебу и заботы о семье с участием в управлении государством. Партия и правительство доверило женщинам высокие посты. Хорошими организаторами масс на выполнение различных задач проявили себя секретарь Саранского горкома партии Карагандинской области Елизавета Петровна Зимина, первый секретарь Ново-Шульбинского райкома партии Семипалатинской области Мария Ивановна Рыбина, первый секретарь Казталовского райкома партии Западно-Казахстанской области Набира Салыкова и многие другие.

Честь и слава нашим женщинам!

ВЫСОКОГОРНАЯ СЕЛЕЗАЩИТНАЯ ПЛОТИНА

22 августа 2003 г. Кунаеву Димашу Ахмедовичу со дня смерти исполнилось 10 лет. По этому случаю фонд его имени, и родственники пригласили нас, его соратников, товарищей, сослуживцев, всех родственников на поминальный обед. Зал был полон.

За поминальным столом, обедом, посвященном памяти Димаша Ахмедовича, многие из присутствующих здесь держали речь с воспоминаниями о нем, как о мудром руководителе партии и правительства республики.

Говоря о доверии мне Димаша Ахмедовича, как его заместителю по работе в Совете Министров, я рассказала об одном его поручении. Оно было связанно с проектом строительства, высокогорной селезащитной плотины. Уже к этому времени у нас имелись 2 варианта проекта возведения плотины. Димаш Ахмедович лично мне рассказывал, что он склонен остановиться на том варианте из двух проектов, где плотина должна возводиться путем последовательных направленных взрывов скал с правого и левого берегов. Эти горные массы должны были лечь в створ ущелья реки Малой Алматинки друг на друга.

История селевых потоков под Алма-Атой общеизвестна. Первый селевой поток с гор произошел в 1887 году, второй селевой грязекаменный поток был в 1889 году, третий селевой поток произошел в 1918 году, четвертый был в 1921 году. Все селевые потоки приносили городу страшное разрушение. Погибло много людей, погибло большое количество скота. Последним селевым потоком 1921 года вынесено несколькими волнами около семи миллионов кубометров воды и около 3 миллионов кубометров камня, песка и глины. Его следы можно видеть и сейчас, в городе остались крупные валуны.

Природа селевых потоков такова: если сильное таяние снегов в горах совпадает с частыми ливневыми дождями, то в мореных озерах накапливается много воды. Она переполняет озера, размывает берега. Огромная масса

воды устремляется по руслам вниз, захватывая с собой грязекаменную массу вместе с валунами. Образуется селевой поток, где движущийся вал, в несколько десятков метров, с громадной скоростью устремляется вниз, неся на своем пути огромные разрушения.

Димаш Ахмедович, еще работая заместителем председателя совнаркома, по роду своей работы принимал самое активное участие в решении этой проблемы. В свою очередь, я тоже, будучи горным инженером и заместителем председателя Совета Министров не стояла в стороне от решения селевой проблемы.

Наш проект рассматривался у известных ученых Академии наук СССР, по нему дали свои положительные заключения академики Лаврентьев, Садовский, Христианович, министр среднего машиностроения Славский, и другие. Но возражавших против проекта «направленного взрыва» у нас, в республике, было немало.

Нашлись люди, специалисты-биологи, экологи, которые считали, что если взорвать скалы, это вызовет землетрясение, будет огромный вред экологии, исчезнут фауна, флора в горах и т.д. Они были не согласны с проектом. Как мне говорил Димаш Ахмедович, что даже на правительственной комиссии мнения разделились.

«Время не терпит, наверху образовалось много воды, кто знает, что может произойти, мы опаздываем, надо форсировать с проектом, затем со строительством плотины», – сказал он. Поручил мне собрать совещание с приглашением и участием всех заинтересованных «за» и «против» проекта и окончательно прийти к единому мнению.

У Димаша Ахмедовича его мнение по этому поводу было давно ясное и твердое. Он был за вариант проекта с направленным взрывом. Взрывное дело, характер, последствия его Димаш Ахмедович сам знал лучше других, как мы знаем по его автобиографии, он в Коунраде был самым лучшим взрывником по руде.

Я так и поступила, созвала совещание с участием всех заинтересованных в этом вопросе. Пришло около тридцати человек. В зале заседаний Совета Министров развесили чертежи обоих проектов и Генплан, общий вид плотины,

диаграммы, сопоставительные таблицы и другое. На совещании были, кроме проектировщиков, руководители ведомств, учреждений, ученые, в том числе, главные оппоненты во главе с доктором географических наук Бергрином.

Совещание вела я сама, оно длилось целый день, ход совещания стенографировался, потом получился целый том. Было много выступлений, высказывали мнения, суждения. Было большинство, поддерживающих проект плотины с «направленным взрывом», немало по-прежнему и противников. Обсуждение шло по-деловому и принципиально.

После долгих дебатов некоторые серьезные противники сняли свои доводы, возражения. В результате решили, что будем строить плотину по выбранному проекту. Итоги работы совещания доложила Димашу Ахмедовичу, он был доволен нашей работой. Над спорным вопросом была поставлена последняя точка, это был 1962 год. (В начале 1963 года меня направили на другую работу, председателем Алма-Атинского промышленного облисполкома).

Наверху под горой началось строительство тоннелей – штолен для размещения взрывчатки. На этих горных выработках работали джезказганские проходчики. Когда эти работы были закончены, я специально ездила смотреть. Правобережный взрыв скалы произвели в октябре 1966 года.

Взрывная горная масса благополучно легла на дно будущей плотины, как бы фундаментом, а следующий взрыв на левом берегу Малой Алматинки произошел в 1967 году в апреле. Это я наблюдала с балкона Министерства социального обеспечения. И в первом и во втором взрывах все было более или менее нормально, если не считать обвал штукатурки в одном здании, специально построенном близ плотины.

В результате направленных взрывов образовалась селезащитная плотина высотой 63 метра, как было предусмотрено проектом. Эта плотина выдержала селевой поток громадной силы, который прошел в 1973 году. Объем этого грязекаменного потока был около пяти с половиной миллионов кубометров.

После случившегося правительство решило тем же методом в темпе построить и увеличить высоту плотины. Эта работа тоже была проделана в срок и нормально, ничего плохого не случилось. Раз и навсегда город теперь спасен от угрозы селевых потоков плотиной высотой более 90 метров. Она является теперь главной достопримечательностью Алматы.

Этим повествованием о строительстве селезащитной плотины я хочу подчеркнуть, как Димаш Ахмедович работал с людьми независимо от возраста и пола на абсолютном доверии. Это качество человека всегда считалось редким и ценным.

Ко всем подчиненным, или же своим соратникам относился гуманно, заботливо. Сам он был человеком честным, ценил людей честных, скромных и дисциплинированных в работе и в жизни, старался им помочь и беречь их. Я вспоминаю о Димеке как о человеке, о старшем товарище, о руководителе. Димаша Ахмедовича народ уважал, любил за его человечность, гуманность, за мягкий характер.

РАБОТА В ОБЛИСПОЛКОМЕ

Идею Хрущева Н.С. о делении партии на местах на промышленную и сельскохозяйственную стали претворять в жизнь. Сначала Россия, за ней все другие республики. Мы все это не очень понимали.

До нас дошел слух, что Молотов воспротивился разделению партии на сельскую и промышленную, и он до этого был против создания совнархозов.

В третью декаду ноября 1962 года меня вызвали на бюро ЦК и с ходу предложили новую работу. При этом сказали, что буду работать председателем Алма-Атинского промышленного областного совета депутатов (облисполкома). Что у меня достаточный опыт, пора на самостоятельную работу. Я с радостью дала согласие. Затем поехала в Москву в ЦК на утверждение.

После празднования Нового 1963 года с 12 января я приступила к работе. Пришлось начать с размещения помещений и штатного расписания. Затем подбора кадров. Все это пришлось проводить в темпе. Поехала по районам (их 17), городам Уш-Тобе, Талды-Курган, Текели, по промышленным предприятиям для ознакомления. У меня сложились первые впечатления о предстоящем для нас объеме работы.

Прошли выборы в Верховный Совет республики VI созыва, где была избрана по Илийскому избирательному округу депутатом Верховного Совета КазССР. Состоялся XII съезд компартии Казахстана, где избрали кандидатом в члены ЦК КПК.

В 1963 году природа сыграла злую шутку – повсеместно в стране и у нас была засуха. В тот год пекли серый «забайкальский» хлеб – эрзац. Чего только не вмешивали в муку. Урожай был скудный.

Чтобы не поедали хлеба, с семей выгоняли кошек, собак, частично запретили содержание скота. На местах по решению исполкомов больным людям желудком (по справке врача) выдавали немного манки, гречневой крупы. В магазинах муку продавали не более 5 килограммов. За нарушение судили.

Я помню, из командировки в Москву своим детям привозила из гостиницы белые батоны, отстояв очередь. Видимо, мы во главе с Хрущевым сильно расхвастались своими целинными миллиардами пудов хлеба, продавали за рубеж, не оставляя себе хотя бы годичного запаса. Старшее поколение об этом помнит. Бывает досадно, когда сейчас на улицах видим брошенный хлеб у дорог, в скверах. Позор!

Однажды, в газете «Егемен Қазақстан» за 2003 год я прочитала статью «Бір үзім нан, кешіре гор, асылым!». Она произвела на меня сильное впечатление, возвратила в далекое прошлое, в полуголодное детство и студенчество. Автор статьи, видимо, немолодой человек, судя по повествованию, Узакбай Таласбайулы написал в назидание нынешним молодым людям, у которых с кармана вылезают наружу лишние тенге.

В облисполкоме в повестке дня работы было много.

Первым вопросом было строительство Капчагайской ГЭС на реке Или. В октябре 1959 на сессии Верховного Совета СССР я в своем выступлении попросила о строительстве Капчагайской ГЭС, так как Алма-Атинский регион испытывал большой дефицит электроэнергии. Еще просила, чтобы Ермаковскую ГРЭС включили в титул строительства будущего года. Все наши постановочные вопросы были приняты.

Итак, я столкнулась со строительством Капчагая, с очисткой его зоны затопления. Все эти вопросы я себе хорошо представляла по опыту работы с Бухтарминской ГЭС. Здесь же работы было больше. ГЭС должен был строить опять же Инюшин. До затопления морем надо было успеть перебазировать все имеющиеся хозяйства колхозов, совхозов, промышленных предприятий на новые места.

Особенно подпадали перебазированию поселок Или со всем хозяйством, жилье, объекты социально-культурного назначения. Это железнодорожный мост, автомобильная дорога, контора связи, школа, баня, объекты бытового обслуживания и многое другое.

По своему рельефу поселок Или находился на самой низкой точке. То есть первое затопление должно было начаться именно с него. Отсюда весь объем работы для области, для республики по перебазированию был абсолютно ясен. Для себя трудных, неразрешимых вопросов не видела, разве что кроме ассигнований со стороны союзного министерства энергетики.

Министр энергетики Новиков все время откладывал финансирование по перебазированию объектов еще до разделения области на промышленную и сельскохозяйственную зоны. Мы столкнулись перед фактом отсутствия финансирования. Поджимали сроки. Поэтому, облисполкому пришлось выделить средства из своего скудного фонда по жилью, как бы «взаймы», с тем, чтобы потом их Минэнерго СССР восполнило бы.

Собственно ГЭС построил Инюшин после завершения строительства Бухтарминской ГЭС. Со всем своим хозяйством, техникой и кадрами строителей перебазировался в Капчагай. В первую очередь, для рабочих

была построена одноэтажная часть жилого массива, потом многоэтажная, а также отдельные объекты социально-культурного назначения.

Начальником гражданского строительства Капчагайской ГЭС был Вайнруб Евсей Григорьевич, он же бывший главный строитель всех каскадов Алма-Атинской ГЭС. Они небольшой мощности, но вначале снабжали город и близлежащие населенные пункты и хозяйства. Мы с ним вдвоем выехали на место будущего строительства, разложив на землю Генеральный план будущего города Капчагая и план зеркала будущего моря.

Сориентировавшись, забили первый колышек на песке местности «Шошкалы сай». Это была крайняя точка будущего моря, отсюда пошла граница города Капчагая, граница гражданского строительства.

Первое время было трудновато со стройматериалом: кирпичом, цементом, щебнем, сейсмоарматурой, известью. Постепенно все наладилось.

За всеми этими вопросами облисполком, отдел капитального строительства вели строгий постоянный контроль, часто рассматривали на заседаниях и выезжали на место стройки. ГЭС сдали в эксплуатацию в 1967 году. Я уже работала министром социального обеспечения. Меня «забыли» пригласить на сдачу ГЭС, Позже министр энергетики республики Батуров извинялся. Я ответила: «Бывает».

Весной 1963 года оба облисполкома (промышленный и сельский) активно занимались восстановлением заброшенных после войны рисовых полей, рисовых чеков. Для этого мобилизовали всю технику в областях. Создавались новые рисосеющие хозяйства в новом Куртинском районе, совхозы в Балхашском районе и в других.

Несмотря на неурожай в зерновых районах области, в рисосеющих хозяйствах на радость был отменный урожай риса, даже кукуруза была хорошая.

Все горнодобывающие предприятия Текелийского комбината (это рудники в самом Текели, Коксуйский рудник) работали рентабельно. После геологов, завершения ими разведывательных работ в повестке дня встал вопрос

о начале разработки Ала-Кульских бурых углей. Здесь утвержденные запасы углей составили более 50 миллионов тонн. Я съездила на место, и все посмотрела своими глазами. Это месторождение рядом с заставой, дорогой «Дружба» и со станцией «Дружба». Тогда станция после XX съезда была заколочена. Это было после некоторого «холодка» со стороны Китая к нам.

По территории месторождения меня сопровождал сам начальник заставы. Меня заинтересовал этот уголь. По приезде доложила в Совете Министров, ЦК партии, Госплане. В те времена из-за отсутствия средств для разработки этого месторождения, все откладывалось.

С тех пор прошло много времени, наконец, взялись добывать этот дешевый уголь. Его потребляют теперь на местные нужды. Отказались от дорогих карагандинских и кузбасских углей.

Два облисполкома при всех обстоятельствах работали дружно, согласованно между собой. Председатель сельского облисполкома Ж.Балапанов, хороший сельскохозяйственник. Мы работали вместе и в сезон весеннего сева, уборки урожая, сезон окота овец, их стрижки и договаривались по тем или иным вопросам.

Я, бывало, специально ездила по пунктам стрижки овец. В те годы в республике придавалось большое значение объему и качеству овечьей шерсти. В области этой шерсти было много, потребителей тоже – Уш-Тобинский, Талгарский кошмоваляльные комбинаты. Хозяйства брали социалистические обязательства сдавать государству только высококачественную шерсть и овечью шкурку. Организовывали соревнования по стрижке овец.

Мы внедряли метод стрижки по австралийской методике – это на скорость стрижки. Буквально, бывало, за три-четыре минуты с одной овцы настригали шесть килограммов тонкорунной, полутонкорунной шерсти. Не менее важный показатель овечьей шкурки – кожа после обработки на кожевенных заводах. Если кожа низкого качества (дырки на коже от клещей), значит, плохо боролись с клещами, плохо прошло купание овец. Уже снижалась сортность шкурки. Такая шкурка и кожа на высококачественные изделия не шла.

В Алма-Атинской области было много скота и овец. Когда их сдавали на забой в Алма-Атинский мясокомбинат, то при длительном ожидании забоя, скотина теряла в весе. После забоя, мясо вместо высшего сорта оказывалась первого, второго сортов. Дело в том, что Алма-Атинский мясокомбинат не успевал, не хватало его мощности. Был построен современный мощный мясокомбинат в городе Уш-Тобе с большой сметной стоимостью.

Правда, сейчас он стоит со времени «перестройки», неизвестна его дальнейшая судьба. Хочется отметить, что со строительством этого комбината в городах Уш-Тобе и Талды-Кургане была проведена канализация. Мне приходилось много раз приезжать, пока строители не закончили этот комбинат с его сложной инженерной коммуникацией.

В годы моей работы в облисполкоме председателями горсоветов городов были: Уш-Тобе – Нам, Талды-Кургана – Шевляков, Текели – Саммель. Все они работали хорошо, с энтузиазмом. Благоустраивали свои города, следили за чистотой, следя за санитарным состоянием. При этом на эти мероприятия у них было совсем мало средств. Они умели находить общий язык с руководителями предприятий, хозяйств. При этом пользовались у населения уважением и доверием.

Когда я работала в Совете Министров, в соответствии с решением правительства, было организовано социалистическое соревнование по республике за благоустройство городов. Тогда первое место получил г. Кен-Тау. Итоги подводились поквартально, с денежной премией. Председателем горисполкома был Жанарыстанов. Кен-Тау тогда стал чистым зеленым уютным городом, со всеми необходимыми культурными, спортивными и бытовыми объектами.

В соревновании по качеству хлеба первое место заняла Кзыл-Орда. Они гордились качеством своего хлеба.

В бытность работы в облисполкоме, мы часто получали копии записок под грифом «Совершенно секретно!» за подписью Хрущева Н.С., которые он адресовал в бюро ЦК КПСС. Эти записки, в основном, касались вопросов сельского хозяйства. Например, записки были о создании

различных новых сельскохозяйственных организаций, главков, типа «Главкартофель», «Главкукуруза» и др., и мы не успевали это осмыслить. Получая следующую записку, мы смеялись и говорили, что осталось создать «Главморковь» и «Главлук».

Главным заключением было решение бюро ЦК КПСС о ликвидации колхозов и на их месте создавать совхозы. В результате в Казахстане из существующих 2500 колхозов остались несколько сот. Это решение, вызвало в нашей области определенные трудности. Они были связаны со строительством жилья, школ, детских учреждений, пекарен, магазинов, кинотеатров и многих других объектов для жизнедеятельности новых рабочих совхозов, этих вчерашних колхозников.

Все эти преобразования создавали дополнительные трудности в строительстве, при огромном дефиците в финансировании и строительных материалах. Нам часто приходилось выезжать к месту строительства того или иного объекта с тем, чтобы ускорить ход строительства и ввод в эксплуатацию. Я ездила на ГАЗ-69, часто по бездорожью, с райцентра по хозяйствам, а там внутри хозяйства, с одного объекта на другой. Далее с одного района в другой. Там то же самое. В одной подобной командировке я проездила в течении 8-9 дней более 3 тысяч километров. Таким образом, я заболела, но приходилось всегда бывать на работе.

Позже выяснилось, что у меня опущение почек на 12 см с обеих сторон. Врач, уролог – хирург, предложил мне поднять почки путем операции. В это время я уже перешла в Министерство социального обеспечения. Ко мне на прием приходили люди с жалобой на наш протезный завод. Что они долго делают этот почечный бандаж или ставят в долгую очередь. Тут я подумала о почечном бандаже. Хирург согласился попробовать. Я в течение пяти лет ходила в бандаже постоянно. Как только я стала надевать его, то вскоре боли уже не чувствовала. Почки поднялись. Операции не понадобилось. Это было моей победой.

Как-то, работая в облисполкоме, решила съездить на окот овец, проверить, как вовремя выходят сакманщики на работу, то есть те, кто помогают при интенсивном окоте овец. Приехала с утра в одну отару, где шел окот

овец (по искусственному осеменению). На улице никого не было видно, кроме годовалого ребенка, который сидел на кошме-түндік – это верхнее покрывало юрты. Ребенок, на ногах еще не стоял, весь был мокрый, кошма тоже. Но он не унывал, смеялся, держал в руках кусочек грязного хлеба, на голове завязанная ушанка. Было ветрено. У малыша красные щеки, на нем была стеганая курточка, без штанов. Он их видимо давно замочил. Вокруг малыша были обложены новорожденные ягнята.

Я взяла его на руки, пересадила на сухое место на кошме. Решила разыскать взрослых, зашла в кошару. Там в яслях шел окот овец, одной за другой. В кошаре четыре человека, одна семья: дедушка, бабушка, сын и сноха. Все работали как пожарники, были заняты своим делом – приемом ягнят, им дышать некогда. Меня не заметили. Тогда я подошла к старушке и сказала, что ребенок на улице один сидит. Она мне ответила, что ребенка не видела уже второй день, что отсюда с кошары выйти невозможно.

Оказывается, если после окота ягненка к матке сразу не свяжешь, то потом матка убегает и не признает его. Помощников, сакманшиков все не было. У старушки лицо, глаза были красными, отечными. Я ей посочувствовала. Говорю: «сізге қыйын екен (Вам тяжело так)». Она мне говорит: «Оқасы жоқ, қызым, әліақ жақсы болып кетеміз жайлауда (Ничего , дочка, скоро выедем на джайлау, поправимся), – Мынаның бәрін Құдай беріп жатыр ғой, ештеңе етпейді (Все это богатство Бог дает, ничего не будет)».

Я про себя подумала: «Какая мудрая гуманная женщина!». Она очень устала. На ней лица не видно. На голове платок съехал в сторону. В таком же духе и все остальные члены семьи. Я зашла внутрь избы. Там на полу нет свободного места от новорожденных ягнят. На печке 5-6 штук лепешек. Все они крепкие, как камень. Людям их было есть некогда, мне казалось, вот уже несколько дней. Вот так я близко познала нечеловеческий труд семьи чабанов. За 600 поголовьем управляли всего 4 человека. Скоро приехали сакманщики. Пришлось «дать им жару».

Мы все на практической работе убедились, что это искусственное разделение на промышленников и сельчан

себя не оправдало. Вскоре, Никите Сергеевичу Хрущеву пришлось «добровольно» подать в отставку в октябре 1964 года.

С декабря 1964 по июнь 1966 года перешла первым заместителем председателя объединенного облисполкома. За мной тот же вопрос промышленности, транспорта, строительства и др. Работы стало еще больше за счет приема посетителей по социальным вопросам. Эти вопросы были по распределению у Газиза Боранбаева. Когда Газиз Хисматович узнал, что его контингент одолевает меня, шутил, что я его разгружаю. Работали дружно. Ко мне обращалось много каторжан. Я их устраивала (по их просьбе) в дома престарелых.

В 1965 году был селевой поток с гор и лощин по трассе от Талды-Кургана до самого Уч-Арала. Это было к концу марта. Весна была теплая, зимой было много снега. При таянии, да еще от дождей пошел селевой поток, который снес все мосты на дорогах, их было около семи. Почему-то, восстанавливать снесенные мосты и дать движение транспорту от Талды-Кургана до Уч-Арала поручили мне. На бюро обкома партии меня не было, но передали такое решение.

Пришлось мобилизовать всю дорожную технику, имеющуюся в области, и обращаться к Министру автодорог Гончарову Л.Б. Он здорово помог своей техникой, да и людьми. Мы за 3-4 дня восстановили мосты и дали движение автотранспорту.

Когда через дней пять вернулась в Алма-Ату, доложила обо всем. Хотя все члены бюро одобрили мои действия, но никто не сказал «спасибо». То, что я без сна, без удобств, проделала огромную работу, сидя у телефонов, у рации и часто выезжая на мосты. Никто не порадовался за мою работу. Но я ходила с поднятой головой за доверие мне и, в то же время, посмеивалась над своими коллегами. Шутливо говоря, что они засиделись, не заботясь о своем здоровье.

В Жетысу было несколько сахарных заводов, но правительство решило еще больше их иметь. По разнарядке получили два польских сахарных завода. Однажды я приехала в Уч-Арал вместе с Мельником Григорием

Андреевичем, секретарем ЦК КПК по сельскому хозяйству, посетили место закладки заводов.

Когда приехали на место, где должен быть завод, и где должна была выращиваться свекла, то оно мне показалось удручающим. Я вспомнила, когда была студенткой на Украине, и мы убирали свеклу. Колхозники получали по 500 центнеров с гектара. Земля была чернозем, мягкая. Здесь, в Уч-Арале же, земля негодная, камни и галечник, хотя воды достаточно засчет реки.

Сразу высказала свое мнение, что нельзя здесь выращивать свеклу, отсюда и завод нельзя ставить, хотя воды достаточно. На мое замечание Григорий Андреевич сказал: «Зауре, что ты знаешь о свекле? Это место для свеклы подходящее. Об это говорят и наши ученые». На этом разговор закончили. Стали строить завод в Уч-Арале, а второй завод в Жансугурове. Они строились медленно. После я ушла с облисполкома министром социального обеспечения, но иногда интересовалась какой в Уч-Арале урожай сахарной свеклы. Мне говорили 100-150 центнеров с гектара. Это первые годы. Я другого и не ожидала.

ВСТРЕЧИ С ЛЮДЬМИ В ЖЕТЫСУ

В Жетысу было много передовиков сельского хозяйства и промышленного производства. Их имена я и сейчас помню. В моей памяти навсегда остался Нурмолда-аға Алдабергенов, дважды Герой Социалистического труда. О нем знала вся страна. Это был честный человек, со своим мнением, умением. Не имея высшего образования, он, со знанием дела, мог состязаться с любым хозяйственником, ученым.

Колхозы, где он работал председателем, показывали лучшие результаты в производстве. Но по навету (особенно он не понравился Хрущеву Н.С.) был временно отстранен от любимой работы. Потом он был оправдан, будучи честным человеком, занял свое прежнее положение в обществе. Мне много раз приходилось помогать ему в

работе, в его просьбах по обустройству хозяйства колхоза, села, где он жил и работал. Часто обращался ко мне по стройматериалам. Все для благоустройства села Шубары и Мукры. Села эти были аккуратными чистенькими.

Еще был уважаемый человек. Это Головацкий Николай Никитович, тоже дважды Герой Социалистического труда, председатель колхоза «40 лет Октября». Удивительный человек, мастер своего дела. Он увлекался выращиванием кукурузы и разведением уток. На базе его кукурузы в Панфилове был построен кукурузно-калибровочный завод. Этот завод обеспечивал семенами кукурузы весь Казахстан, да и другие республики. В то время особо уделялось внимание этой культуре.

За эту работу и взялся Головацкий Н.Н. В одно из посещений его колхоза, специально поехала посмотреть кукурузные поля. Кукуруза стояла в рост 4 метра, причем повсеместно, где сеяли. Подобный урожай я не видела даже на Украине, будучи студенткой, где ее традиционно выращивают наравне с пшеницей.

В безводных полях, где не было никакой речки, плавали тысячи уток в искусственно созданных водоемах. Кормом для уток служили зерна и отходы кукурузы, моркови и другие овощные культуры. Уток здесь выращивали до двухмесячного возраста и сдавали на мясо. В магазинах Алма-Аты тогда бесперебойно торговали утками. Птицефабрик тогда вокруг Алма-Аты не было, как сейчас, только проектировались. Колхоз Головацкого имел большие доходы. Теперь этого колхоза в помине нет.

Спустя много лет во время перестройки я видела Николая Никитовича, уже пенсионера. Он изменился, постарел. Мы виделись в больнице. Переживал за развал колхоза, своего детища.

На людей-тружеников область была богата. Много было депутатов Верховного Совета СССР и республики, также Героев Соцтруда. За годы работы в облисполкоме я близко познала нелегкий сельский труд.

В течение пятнадцати лет, в начале, хотя совместно не работали, это было потом, я была знакома с Бейсебаевым Масымханом Бейсебаевичем. Это был очень скромный человек, спокойный, к кому бы то ни было, был

доброжелательным. Свое дело знал хорошо. В работе был предельно ответственным. Работая в облисполкоме, я впервые пришла на прием к первому заместителю Председателя Совета Министров Бейсебаеву М.Б. с одним важным вопросом (Председатель Совмина Кунаев Д.А. был в отъезде). Он недавно перешел с должности первого секретаря Алма-Атинского областного комитета партии в Совет Министров.

Где-то после 20 мая 1963 года в республиканской газете «Социалистік Қазақстан» на первой странице вышла статья примерно с таким названием – «Для сведения председателя облисполкома Омаровой З.С.». Там говорилось, что за время Советской власти на станции Мулалы Алма-Атинской области не построили ни одной школы. Здесь жили внуки и правнуки строителей Турксиба, в основном, казахи. Действовала только одна школа, размещенная в 12 частных домиках, купленных у жильцов. Это одно название школа – маленькие окна, глинобитные полы. Крыша постоянно протекала и в дождь и в снег.

Я поехала сразу же на станцию Мулалы, взяв с собой фотографа. Мы ехали на машине «Волга» по бездорожью, пескам, а чтобы не сбиться с пути, старались держаться параллельно железной дороге. Судя по статье, положение в школе было удручающим. Действительно, все факты подтвердились. Строители Турксиба, в основном, казахи с аулов, колхозов, как мы знаем, по окончании строительства, остались жить по разным разъездам, станциям. Оказалось, что их внукам и правнукам здесь со школой не повезло.

На приеме у Бейсебаева М.Б. доложила о своей командировке. Показала фотокарточки так называемой «школы», рассказала о своих впечатлениях и предложениях. Просила помочь для строительства выделить соответствующие ассигнования и два общежития ОЩ-60. Предложила спарить два «Г-образной» конфигурации каркасно-камышитовых здания. Получилось бы П-образное здание. Эти общежития надо было посадить на высокий цокольный этаж. Получилось бы двухэтажное здание. Это была бы школа «на скорую руку» к началу учебного года.

Масымхан Бейсебаевич рассмеялся и сказал, что денег нет, что фонды распределены по областям еще с начала года. Тогда я предложила снять ассигнования с резервного фонда Совета министров Казахской ССР, а общежития взять у Министерства сельского хозяйства, с Рогинца М.Г. Работая в Совмине, у меня подобная практика была.

В конечном итоге, Маке со мной согласился в отношении ассигнований, но по поводу общежитий посоветовал сходить лично к Михаилу Георгиевичу, сомневаясь, даст ли он. Пришлось министра сильно убеждать и уговаривать, чтобы он помог. Действительно, Рогинец дал эти общежития. Впоследствии вышло распоряжение за подписью Председателя Совета Министров Кунаева Д.А. о строительстве школы на станции Мулалы, обязывающее облисполком построить ее и сдать к началу учебного года.

Мы для этого в Мулалы стянули строителей, необходимую технику и материалы. За четыре месяца построили и сдали к началу учебного года хорошую двухэтажную школу.

В те годы в школах ввели обязательное трудовое обучение. В цокольном (первом) этаже организовали занятия по труду, а на втором – обычные школьные занятия. В той же газете появилась статья директора школы с благодарностью облисполкому.

Я считаю, что положительное решение о строительстве школы обошлось не без личного участия Масымхана Бейсебаевича. Маке я знала с июня 1958 года, когда меня взяли в Совет Министров, переведя с Караганды в Алма-Ату. В те годы он работал первым секретарем Алма-Атинского областного комитета партии.

Секретарем ЦК Компартии Казахстана был Беляев Николай Ильич, бывший секретарь ЦК КПСС. Председателем Совета Министров был Кунаев Динмухаммед Ахмедович, бывший президент АН КазССР, сменивший Председателя Совмина Тайбекова Елубая Бажимовича.

По прибытии в Алма-Ату из Караганды нашу семью разместили на даче во 2-ом доме отдыха Управления Делами Совмина. Мы оказались по соседству с Бейсебаевыми.

Тут вскоре произошло наше знакомство с Масымханом Бейсебаевичем и его супругой Зоей Михайловной, а наши дети в особом представлении не нуждались, сразу же подружились с самым младшим Бейсебаевым – Кайратом. В то время их сыновья Акылжан и Кенес были уже взрослыми, а Мурат в их семье появился позже.

В процессе работы я могла видеть и слышать Маке на заседаниях бюро ЦК Компартии или же на заседаниях Совета министров и Президиума Совета Министров. Он всегда выступал, делал дельные замечания по ряду животрепещущих вопросов Алма-Атинской областной партийной организации или же по ряду хозяйственных дел. Это могли быть вопросы, касающиеся сельского хозяйства, снабжения столичного города сельскохозяйственной продукцией – мясом, молоком, овощами, вопросы весеннего сева, а в период уборки урожая все проблемы, связанные с транспортом. Особенно Масымхан Бейсебаевич интересовался вопросами, связанными со строительством автомобильных дорог местного и республиканского значения, вопросами зимовки скота и многими другими. Маке выступал или делал справедливые замечания по конкретным проблемам, при этом с абсолютным знанием дел на местах, в районах, в хозяйствах.

На заседаниях Совета Министров постоянно рассматривались вопросы о поднятии целины, несмотря на то, что целинные земли были уже в основном освоены. Однако проблемных вопросов хватало. Прежде всего, это касалось телефонной связи, радиофикации села, хозяйственных центров, колхозов и совхозов. Несколько позднее на повестке дня появились вопросы, связанные с газификацией городов и сел. Маке всегда проявлял по всем этим вопросам особую заботу.

Помнится одно заседание бюро ЦК КПК, 1 секретарь тов. Беляев Н.И. объявил повестку дня. Это был вопрос о коневодстве в Кегенском районе Алма-Атинской области. Присутствовали все члены бюро, в том числе Бейсебаев М.Б. Пригласили также всех членов бюро Кегенского райкома во главе с 1 секретарем райкома партии тов. Жубандыковым.

В ходе обсуждения вопросов, стоявших на повестке дня, тов. Беляев сообщил, что в этом районе сильно выросло поголовье лошадей, а секретарь райкома в этом не видит недостатка. Район не нуждался в увеличении поголовья лошадей, т.е., как он выразился, эти животные только протравляют государственные земли, пашни и посевы. Мне показалось, что все присутствующие были удивлены подобным заявлением. Особенно поразило, как сильно Беляев за это ругал Жубандыкова.

Тогда против неправильного суждения Беляева резко выступил Масымхан Бейсебаев, который был в то время 1-м секретарем Алма-Атинского обкома партии. При этом Маке убедительно доказал, и обосновал рентабельность разведения лошадей именно в Кегенском районе, чему в немалой степени способствовала сама природа. В своем выступлении он рассказал о том, что здесь весьма благоприятная местность для разведения лошадей, мягкий горный климат, отроги гор, богатые пастбища с густыми травами, обилием воды. Здесь нет необходимости специально строить им дворы для постоя, не нужен особо большой присмотр и уход за лошадьми. Большое внимание он обратил на то, что район вполне успешно справляется с государственным планом по сдаче ячменя и картофеля, по поголовью коров и овец тоже справляется и т.д.

Маке выразил недоумение по поводу того, за что мы должны наказывать Жубандыкова, ведь в проекте решения бюро было записано об исключении его из рядов партии, с освобождением от должности секретаря райкома. В конечном итоге, исключение из рядов партии Жубандыкову заменили объявлением строгого выговора с занесением в учетную карточку и освобождением от должности. Вот такое нелепое решение вынесло бюро,

Беляев смог добиться своего. В то же время чувствовалось, что его поведение объяснялось давлением со стороны Москвы. Как потом стало известно, Н.С.Хрущев не любил лошадей, точнее сказать, «конину». Впоследствии, он все-таки был вынужден признать, что наша «колбаса дружбы» вкусная. Впоследствии Хрущев выдвинул лозунг «Освоить мясную целину», а на замечание скотовода Самайбаева о недостатке производства

конского мяса, предложил разводить коней «сколько степь выдержит».

В то время от нас конину получала Италия. Однажды на заседании Совета Министров, куда были приглашены председатели облисполкомов, Масымхан Бейсебаевич подверг острой критике несколько областей за недопоставку конины в Италию. При этом он сказал, что Италия нам тоже взамен поставляет много чего, в том числе шерстяной трикотаж.

Помню еще один эпизод. После встречи Нового 1960 года нас срочно пригласили в Москву. Это было после окончания рабочего дня, около 8 часов вечера ко мне домой позвонил помощник председателя Совмина Абдрашитов Хаким Шакирович и сказал, чтобы я срочно собралась и приехала в аэропорт для поездки в Москву, уезжают все члены Президиума Совета министров. Звонок был странным, тем не менее, я быстро собралась, приехала в аэропорт, захожу в депутатскую комнату, все были уже в сборе. Никто не знал, для чего мы вызваны в Москву так срочно без предупреждения.

Прилетели ночью во Внуково, здесь нас встретили прямо у трапа, рассадили по машинам, чемоданы велели не брать с собой, что они будут развезены в гостиницу по номерам. Нам сказали, что мы поедем прямо в Кремль. Оказывается, нас ждали здесь на секретариате ЦК КПСС.

Началось заседание, вел его тов. Брежнев Л.И. Он объявил повестку секретариата. Это был вопрос о тов. Беляеве Л.И. – секретаре ЦК КП Казахстана. Брежнев Л.И. коротко изложил суть рассматриваемого вопроса о Беляеве, о недостатках его работы. Подвергнув резкой критике работу Беляева в качестве 1-го секретаря ЦК КПК, Брежнев велел всем присутствующим, в том числе и нам, высказаться по этому вопросу.

Все члены бюро ЦК КПК и Президиума Совмина выступили в обсуждении доклада о деятельности Беляева на посту 1-го секретаря ЦК КПК. Все в его адрес высказывались отрицательно, в том числе и Кунаев, и Тажиев, и Ташенов и Мельник.

Я еще не высказывалась, но думала, о чем же я должна говорить, если за Беляевым не замечала ничего плохого,

неправильного в его работе. Разве что в связи с Кегенской ситуацией с лошадьми? Однако вспомнила, что до середины пятидесятых годов в ЦК партии, в его аппарате функционировал отдел по работе среди женщин, и зав. отделом была Ахметова Нурхан Батешевна.

До этого она работала секретарем ЦК комсомола Казахстана. Из ЦК КПК поехала учиться в Академию общественных наук. Во время ее работы в ЦК партии показатели роста женских руководящих кадров были внушительными, особенно по номенклатуре ЦК и областных комитетов партии. Но этот отдел со временем вовсе упразднили, и работа с женскими кадрами была прекращена. В итоге выдвижение и рост женщин по работе, по номенклатурам вышестоящих инстанций резко снизились, стало меньше депутатов-женщин, меньше секретарей райкомов, парткомов, председателей райсполкомов, работников органов советов и т.д. Я в своем выступлении рассказала об этом как о серьезном недостатке в работе партийных органов.

Масымхан Бейсебаевич выступал, кажется, последним. Он сказал, что в республике значительно выросла экономика, культура, образование, крупные результаты достигнуты в сельском хозяйстве. Казахстан вырастил и собрал не один миллиард пудов хлеба, значительно выросло поголовье крупного рогатого скота, овец, коз, свиней, лошадей. Он остановился и на других достижениях республики, отметив в то же время и некоторые недостатки, упущения, о чем говорили предыдущие выступавшие.

Масымхан Бейсебаевич сказал, что члены бюро также должны признать, что здесь есть и доля общих недостатков, недоработок. Все члены бюро виноваты и несут долю ответственности, все валить на голову одного Беляева нельзя. Каждый должен отвечать за работу на своем участке и в будущем постараться ликвидировать все допущенные недостатки и просчеты. Маке отметил, что вина Беляева в том, что он недопонял вопрос о важности разведения поголовья лошадей в нашей республике, о том, что это является доходной отраслью животноводства. Тем самым Беляев нанес большой вред развитию этого поголовья животных.

Кроме того, Бейсебаев М.Б. остановился также на некоторых принципиальных вопросах, связанных с кадрами. Он считал виновным лично Беляева, и привел ряд примеров.

Выступление Маке и в этот раз резко отличалось от высказываний предыдущих наших товарищей своей правильностью, объективностью и в тоже время принципиальностью. В его выступлении искренне звучала забота о насущных проблемах, которые встречаются повседневно и повсеместно в жизни республики, и их решение требует более пристального внимания и ответственности со стороны каждого члена ЦК партии, каждого члена бюро ЦК КПК Казахстана.

В заключении тов. Брежнев сказал, что по итогам обсуждения будет принято постановление и по всей вероятности тов. Беляеву придется самому делать выводы. По прошествии нескольких дней состоялся пленум ЦК КП Казахстана. Тов. Беляев Н.И. был освобожден от занимаемой должности, 1-м секретарем ЦК КПК был назначен тов. Кунаев Д.А.

Председателем совета министров вместо Кунаева назначили Ташенова Жумабека Ахмедовича, который в то время работал председателем президиума Верховного Совета республики. После Ташенова Председателем Президиума Верховного Совета республики стал Шарипов Исагали Шарипович.

Тем временем прошло полтора года, и встал вопрос о Ташенове Ж.А. На бюро ЦК КПК была приглашена и я. О недостатках в работе Ташенова доложил тов. Кунаев Д.А. Все члены бюро выразили недовольство в связи с работой Ташенева Ж.А., говорили о его личностных недостатках, о грубости и т.д. В своем выступлении Масымхан Бейсебаевич говорил объективно и правдиво, коснувшись лишь его отдельных недостатков. В результате приняли во внимание мнение большинства членов бюро, высказавшихся об освобождении тов. Ташенева с поста председателя Совета министров. На следующем пленуме Председателем Совета Министров был утвержден Дауленов Салкен Дауленович, потом снова Кунаев Д.А., затем Бейсебаев М.А. и Ашимов Б.А.

Говоря о Масымхане Бейсебаевиче, могу сказать только хорошее. Маке был человек исключительно человечный, честный, принципиальный. Он постоянно заботился о людях, о кадрах, с кем ему приходилось работать.

В МИНИСТЕРСТВЕ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

В июле 1966 года меня пригласили на бюро ЦК компартии Казахстана, предложили опять новую работу. Я должна была стать министром социального обеспечения КазССР. Перед этим мне было предложено поехать в Восточный Казахстан председателем облисполкома. На это я не могла согласиться. У меня дети были еще маленькими, а супруг – больной человек. Я не могла осложнить жизнь членов семьи. Тогда мне было другое предложение – пойти председателем комитета республиканского горно-технического надзора. Работа эта мне была известна. Она требовала постоянных командировок по республике. Надо было ездить по промышленным предприятиям, объектам строительства. Это означало, что половину рабочего времени проводить вне дома. От этого предложения тоже пришлось отказаться. Мне было сделано соответствующее внушение, и меня отпустили.

Спустя пару недель опять стояла на бюро ЦК. Вопросы социального обеспечения мне были знакомы еще с Караганды, когда принимала своих посетителей. Будучи депутатом местного и Верховного Советов, еженедельно принимала своих избирателей. Большинство вопросов были ко мне именно по пенсиям, группе инвалидности, помещение в дома престарелых, психохроников, по протезированию и другие. Этими вопросами приходилось заниматься и в Совете Министров и в облисполкоме. Знала, что работа в собесе не из легких.

За доверие мне поблагодарила членов бюро ЦК, дала согласие работать в Министерстве. Это было время,

когда не все министерства, ведомства в республике имели свои хорошие помещения. Минсобес временно занимал помещения старого протезного завода. Здесь же находился стационар, медтехника слуховые аппараты, протезы, оптика.

В те годы действовало Постановление союзного правительства, запрещающее строить административные здания для министерств, ведомств. Пришлось искать и найти выход из создавшегося положения вместе с обществом глухих.

Мы решили построить здание для размещения производственного предприятия для глухих. Потом по готовности через некоторое время в здании временно поместить аппарат Минсобеса. Так и вышло. Пришлось строить четырехэтажное здание в темпе и сдавать его в эксплуатацию. В этом здании министерство оставалось в течение 25 лет. В период перестройки там разместился Департамент труда и социальных дел.

Мне необходимо было знакомиться с делами, выезжая на места в облисполкомы, райсполкомы, в отделы соцобеспечения, присутствовать на заседаниях комиссии по назначению пенсий. Эта работа занимала у меня не один год.

Само положение, Закон о пенсионном обеспечении, казалось бы, умещался в одну книжечку, а для практического применения при назначении пенсий имелось много разъяснений, комментариев. Владеть этим – это первейшая обязанность работников системы. Бывая часто на местах, мне пришлось убедиться, что работники системы занимали весьма плохие служебные помещения. Весной и осенью в них было сыро из-за дождей, а зимой холодно.

Пришлось все это обобщить, специально обратиться с письмом в Совет Министров. На моем письме впоследствии была резолюция заместителя Председателя Совета Министров Иксанова Мустахима Биляловича в адрес облисполкомов с просьбой об улучшении условия работы райсобесов.

Действительно, эта резолюция вскоре возымела свое действие. В республике повсеместно улучшилось дело с помещениями для работников системы социального обеспечения.

Следующий этап работы — это вопрос состояния кадров в социальном обеспечении. Квалифицированных кадров было мало. В самом министерстве людей с высшим образованием было 4%. Это начальники и их заместители, частично референты. В остальном, работники были со средним, неполным средним, даже начальным образованием.

От такой картины я пришла в ужас. Ясно, что с кадрами на местах не лучше, если не хуже.

Я обратилась с письмом опять в Совет Министров, чтобы обязали облисполкомы повернуться лицом к расстановке кадров для системы социального обеспечения. Одновременно просила, чтобы нам разрешили построить учебное заведение для подготовки своих кадров. Просила, чтобы выпускников юридических вузов в плановом порядке направляли к нам.

Пришлось открывать постоянно действующие месячные курсы по повышению квалификации при Минсобесе. Впоследствии мы построили техникум в Талды-Кургане для подготовки кадров. Но правительство распорядилось часть выпускников с нашего техникума направлять для работы в систему Министерства Юстиции, министром был Бекайдар Жусупов. По их просьбе еще одну треть выпускников направили в систему народного образования. К нашему огорчению, к нам пришла только одна треть выпускников.

В работе министерства было много нарушений — это незаконное назначение пенсий, пособий, незаконное противоправное определение группы инвалидности и много другого, с чем приходилось постоянно бороться. В аппарате ввели новый контрольно-ревизионный отдел по борьбе с хищениями, присвоением государственных бюджетных средств. На борьбу с этим злом приходилось тратить много времени и сил.

Правительство СССР совершило много нового в обеспечении пенсиями, пособиями и средствами передвижения инвалидов войны, были предусмотрены льготы по лечению, отдыху, бесплатному проезду в пределах страны. На все расходы ежегодно выделялось помногу миллиардов рублей.

Вопросы назначения и выплаты пенсий перевели на

долю выплатных центров. Для этого построились ВЦ во всех областных центрах и г.Алма-Ата. Улучшились вопросы протезирования инвалидов. Был построен главный протезный завод.

С большим удовольствием вспоминаю о товарищах, работниках системы социального обеспечения. Это Гиндина Мирра Исааковна, Павличенко Валентина Дмитриевна, Потапова Маргарита Михайловна, Бивальд Олег Емельянович, Альжанова, Бабуров Михаил Муратович, Богданов Василий Афанасьевич и другие.

В областях работали Дуйсенбина Нурбану, Оспанова Рауза Зейнуловна, Поротиков Павел Никитович, Аубакиров Сармолда, Асенов Омар, Сейткулова, Утегенов Сакен Хайдарович, Мухамеджанов Толеш Айтмухамедович, Айтжанов Башир и другие.

Заместителями министра были: Забугин И.Е., Аскеева К.А., Ковалев П.А., Черепанов Н.А., Шатковский А.Ф., Шамжанова Роза. Все они работали в разные годы и продолжительно.

Многие работники были награждены орденами, присвоены звания «Заслуженный юрист» республики, «Заслуженный экономист».

К нам стали приезжать из других республик Союза, даже с Запада. В 1970 году к нам приехал министр труда и социального обеспечения ФРГ г-н Арендт. В 1973 году приехал министр Швеции г-н Асплинг со своими соратниками. Живо интересовались нашим законодательством, работой. Они посещали наши дома престарелых и инвалидов, знакомились с системой обществ глухих и слепых и их предприятиями.

По личному приглашению министра Швеции Асплинга я и министр России Комарова Дина Павловна посетили Швецию, знакомились с их постановкой дел социального обеспечения.

Нас стали приглашать для участия на международных форумах, конференциях. В СССР социальное обеспечение тогда было самым лучшим в мире. Бывало, когда наши люди выступали за рубежом, их выступления всегда встречало интерес и одобрение участников.

ЮБИЛЕЙНАЯ СЕССИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ АССОЦИАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ (МАСО)

В июне 1966 г. меня с облисполкома перевели министром социального обеспечения республики. После года работы я поехала в Ленинград для участия в работе юбилейной сессии, посвященной 40-летию образования МАСО – международной ассоциации социального обеспечения. На сессию были приглашены представители из 66 стран мира. От СССР участвовали все министры соцобеспечения союзных республик. От Казахстана были: Дюсембина Нурбану, заведующая Целиноградским областным отделом социального обеспечения, Аубакиров Сармолда – заведующий Карагандинским облсобесом, Павличенко Валентина Дмитриевна – заведующая пенсионным отделом министерства, работники собеса из Павлодара. Мы разместились в гостинице «Астория». Работа сессии проходила в Таврическом дворце. В день открытия председателем сессии была Лыкова – министр СССР. Работа сессии проходила интересно. Выступающие говорили на языках своих стран с синхронным переводом. Темы выступлений были социальное обеспечение, социальная защита, их развитие на всех континентах мира.

Лыкова вкратце коснулась социального обеспечения в СССР, в том числе пенсионном. Наше государство не требовало от трудящихся никаких взносов – перейти на пенсию, значит перейти на иждивение государства. У нас присутствовал социалистический принцип распределения материальных благ – «каждому по труду». Заработать пенсию – не значит отдавать часть своего заработка государству, как в капиталистических странах. Это значит, своим трудом заслужить обеспечение за счет государства, за счет общества. Кто имеет права на государственную пенсию? Рабочие, служащие, колхозники, а также военнослужащие.

Она сказала, что мужчина может перейти на пенсию в возрасте 60 лет, при этом стаж у него должен быть 25 лет,

а женщина в возрасте 55 лет при стаже работы 20 лет. В случае инвалидности от общего заболевания мужчинам в возрасте 50 лет нужен был стаж всего 14 лет, женщине – 11 лет.

Пенсионное обеспечение зависело от условий труда. Тем, кто работал в тяжелых условиях или в горячем цехе, предоставлялись льготы. Они давали право мужчине уйти на заслуженный отдых в 50 лет при стаже 20 лет, а женщине – в 45 при стаже 15 лет.

Если в первый день своей трудовой деятельности человек получил увечье на производстве, он имел право на пенсионное обеспечение. Если человек спасал жизнь людей или народное добро, либо вступил в схватку с преступником и получил инвалидность, он имел право на пенсию.

Образцовое выполнение гражданского долга давало право по закону на персональную пенсию, за особые заслуги перед государством. Право на пенсию имели нетрудоспособные члены семьи, потерявшие кормильца. Но и тут в основе лежал труд. Пенсия зависела от стажа умершего кормильца. Однако, если причиной смерти стало трудовое увечье или профессиональная болезнь, стаж здесь не требовался.

Размер пенсии может исчисляться по среднемесячному заработку любых пяти лет подряд из последних пятнадцати лет работы. Следовательно, каждый вправе выбирать период, когда работал наиболее производительно и имел больший заработок. При определении размера пенсии при этом обязательно учитывались состояние здоровья и семейное положение. Право на пенсию в СССР находилось в одном ряду, как право на труд и отдых, бесплатное медицинское обслуживание и образование.

Речь Лыковой была горячо встречена всеми участниками сессии в виде долго несмолкающих аплодисментов. Действительно, в то время система социального обеспечения у нас по всем статьям была самая лучшая в мире, за исключением некоторых капиталистических стран, как США и Швеция.

О работе сессии была выпущена книга «40 лет МАСО» с иллюстрациями и фотографиями. Сессия оставила у

всех участников незабываемые впечатления, особенно у иностранцев.

По окончании сессии по нашим просьбам, Федорова Алексея Федоровича – министра соцобеспечения Украины, дважды Героя Советского Союза, бывшего партизана, командира партизанского соединения на Украине, и моей, участникам сессии показали достижения г. Ленинграда в социальном обеспечении. Дома для престарелых, дома для инвалидов взрослых и детей, Дворец для ветеранов Октябрьской социалистической революции и социалистического труда. От всего увиденного все были в восторге. Здесь проживали заслуженные люди, пенсионеры Союзного значения в количестве 100 человек.

Этот дворец до революции был чьей-то собственностью, сохранился в первозданном виде и находился под охраной государства. Золотая отделка, лепные украшения, изваяния – за всем следил горисполком, архитекторы городской архитектуры.

Мы в этот дворец приехали, когда у них закончился завтрак. Одни собрались кто куда на работу. Выглядели они справно. На них были надеты китайские макинтоши, модные в то время, шляпы. Многие из них читали лекции в Высшей партийной школе, Академии общественных наук, посещали комсомольские, пионерские организации, школы – рассказывали о виденном, пережитом, о революции.

Это были, в основном, одинокие люди, без семьи, детей, которые могли бы присмотреть за родителями. В беседе с нами они высказывались о том, что из-за высоких потолков тепла маловато, им хотелось бы жить в теплом здании. Но для строительства у ленинградцев в то время не было средств, соответствующих ассигнований. Ветераны выражали удовлетворение за уходом за ними, за их государственное обеспечение, за заботу о них советского правительства, благодарили коммунистическую партию. Потом мы тепло с ними попрощались, пожелали им здоровья, долголетия, счастья.

Затем мы поехали смотреть предприятия, где работают инвалиды по зрению и слуху, принадлежащие Обществу глухих и Обществу слепых. После осмотра я пришла к

выводу, что эти учреждения для инвалидов находятся в лучшем положении, нежели у нас в Казахстане, особенно в материально-техническом обеспечении. Отсюда у них лучше производительность труда и продукция. Мне думалось, что эти недостатки у нас обязательно искоренятся, но для этого нам нужно было в Москве поработать в соответствующих инстанциях.

После осмотра Дворца для ветеранов лично у меня в голове вертелась мысль о строительстве в республике Дома для ветеранов революции и труда, то есть для союзных пенсионеров.

Как я раньше упомянула о том, что и в Караганде в Алма-Ате на прием ко мне, как депутату, приходили люди по мере освобождения их с мест заключения «Карлага» в Карагандинской, Акмолинской областей, женского лагеря «Алжир» и других мест. Это были, в основном, политические заключенные. Они просили меня помочь устроить в дома престарелых и инвалидов. Это были заслуженные люди. Себя они называли «политкаторжанами». На это у них были соответствующие документы. К этому времени они были одиноки, без семьи, детей и других родственников, разумеется, без жилья. На приемах в соответствующих инстанциях им нужной помощи не оказывали.

По их просьбам и жалобам мне приходилось обращаться вплоть до Министерства социального обеспечения, с тем, чтобы их поместили в дом престарелых и инвалидов. Ответы приходили отрицательные, что дома перегружены, нет свободных мест. Действительно, это было так. В этом мне потом пришлось убедиться, когда стала министром.

Зная, что система социального обеспечения нуждается в таких домах для престарелых и инвалидов, используя все каналы, стала добиваться необходимых ассигнований, строить их, и немало, стараясь поместить в них всех нуждающихся, в том числе одиноких пожилых людей и инвалидов, взрослых и детей. Со временем нам удалось построить спецдомов столько, сколько было необходимо.

Вследствие этого, по регионам республики уже не было людей, нуждавшихся в помещении в наши дома. Например, в городе Капчагае на берегу моря построили дом для

престарелых на 300 коек. Наполняемость людьми в них шла медленно, план койко-мест не выполнялся. Поэтому мы решили перепрофилировать этот дом в санаторий для ветеранов.

С этим вопросом обратились в ЦК КПК, в Совет Министров, Госплан. Вроде одобрили наши предложения, но были отдельные возражения, экологов, метеорологов, что здесь постоянно дующие ветры со стороны моря, создадут им неудобства. Пришлось с этим мнением считаться, вопрос оставили. Теперь этот дом функционирует нормально, план койко-мест перевыполняется.

За счет строительства новых домов для престарелых и инвалидов, пансионатов и расширением имеющихся за счет дополнительного строительства, была создана достаточно хорошая база. Такие же условия были созданы и для детей-инвалидов.

СТРОИТЕЛЬСТВО ДОМА ДЛЯ ВЕТЕРАНОВ РЕВОЛЮЦИИ И ТРУДА

По приезде из Ленинграда, с Сессии МАСО членам коллегии Министерства, в первую очередь, доложила о сессии МАСО, об итогах ее работы, высказала им о своих задумках, идее о строительстве Дома для ветеранов революции и труда в Алма-Ате, для пенсионеров Союзного значения. Члены коллегии поддержали меня в этом вопросе единогласно, выразили полное одобрение. Но как теперь добиться строительства, средств для осуществления наших планов?

Я решила начать этот вопрос с нашего республиканского Госплана и временно не информировать об этом руководство правительства. В республике все дома для престарелых и инвалидов шли по графе «жилье». Я зашла к Кузнецову Семену Семеновичу, заместителю председателя Госплана, которого знала еще с Караганды, встречалась с ним по нашим потребностям не раз. Но

на просьбу предусмотреть на будущий 1968 год в плане нового строительства немного средств на проектирование задуманного дома, он отказал, но обещал, что на 1969 год обязательно предусмотрит. Тем временем, получилось так, что Кузнецов С.С. ушел на пенсию. На его место назначили Сагимбаева Гарая Калапашевича, отличного экономиста, многоопытного человека. Но мой вопрос ни с места, мотивы – республике мало дают на жилье.

Одновременно в горисполкоме стала добиваться земельного отвода для Дома. Но и тут предстояли свои трудности. Пришла я к председателю горисполкома Кенесу Мустахановичу Аухадиеву. Он все понял, но подходящего места в предгорьях не оказалось. Мы с ним подробно рассмотрели генеральный план застройки города. Оказалось, что все элитные участки уже заняты под строительство. Оставались только Калкаманские участки земли. Это западные дальние участки города. Тогда не было здесь подходящего городского транспорта, редкие единичные автобусы. Это нас никак не устраивало, учитывая контингент пожилых людей. Тогда глава города предложил нам участок в черте города, в юго-западной части. Здесь было 15 частных строений-домишек на площади 2,5 га земли. Необходимо было переселить 15 семей, предоставив им соответствующее жилье. Нам пришлось на этот вариант согласиться.

Впоследствии, горисполком освобождал нам этот участок в течении полутора лет. В конечном итоге, теперь проектно-сметная документация была готова, мы добились в Госплане на начало строительства средств, но кто будет строить? Госплан для этого наметил строительный трест «Главалматастрой». Дело в том, что в эти годы трест был еще маломощным, не всегда отличался качеством и сроком строительства, объекты сдавал со множеством недоделок. На это предложение Госплана я отказалась.

Проектировщики, архитекторы во главе с директором проектного института «Алма-Атагипрогор» Нурмаковым и заслуженным архитектором Сариевым, основной исполнитель, много уделили внимания с тем, чтобы проект Дома удовлетворил бы желаниям заказчика, Министерства социального обеспечения. Действительно,

проект получился хороший, красивый Дом-дворец. Его сметная стоимость составила более двух миллионов пятисот тысяч рублей, сравнительно и недорогая, если учесть, что только строительный объем жилой части составил 4500 кубических метров, не считая гаража, других хозяйственных помещений и строительства терренкуров с благоустройством и с закладкой плодовых садов вокруг Дома.

Кстати, еще до начала строительства Дома нам предстояло с Госстроем рассмотреть ряд спорных вопросов, связанных с экспертизой проекта. Госстрой по каждому разделу проекта давал заключение. Заместитель Председателя Госстроя т. Музыка Степан Фатеевич неоднократно присылал в министерство свои письма с требованием исключить из проекта применение ряда строительных отделочных материалов, таких как черного, цветного мрамора, исключить гипсовую отделку, лепку, художественные украшения балконов, потолков в вестибюле и на этажах. К нашему сожалению, в то время как раз вышло Постановление Совета Министров СССР «Об излишествах в строительстве объектов», там было много пунктов, в том числе о строительных материалах, об их экономии, удешевлении и тому подобное. В то время в СССР, особенно в нашей республике, был большой дефицит строительных отделочных материалов. Я в этом убедилась, когда работала в облисполкоме.

Мне приходилось лично ходить в Госстрой, взяв в руки их письма-заключения экспертизы по проекту Дома, где указывалось в них убрать, снять с проекта те или иные излишества. Нам приходилось упорно доказывать обратное, что если снять эти «излишества», то объект теряет свое назначение, смысл. Степан Фатеевич, человек исключительно принципиальный, умный, весьма добропорядочный. Он все хорошо понимал, но, в то же время, должен был защищать позицию Госстроя. Я даже вынуждена была говорить о том, что все мы состаримся, неизвестно, какая она старость у нас окажется. Все мы заслуживаем своим трудом того, чтобы жить в добротной квартире, со всеми удобствами, красиво и тому подобное. Между собой почти не спорили, была почти мирная

задушевная беседа. В итоге, он сказал, что свои письма с Минсобеса не отзовет обратно, а «Вы делайте, что хотите, по окончании строительства Вы лично будете держать ответ перед Правительством». Я на это дала согласие. Вот так благополучно закончилась наша встреча, объяснения. Мы пожали друг другу руки.

На предварительную приемку Дома меня пригласил заместитель Председателя Госстроя Сейдалин Рустем Аббасович, сказав: «Ваше детище закончено, будете смотреть», хотя я уже на пенсии. Дом нас удивил красотой, хорошим качеством, изяществом. Кроме меня, сюда был приглашен и Гончаров Леонид Борисович, генеральный подрядчик. Надо сказать, что Дом построен сугубо по проекту, без единого изменения, все «излишества» сохранены.

Мне хочется сказать о Гончарове Л.Б. В течении пяти лет мы с Гончаровым работали рука об руку. Я в Совете Министров, будучи заместителем Председателя, была непосредственным куратором Гушосдора (впоследствии Министерство строительства автомобильных дорог и мостов), который строил автомобильные дороги Союзного, Республиканского значения. Работали дружно, дважды напоминать им мне не приходилось. По всем показателям было выполнение плана, а то и перевыполнение.

Теперь, когда мы искали хорошего толкового подрядчика, я вспомнила о Минавтодоре – Гончарове Л.Б. Сначала я получила категорический отказ. Он был перегружен на 250 процентов строительством юбилейных объектов к 60-летию республики. Тогда попросилась на прием к Председателю Совета Министров Ашимову Байкену Ашимовичу. Получив на то согласие, я предупредила Нурмакова с тем, чтобы они взяли с собой основные чертежи и макеты Дома.

Кстати я раньше не информировала Председателя Правительства и секретаря ЦК, делая это специально, боясь, что могут отказать в строительстве такого большого объекта. Все наши дома для престарелых и инвалидов в республике обычно строятся за счет финансирования в народнохозяйственном плане по графе «жилье». При защите плана на будущий год нам всегда приходилось

тратить много сил и энергии, нервов – это общеизвестная картина. Поэтому на сей раз, я решилась впервые открыть наши «секреты» по Дому, признав свою вину. Байкен Ашимович даже заулыбался. Я рассказала, что финансированием мы обеспечены, вопрос только о подрядчике-строителе. Когда о Гончарове Л.Б. повела речь, Байкен Ашимович тут же отказал, мотивируя тем же, что и сам Гончаров Л.Б. Понятно, а как быть? Байкен Ашимович обещал переговорить с Кунаевым Д.А. Мы все должны были идти к нему на прием.

Когда мы шли в ЦК по дороге, я Нурмакова предупредила, что по приходе к нему, не ожидая моей команды, сразу развернули бы чертежи и расставили макеты на столе слева в кабинете, так как Димеке любил смотреть сначала чертежи и макеты, только потом переходил на разговор. Так и получилось. Димеке внимательно смотрел на чертежи и спросил, что это за объект, он очень большой. Тут я вступила в разговор. Коротко изложила суть, показывая на чертежах поэтажный план Дома, одновременно показывая это на макете.

Вижу Димаш Ахмедович меняется. На лице у него появляется радостное выражение. Задает вопрос за вопросом, на которые отвечают то Байкен Ашимович, то я, то Нурмаков с Сариевым. Меня Димаш Ахмедович спрашивает, есть ли финансирование. Когда я ответила утвердительно, спросил, зачем же мы все здесь. Я ответила, что у меня нет подрядчика и прошу помощи. На вопрос кого я хочу видеть подрядчиком, я называю Минавтодорог. Димеке не задержался, сразу сказал, что это невозможно. Тут я сильно расстроилась, говорю, что и так задержались с началом строительства. Теперь вовсе не начнем.

Димаш Ахмедович подошел к своему столу, подняв трубку, переговорил с Гончаровым Л.Б. Слышно в трубку. Сначала похвалил Гончарова Л.Б., что сам он смотрел тот объект, что все идет хорошо, получил ли то, что он просил у него и т.д. К концу разговора Димеке перешел на вопрос о строительстве Дома и т.д. Леонид Борисович сказал: «Димаш Ахмедович, я в курсе дела». В конце разговора Леонид Борисович дал свое согласие выступить Генподрядчиком. Димаш Ахмедович поблагодарил Леонида Борисовича за гуманность.

Я сильно обрадовалась, да не только я, у всех на лицах появилась радость. Мы поздравили друг друга, пожали руки. Теперь Димаш Ахмедович спросил, есть ли в Доме сауна, предусмотрены ли палаты люкс. Ответила утвердительно и на другие вопросы.

Между тем, уважаемые Нурмаков с Сариевым прошептали мне на ухо, что люксов не проектировали. Везде полулюксы, но это не трудно перепланировать за два дня. Я сказала, что опять надо искать деньги, кто их даст, тогда они сказали, что все сделают, и денег не будут просить на это. В отношении люксов я тут же поправилась Димаш Ахмедовичу, что они будут. Впоследствии, ребята быстро переделали полулюксы на люксы, их стало теперь 12. Все лечебные кабинеты, начиная с ванн, саун, были расположены на первом – подвальном этажах.

Димаш Ахмедович здесь рассказал нам историю, связанную с Гувером, президентом Америки. Он был человек одинокий, без семьи и детей. Последнюю часть своей жизни коротал в Доме для престарелых. Он занимал там квартиру из шести комнат, прожив несколько лет в этом доме, скончался.

Смысл данного рассказа о Гувере до меня не доходил, я поняла это гораздо позже.

Этот Дом функционирует более двадцати лет в системе социального обеспечения. В первые годы после ввода в эксплуатацию здесь проживали заслуженные люди, ветераны республики. За последние годы, особенно в период перестройки, были неоднократные попытки со стороны влиятельных и имущих лиц приватизировать это учреждение. Но их попытки не увенчались успехом, благодаря усилиям общественности.

После сдачи Дома в эксплуатацию, примерно, через два года я пришла навестить моих товарищей. Первый человек, которого я встретила, была Балжан Бультрикова, бывшая министр соцобеспечения, зампред Совмина. Они отдыхали вместе с мужем, оба давно на пенсии. Мы с Балжан сидели в беседке. К нам подошел поздороваться Гафу Каирбеков, поэт, Абдильда Тажибаев, писатель. После смерти жены, находясь в Доме, написал поэму «Карттар уйінде» или «В доме ветеранов».

Здесь же жили Алтайбаев Жусупбек с супругой, бывший главный редактор сатирического журнала «Ара». Находясь в Доме, он перевел с русского на казахский язык книгу «Золотой теленок» И.Ильфа и Петрова. В переводе книгу назвал «Алтын торпак». Я говорю ему, почему так назвали? «Алтын бузау» же. Он ответил, что перевод самого названия и текста романа были трудным и мучительным. Если назвал бы «Алтын бузау», то книга вместе с авторами потеряла бы свою ценность. Бузау есть теленок, а торпак – уже не теленок, а более разумная скотина. На это все отдыхающие от души посмеялись.

Ветеранов революции и труда год от года становится все меньше. Теперь Дом переименован в «Пансионат для ветеранов войны и труда». После отмены всяких льгот ветеранам Великой Отечественной войны, в том числе возможности отдыхать и лечиться в любых здравницах республики, этот Дом оказался отдушиной для них.

Кстати сказать, мы планировали построить второй такой дом в г. Караганде, но в силу сложившихся экономических обстоятельств не удалось это осуществить. Другие союзные республики запрашивали у нас этот проект с целью построить такой же Дом у себя. Впрочем, и в других республиках Союза это никому не удалось из-за отсутствия средств.

ПОЕЗДКА В ЖЕНЕВУ НА 52 СЕССИЮ БЮРО МЕЖДУНАРОДНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА (МОТ)

На сессию делегация выехала поездом из Москвы. Нас было много. Представитель правительства СССР в моем лице, представители профсоюзов, предпринимателей, представители от Украины, Белоруссии. Глава делегации – председатель комитета по труду СССР, Волков. В делегации были профессора, ученые, переводчики, машинистки.

Поезд Москва – Брест, сюда были прицеплены вагоны в Варшаву, Вену. Наш вагон Москва – Вена. Удивительно

удобные купе. Со мной советник Пилипчук Нина Ивановна, она же переводчик много лет разъезжавшая по зарубежным странам, и машинистка Вера.

Отъезжавших провожали семьи. Меня провожал работник нашего представительства, что меня обрадовало. Выехали 1 июня 1968 года. Проехали Смоленск и другие города.

Ехать было удобно, все время смотрела в окно, запоминаю пейзаж Белоруссии, где воевал Галым. Были видны одни леса и леса. День был хороший, солнечный, на небе ни единого облачка. Когда-то выжженные земли и населенные пункты, теперь не узнать, все восстановлено. Впереди Брест, Минск. За несколько минут до Бреста проводник дал заполнить бланк выезда из СССР. Затем собрал наши паспорта вместе с бланком. Затем заинтересовался представитель погранвойск, потом таможенный представитель интересовался наличием денег у нас. Нина Ивановна сказала, что на четверых у нас шестьдесят рублей.

Брест – красивый город, вокзал большой, современный. После Бреста нас все время проверяли польские пограничники. Здесь народ такой же как у нас. Можно было видеть часто мемориальные доски о погибших людях, где не были указаны фамилии, а только имена. Они были зверски замучены фашистами. Польские разъезды и деревни выглядели хуже наших. Видимо, это объяснялось тем, что в войну не были разрушены, и в них давно не было ремонта. Городки ближе к границе внешне выглядели лучше. Земельные наделы небольшие, но ухоженные. Пастухи пасли коров в оградах, разделенных на квадраты. Видимо, хорошо следят за использованием своих пастбищ.

Поезд подъехал на станцию «Варшава». Стояли недолго, всего полтора часа. Мы за это время погуляли по перрону, отдохнули и затем выехали в Вену в этом же вагоне, но в составе другого поезда. Конечно опять одно за другим, проверки, и нам спать пришлось немного.

Утром приехали в Вену, где нас встретили посольские товарищи. После небольшого отдыха пошли осматривать город. Видели памятники, монументы Гете, Шуберту и другим. А в городском парке памятник-композиция

Иоганну Штраусу из черного мрамора, где он со скрипкой в руке, вокруг него амуры, музы. Жители любят свой город, парк. Сюда приходят отдыхать, гулять.

У австрийцев традиция, для взрослых и детей, надевать для показа засаленные грязные кожаные шорты своих предков, оставшихся в наследство от знаменитых родителей, деда, прадеда. Особенно молодежь была одета в национальные костюмы. Присборенная юбка, кофточка со сборками с нашивами из гипюра, жилет. Очень красиво. Они им идут, они ими гордятся.

В Вене нас пересадили в поезд Вена – Цюрих. Носильщики живо подвезли наши вещи, взяв с нас по 5 шиллингов. Вагоны поезда шире наших на 20 – 30 см. Постель новая, красивая, мягкая. Удобное освещение, раковина сине-белая. Заснули в 11 вечера.

Проснулись в половине шестого. Но мне надо было сфотографировать Швейцарские Альпы, знаменитую гору Монблан. Не повезло. В это время в горах туман еще не рассеялся. Природа такая, как наше Боровое. Горы, леса, реки, хвойные деревья и лиственница. Швейцарцы были одеты скромно в неяркие тона. Цветовой стиль в одежде не соблюдали. Ярко одевались только путевые рабочие в оранжевые костюмы. В то время нам это было еще не знакомо. Это отличает их от остальной публики и для безопасности.

Дороги интересные. Проехали Цюрихское озеро. По его берегам одни дома отдыха, пансионаты. Полно отдыхающих. В Цюрих поезд прибыл рано утром. Проводники быстро нас выгрузили с поезда Вена-Цюрих. Также быстро погрузили в поезд Цюрих-Женева. Здесь вагоны были для сидячих по два человека. Удобные мягкие кресла. Швейцарцы – больше пожилые люди. Мне показалось, что у них большая продолжительность жизни. Через три часа приехали в Женеву. Нас повезли в гостиницу «Century». Гости из Советского Союза всегда останавливались в этом отеле.

Меня разместили в одноместном номере – люкс с кухней, необходимой посудой на три персоны. Еду мы могли готовить сами. Отдохнув, поехали во Дворец Наций. До войны этот дворец назывался «Дворец Лиги Наций»,

монументальное здание с великолепной архитектурой, удобно спланированное для ведения больших собраний, сессий, форумов международного масштаба.

Швейцария обладает статусом постоянного нейтралитета на протяжении более чем полутора веков. Ее «вечный нейтралитет» провозгласили и гарантировали в декларации, подписанный в 1815 году на Венском конгрессе.

Это страна с давними демократическими традициями. Швейцария на протяжении более ста лет является убежищем политэмигрантов из Франции, Италии, России. Они находили укрытие в этой стране. В ее лесах и привольных долинах, среди снегов и цветов, нашли прибежище политэмигранты со всего света, кто хотел дышать «воздухом свободы».

В общей сложности около девяти лет прожил в этой стране вождь российского пролетариата В.И.Ленин, начиная с 1906 года по 1916 год апрель месяц. В этом промежутке, бывало, он и оттуда вынужденно выезжал в другие страны Европы, боясь преследования российской жандармерии. Только в Женеве Владимир Ильич сменил 18 квартир. Одну из них мне удалось посетить.

5 июня 1968 года, в первый день заседание началось со знакомства с участниками, главами делегаций стран СЭВ, с порядком работы. Познакомились с польскими и чешскими главами делегаций.

Отдохнув пару часов с Надеждой Кузминичной, пошли на Женевское озеро. Здесь много детей и подростков с лодочками. Они приходят ближе к вечеру, отвязывают лодочки и идут плавать на них. На озере много белых лебедей. Лебеди людей, лодок не сторонятся, плавают среди них, как ни в чем не бывало.

В середине озера большой высокий фонтан бьет из под воды. Его высота 128 метров. Говорят, что это единственный в мире фонтан. Секрет его еще никто не знает, строго засекречено. К фонтану вел специальный пирс для обслуживающего персонала. Посторонних не допускали. Это всеобще известное узаконенное обстоятельство. Вообще на озере много других пирсов. Горожане отдыхали на берегу. У многих яхты свои. Когда шли на озеро и обратно по пути проходили рядом с дворцом Полины Виардо, подруги Ивана Сергеевича Тургенева.

Наше пребывание в Женеве совпало с традиционным ежегодным выпускным балом студентов Женевского университета. Студенты разных национальностей собирались, организовывали вечер на улице, во дворе университета. Они готовили свои национальные блюда и угощали ими друзей, а посторонних за деньги. При этом неплохо заработали. Арабы, африканцы и другие в национальных костюмах пели и танцевали. Нас угостили арабскими шашлыками, бубликами, пивом.

Здесь были студенты, в основном, из Европы, но были и арабы, африканцы. Почти половину выпускников составляли русские парни и девушки. Я разговаривала с девушкой из Парижа, которая заканчивала факультет русского языка и литературы. Ее предки из России. Они приехали в Европу в канун революции. Она нам рассказала, что из 1600 выпускников университета 860 – русские. Все они из разных стран мира, но большинство из Швейцарии.

Побыв здесь часа полтора, пошли в кафе Ландольта, которое посещал еще Ленин и другие русские эмигранты. Хозяин кафе был с нами весьма любезен. Его отец, теперь метрдотель, рассказал нам, что он хорошо знал Ленина, сам его обслуживал, будучи хозяином кафе. Во времена Ленина его сын был десятилетним «мальчиком на побегушках».

В кафе стоял длинный, весь изрезанный перочинным ножом, дубовый стол. Мы сидели за этим столом. Нам принесли по бокалу пива, на закуску стружки вяленого говяжьего мяса, со вкусом хорошего «сервелата». Хозяин сказал, за этим столом всегда сидел Ленин со своими соратниками. В его память сохранили этот стол. Мемориальной доски не ставили на здании, соблюдая и в этом нейтралитет. Мы здесь около часа сидели, поговорили и ушли в прекрасном настроении.

В свободные дни и часы старались увидеть Женеву – город с населением более двухсот тысяч человек. Город аккуратный, чистенький. Население дружелюбное, внимательное. Если приходилось что-нибудь спрашивать, то объясняли досконально. Бывало, что отвечали по-русски в магазине, на улице. Я поняла, что в Женеве много русских.

В городе чистый воздух. Дороги, тротуары чистые.

Четко работал городской транспорт. Производственных предприятий не имелось. Были два надомных часовых сборочных завода. Сюда привозили все детали для часов, причем известных фирм. По готовности сборки хозяин забирал часы, оставив привезенные партии следующих деталей для сборки. Заводская контора состояла всего из двух комнат квартиры. Заводоуправление тоже из двух человек, директор и бухгалтер (он же шофер).

В целом, заводская себестоимость часов невелика. Но продают часы очень дорого. Я себе купила ручные часы за 800 франков. Это, примерно, средняя заработная плата служащего. Но часы стоят этой платы. С тех времен и до настоящего времени часы точно отмеряют время.

В 1968 году в Швейцарии насчитывалось сто одиннадцать международных банков, куда кладут деньги богатые люди со всего мира. Я думаю, что Швейцария неплохо живет на проценты с этих прибылей банков.

Мы ездили по Женеве в удобном городском транспорте. Таким образом, первые два дня мы знакомились с городом.

На 52 сессию Международной организации труда, начавшуюся 5 июня 1968 года прибыли делегаты из 66 стран. Пленарное заседание было коротким, затем заседал комитет по социальным вопросам. Председатель – представитель правительственной группы Югославии, Попович. У него два его заместителя, оба из Австрии. Представитель профсоюзов Австрии – Вейсенберг и представитель предпринимателей Австрии, Тучка. Здесь проходило первое обсуждение вопроса о пересмотре конвенции №24 и №25 о страховании по болезни.

Для рассмотрения проекта заключения, подготовленного международным бюро труда, был создан комитет из 149 членов: 66 – правительственные представители, 43 – представители профсоюзов, 40 – представители предпринимателей. В работе комитета принимали участие в правительственной группе – СССР, УССР, Венгрия, Румыния, Чехословакия, Польша, Югославия и Куба. В группе предпринимателей – представители предприятий Польши, Румынии, Болгарии. В группе трудящихся комитета – из профсоюзов СССР, УССР, Чехословакии, БССР, Монголии, Венгрии, ВКТ Франции и Италии. Председателем сессии была канадка, госпожа Гельбер.

С заседания сессии мы втроем вернулись на автобусе в гостиницу, отдохнули немного, поели и пошли подышать на берег озера. В городе воздух с повышенной влажностью.

Утром должен был выступать на пленарном заседании наш глава делегации Волков. Мы хотели его послушать, но были заняты у себя в комитете. Тем не менее, нам удалось послушать Волкова и успеть на свой комитет. Его выступление нам понравилось.

Теперь, на послеобеденном заседании — мое выступление на пленарном заседании сессии. Дело в том, что сначала комитет, а потом сессия должны были обсуждать проекты стран, привезенные с собой для рассмотрения с последующим принятием за основу будущей международной конвенции по пособиям по временной нетрудоспособности граждан.

У меня на руках наш ответ на запросы Бюро МОТ по проекту конвенции. Я должна была защищать наш проект при обсуждении участниками стран на сессии.

В своем выступлении я рассказала, что

По пункту 6.

В соответствии со статьями 120 и 121 Конституции СССР назначаются и выплачиваются пособия по государственному социальному страхованию:

1. Пособие по временной нетрудоспособности
2. Пособие по беременности и родам
3. Пособие на рождение ребенка
4. Пособие на погребение
5. Пособие по переквалификации

Право на пособие имеют все трудящиеся СССР, на которых распространяется социальное страхование.

1. Пособие по временной нетрудоспособности выдается:

при болезни, связанной с потерей трудоспособности

при санаторно-курортном лечении

при болезни члена семьи, в случае необходимости ухода за заболевшим

при карантине

при временном переводе на другую работу в связи с заболеванием туберкулезом или профессиональном заболевании (силикоз)

при протезировании с помещением в стационар протезно-ортопедического предприятия

По пункту 7.

Пособие выдается в следующих размерах:

а) при непрерывном стаже работы на одном и том же предприятии или учреждении:

до 3 лет – 50% заработка

до 3-5 лет – 60% заработка

от 5 до 8 лет – 80% заработка

от 8 или более лет - 100 % заработка

б) Рабочим и служащим, не достигшим 18 лет, 60 % заработка.

в) Работающим инвалидам Отечественной войны – 100% заработка независимо от непрерывности стажа.

Страница 2 – 3 Положения

Пособие выдается, если нетрудоспособность наступила в период работы, включая и время испытания, также, если нетрудоспособность наступила в день увольнения, в пути во время направления на работу, в командировке и т.д.

Пособие выдается независимо от продолжительности работы, до наступления нетрудоспособности.

Пособие рабочим и служащим выдается за все дни болезни во время очередного отпуска. Отпуск продлевается на время нетрудоспособности по б/листку, а также, если число отпускных дней недостаточно для полного лечения и проезда в оба конца к месту лечения – санаторий.

При временной нетрудоспособности вследствие болезни пособие выдается, начиная с 1 дня болезни и до ее излечения.

За время работы сессии в комитете я выступала 6 раз. Это в рабочем порядке, где приходилось защищать нашу точку зрения по тем или иным вопросам, пунктам проекта будущей конвенции №24 и №25. Пунктов проекта конвенции около 50. Из них по 43 пунктам я давала поправки.

Иногда над одним словом, выражением, даже запятым приходилось застревать. Например, мы застряли на вопросе о медицинской помощи. Целый день прошел, и не обсудили ни одного пункта. Господа капиталисты не хотели предоставлять минимум медпомощи бесплатно трудящимся. Вот так, каждый раз разгорались страсти.

Представители социалистических стран свою работу проводили в комитете в тесном контакте друг с другом. За время работы сессии дважды собирались на совещания и совместно обсуждали позицию в связи с представленными поправками. Таким контактам в значительной степени способствовала личная позиция председателя комитета, представителя правительства Югославии Поповича. Он подходил к нам, с каждым из нас беседовал, разъяснял важность той или иной поправки, собирал голоса для этого. За нас были даже скандинавские страны.

В составе финской делегации была Куусинен Херта Отто Вильгельмовна. Она дочь секретаря ЦК КПСС Куусинен Отто Вильгельмовича. Мы с ней познакомились. Она хорошо говорила по-русски только наедине, при посторонних изъяснялась через переводчика. Она являлась членом бюро компартии Финляндии. Для нас было важно заиметь лишний голос по отдельным вопросам, поправкам.

Приходилось часто готовить материал на завтра уже поздним вечером, за счет сна. Приходилось спать по 2-3 часа, но мы защищали свои позиции. Представитель Румынии часто отсутствовал на заседаниях комитета. Представитель Польши часто голосовал вместе с капиталистическими странами.

Среди правительственных членов комитета наиболее активную позицию занимали представители США, Канады, Нидерландов, Австрии, Австралии и Ливана. При этом следует заметить, что их поправки были направлены на ослабление текстов международных актов, на ограничение категорий лиц, подлежащих обеспечению, на сужение сферы действия конвенций, уменьшения размера пособий по болезни и перенос ряда важных положений из конвенции в рекомендацию.

Группа трудящихся комитета, наоборот, внесла целый ряд прогрессивных поправок, значительно улучшающих представленные тексты заключений, направленные на принятие конвенции и рекомендации и отвечающие интересам трудящихся.

При обсуждении п. 43 мною лично была внесена поправка, предлагавшая, чтобы лицам, подлежавшим

обеспечению денежным пособием по болезни, предоставлялись пособия в случае неявки на работу не только в связи профилактическим лечением, карантином, но и в связи с протезированием. Поправка была принята комитетом при поддержке трудящихся и многими правительственными делегатами.

Большинство остальных поправок, представленных к проекту рекомендации, были отклонены или сняты их авторами. Текст заключения, выработанный комитетом, был представлен на обсуждение пленарного заседания конференции и принят без возражений.

Конференцией также была принята резолюция о включении в повестку дня следующей сессии вопроса о пересмотре конвенции № 24 и №25, о страховании по болезни для второго обсуждения.

Через несколько дней после рассмотрения ряда пунктов в проекте я выступила на пленарном итоговом заседании. Я отметила, что впервые присутствовала в работе сессии МОТ и с большим интересом участвовала в работе его комитета по социальному страхованию, обсуждавшего столь важные вопросы.

Вопрос о пересмотре конвенции №24 и №25 о страховании по болезни был поставлен своевременно. Эти конвенции были приняты в 1927 году и во многом устарели и не соответствовали уровню социального обеспечения нетрудоспособных во многих странах. В СССР систематически проводили в жизнь мероприятия, по дальнейшему развитию социального страхования и улучшения охраны здоровья трудящихся. Так постановлением Совета Министров СССР от сентября 1967 года был повышен размер пособий до 100 % заработной платы рабочим и служащим, имеющим стаж работы свыше 8 лет.

Мне пришлось критиковать представителей отдельных стран за их явный уклон от необходимости положительного решения того или иного весьма актуального вопроса.

О втором моем выступлении на пленарном заседании сессии была напечатана статья корреспондента телеграфного агентства Советского Союза от 26 июня 1968 года.

Право на социальное страхование и обеспечение является, как и право на труд, одним из основных прав человека. Знаменательно, что мы обсуждали этот вопрос в 1968 году, который был объявлен генеральной ассамблеей ООН Международным годом прав человека.

С первых дней своего существования СССР расходовало огромные средства на пособия по социальному страхованию. Если в 1913 году на всей территории Казахстана работало всего 196 врачей, имелось 78 больниц, то в 1968 году в Казахстане насчитывалось 24000 врачей и более 2000 лечебно-профилактических учреждений, не считая 16 медицинских научно-исследовательских института.

Затем предложила принять один международный акт, с тем, чтобы предусмотреть единую систему обеспечения для всех трудящихся с тем, чтобы устранить возможную дискриминацию для лиц, занятых в различных отраслях народного хозяйства. По поручению делегаций соцстран я поблагодарила председателя комитета Поповича, господина Зеленка, председателя МОТ и секретариат, переводчиков. Это было поддержано группой трудящихся во главе с Вейсенберг и другими.

Мое выступление было воспринято хорошо, судя по дружным аплодисментам. В перерыве ко мне подошли и тепло пожимали руку мои оппоненты, которые все время возражали против моих предложений во время обсуждения по проекту конвенций. Это американец Иоффе и его единомышленники. Мне потом Нина Пилипчук сказала, что они переживали, как ко мне обратиться «Мадам» или «Мадемуазель». Дело в том, что на мне не было обручального кольца. Все же они подошли ко мне, чтобы поздравить с хорошим полезным выступлением.

Нас пригласили работники нашего представительства поехать на экскурсию по городам вокруг Женевского озера, но из-за отсутствия времени, мы отказались. Но работа сессии шла к завершению, и в последнее воскресенье мы с работником представительства Вероникой поехали на экскурсию, сначала по городу, потом на озеро.

По пути на большом расстоянии остановились у города Веве, где на пригорке стояла вилла Чарли Чаплина. Она

была довольно большая. Вероника нам поведала, что у него много детей, начиная со взрослых до дошкольного возраста, у них бывает много приезжих гостей.

Еще она рассказала о дочери Сталина Светлане. В тот год (1968) весной после поездки в Индию Светлана исчезла. Ее след простыл, в Союз не возвратилась. Оказывается, она на самолете добралась до Женевы и осталась там, на два месяца, где отдыхала, а затем объявилась в Америке. Об этом ее перелете и пребывании ни швейцарское правительство, ни местные женевские власти не знали. А ведь тогда без официального разрешения властей Союза зарубежные поездки были запрещены. В Индии Светлана оказалась по поводу похорон мужа – индийца.

После Чаплинского города мы приехали в город Монтре. Что интересно, города между собой границ не имеют. Один город – продолжение следующего. По всему побережью озера вплотную расположены маленькие, не имеющие исторического значения, города, поселки (дома отдыха, поселки, кемпинги). Женевское озеро с трех сторон окаймлен горами – Итальянскими, Австрийскими, Швейцарскими Альпами. Везде воздух чистый. За экологией тщательно следит правительство, мэрии городов.

Шильонский замок в г. Монтре стоит на воде. Его нижний этаж в далекие времена был тюрьмой. Как я уже писала Байрон, путешествуя по Европе, написал «Шильонский узник» и вырезал свою роспись на столбе. Приятно было после Греции снова увидеть следы Байрона.

Благополучно завершилось наше многодневное пребывание на сессии МОТ, где разработали и приняли документы, как основу новой международной конвенции по социальному обеспечению, социальному страхованию.

ПОЕЗДКА В УГАНДУ ОТ КОМИТЕТА СОВЕТСКИХ ЖЕНЩИН

В 1972 году я поехала во главе делегации женщин Союза в одну из бывших колоний в Африканском континенте – в Уганду.

Как повествует история, это первая английская колония в Африке. Уганда занимает территорию в 230000 кв. км с населением 9,8 миллионов человек (оценка 1970 г.), официальный язык – английский.

Глава государства – президент, избранный на пять лет на выборах после государственного переворота 25 января 1971 года, генерал-майор Иди Амин, до него был Оботе А.М.

После получения независимости Уганда была провозглашена республикой в 1967 году. Высший законодательный орган – национальное собрание. Единая профсоюзная организация – Конгресс труда. У президента законодательная, исполнительная и военная власть.

В 1961 году, по решению ООН, Уганда получила свободу и независимость от Англии. Англичане ушли от управления Угандой, но, как мы убедились, традиции колонизаторов были еще живы.

В целях повышения эффективности действующих кооперативов правительством был учрежден кооперативный банк, предоставив ему соответствующий кредит. 90% производства кофе, обработка всего урожая хлопка приходилась на кооперативы. Совокупный общественный продукт, созданный в промышленности, составил 509 млн. шиллингов (оценка 1969 г).

Недра Уганды чрезвычайно богаты полезными ископаемыми, их добывают иностранные компании – Канада, Америка, Великобритания и другие. Молодая, независимая Уганда пока проживала небогато, только в пределах своих возможностей. Ей несколько помогали страны СЭВ СССР. Советский Союз в Уганде, вернее в ее столице Кампале, построил текстильную фабрику, а

также учебные заведения, колледж, в которых они начали готовить свои кадры, в том числе механизаторов сельского хозяйства.

После приобретения независимости правительство осуществило ряд преобразований с целью установления государственного контроля над ведущими отраслями экономики. Национальное собрание утвердило акты о частичной национализацией всех иностранных банков. Государству перешли около 60% акций канадской медной компании, американской страховой компании и т.д.

Осуществление этих мероприятий затронуло интересы иностранного капитала и местной буржуазии, обострило внутриполитическое положение в стране. Над всей территорией республики сохранилось чрезвычайное положение, введенное после покушения на Оботе А.М., был убит бригадный генерал П. Окойо и другие. Государственный переворот не удался. Великобритания предоставила заем на сумму 47 млн. шиллингов.

Уганда богата минеральными ресурсами. Что касается сельского хозяйства, то кроме хлеба у них есть все. Хлеб завозят. Природа благоприятная, овощи, фрукты, цитрусы. В год дают по два урожая.

В делегации нас было немного, всего четыре человека со мной, трое женщин из России. Мы привезли с собой подарки угандийским детям от комитета советских женщин. Мы должны были ознакомиться со страной, экономикой, работой женских организаций, которые выполняли большую общественную работу.

Нас встретили в аэропорту (скорее, аэродроме, в поле аэропорта не было) представители общественности, в том числе, одиннадцать президентов – женщин, стольких же из женских организаций. Встреча была с цветами, радушной. Среди встречавших были сотрудники нашего посольства и корреспондент газеты «Правда» в Уганде. Послом здесь был Захаров, бывший первый советник посла в США, Добрынина. Захаров был здесь новым послом, работать начал к тому времени всего три месяца. Советник посла нас, четырех женщин, взял в свою машину. Пока мы ехали в город, успел нас ознакомить с обстановкой в Уганде,

подробно рассказал о президенте страны, хотя мы еще в Москве имели о нем сведения.

Мы побывали в детских учреждениях, садах и яслях. Очень интересны и их микроясли, микродетсады. Няни – женщины и няни-мужчины. Группы от 5 до 10-12 детей. Их в городе много, также в деревнях по микрокварталам, матери этих детей работали. Плата за пребывание детей небольшая. Всем детям, где бы мы ни побывали, раздавали наши подарки. Они были весьма рады этому.

Погода, климат в Уганде благоприятные, несколько напоминают наши южные области в Казахстане, разница только в повышенной влажности, зимы почти не бывает. Земля вся красная или красно-оранжевая. Хорошо произрастают в садах лимоны, апельсины, грейпфруты, бананы, ананасы и многое другое. В год они дают по два урожая. Мы видели лимонное дерево, которое уже в цвету для второго урожая, в тоже время первый еще не убран. Они, попадавшие, лежат под деревьями. Кстати в ресторанах все эти цитрусы и соки из них в графинах стоят на столах, в сторонке, их можно брать, сколько желаете, они бесплатные. Картофель у них сладкого сорта, говорят, что другой не растет. Из крупного рогатого скота видели буйволов. Мясо очень жесткое, чтобы сварилось, нужно 6 часов. Все гостиницы и рестораны полны туристов.

В Уганде соседствуют несколько религий: мусульманская, католическая и другие. В столице имеются мечети, церкви. В соответствии с составленной хозяевами программе, мы побывали в мечети и церкви.

Нас пригласили в главную мечеть. Она находилась на пригорке. Мечеть богатая, порядки строгие, надо одеваться так, чтобы кроме лица и ладоней все было закрыто. Посетили и христианскую церковь. В них, так же, как и везде. шла служба.

Мы были также в их, по-нашему «аулах», деревнях, где негры еще ходят наполовину прикрытые. Хозяева кооперативов рассказывают и сами смеются, говоря, что когда ждут гостей, им предлагают переодеться, дают необходимую одежду, трусы, майки, но после гостей одежду тут же снимают, приобретают прежний полуголый вид, с фиговым листом.

Жизненный уровень у народа Уганды вполне сносный, о нищих и разговора нет. Сама природа не дает им голодать, если даже безработный.

Президент негр, мусульманин, образование высшее, окончил университет в Лондоне, экономист. Ему было 42 года. По законам шариата президент имел четыре жены. Старшая Мариам верховодила над остальными. Младшая Фатима с высшим образованием, закончила Сорбонну, экономист, являлась помощником президента. Это была симпатичная довольно хрупкая негритянка, мусульманка. За месяц до нашего приезда она родила мальчика. Няня принесла его показать нам в красивом приданом. Мы подарили подарки, специально приготовленные в Москве. Родители были довольны, сердечно нас за это благодарили.

Президент нас принял в своей резиденции. Это квартира его младшей жены Фатимы. Кстати, все остальные три жены имеют свои квартиры. Они живут со своими детьми, причем детей у каждой не мало. Все четыре дома на четырех углах, очень большой площади и территории. По рассказам наших сведущих людей все дома президента живут между собой дружелюбно. Тем более его дети дружны, как одна семья. Наши женщины из делегации недоумевали. Мне все это было понятно, так как казахи жили в прошлом также. Это я знала по книгам, преданиям, рассказам старших.

Президент вместе с нами принял у себя также всех одиннадцать женщин президентов женских общин своей страны. Он их поддерживал, доверял, поощрял их действия. Он информировал нас о положении дел в стране, об экономике, в то же время о временных трудностях после деколонизации.

В столице Кампале мы посетили заводы, фабрики, в том числе табачную фабрику, где заняты одни женщины, мебельную фабрику, цеха по производству картона и изделий из них, также цех по производству для экспорта, в основном, туалетной бумаги.

По дороге на Нил находится и занимает довольно большую территорию национальный парк Уганды. Мы по парку ехали очень медленно, чтобы посмотреть на обитателей – зверей и животных. Когда совсем близко подъехали, приостановили машины и заметили, в первую

очередь, на большой скорости несущихся к нам кабанов. Они совсем близко подошли к машине, шофер им дал продолжительный сигнал, кабаны также скоро отбежали.

По направлению к нам спокойно шла семья из трех слонов, один был слоненок, несколько дальше была еще семья слонов, их было пять, с ними тоже был слоненок. За деревьями виднелись два жирафа и одна бегущая зебра. Видели спокойно идущих двух львов, на дереве лежал леопард. Говорили, что леопардов осталось только два.

С деревьями в парке было не густо. Были колбасные деревья, на них висят плоды, очень похожие на колбасу по цвету и величине. Их жирафы не трогают, не едят. На этих деревьях листьев не было видно.

Уже время было к вечеру, решили больше не задерживаться. Подъехали к левому берегу Нила, здесь река течет не бурно. Ходят паромы, на которых перевозят грузы и пассажиров. На пароме мы перебрались на правый берег, где отель, удобно устроились. Туристов много.

Утром после завтрака в ресторане нас пригласили для поездки на озеро Виктория, где берет начало река Нил. Это оказалось недалеко, минут через двадцать мы были уже на берегу озера. На наш взгляд озеро большое, берегов на горизонте не было видно. Оказывается, мы стояли на самом истоке Нила с озера Виктория. Здесь ширина истока реки составляет около двух с половиной метров, глубина около 30-40 сантиметров, на дне истока камни, галечник. Трудно поверить, что такая мощная река как Нил вытекает спокойно, медленно. Как говорится, по этому исключительно прозрачному истоку «курица перебежит».

Когда я увидела стоящий здесь красный столб, своим глазам не поверила. На столбе по-английски написано: «Исток реки Нил открыт впервые путешественником Генрихом Шлиманом в 1856 году». Вот все это я записывала в своем блокноте. Таким образом, через двенадцать лет я во второй раз встретила фамилию неутомимого путешественника археолога Генриха Шлимана, увековеченную на столбах первый раз в Греции в Микенах и второй раз у истока Нила у озера Виктория.

Мы на машинах вернулись вниз по дороге по правому берегу реки к месту посадки на прогулочный катер. Он шел

медленно, всего около часа. Нас надо было доставить к подножию водопада Виктории, высота которого 26 метров. Это все мы учили в школе по географии. Катер шел вверх по реке. Мы успевали посмотреть то на правый берег, то на левый.

На левом берегу в густых зарослях крупных деревьев обитали обезьяны. Их было много. Это обезьяний парк, в нем от маленьких до весьма крупных пород обезьян. Большинство хвостатых обезьян при приближении катера становились оживленными. Они с гиком мигом забирались на большие деревья, также мигом с них спускались, демонстрируя свою ловкость. В просеках деревьев ближе к воде важно медленно ступали всякие райские птицы, в том числе венценосные журавли. Кстати, венценосные журавли – это герб Уганды, на их флаге и везде. Вдали бегали страусы, крупные размером больше осла.

На правом берегу лежали, отдыхали крупные крокодилы длиной по 5 – 6 метров. Они, разинув пасть под 90 градусов, лежали и на их зубах паслись, гуляли множество мелких птиц «санитаров». Они кормились и чистили их зубы. Мелкие крокодилы шныряли по воде, но к катеру не приближались.

Интересно смотрелись бегемоты. Они привыкли к прогулочным катерам, заигрывали. Пока катер еще не приближался, то во весь свой рост стояли в воде, а когда катер приближался, то всем своим могучим телом опускались в воду, оставив наверху только свои выпученные огромные глаза и кончик носа. Когда мы отъезжали, они снова поднимались из воды и стояли во весь рост напоказ.

В Ниле много крупной рыбы, так называемый «нильский карп». Нас в Кампале в гостях в доме корреспондента «Правды» Васильева угостили этой рыбой. Мясо белое вкусное. Итак, маленькая речушка Нил, вытекающая из озера Виктория, забирая по пути течения множество маленьких речушек, мощной полноводной рекой впадает в Асуанскую плотину в Египте, чтобы выработать колоссальную электроэнергию для Египта и других ближних государств.

К сожалению, у меня с собой не было фотоаппарата, чтобы зафиксировать виденное. После посещения реки Нил и национального парка Уганды у меня в голове мелькнула

мысль, что любимец детворы, да и взрослых, незабвенный писатель Корней Иванович Чуковский бывал наверняка в Африке и на радость читателям написал свой «Доктор Айболит». Все, что есть в книжке, абсолютно совпадает с действительностью, которой мы были свидетелями.

В республике есть правительственная служба радио и телевидения. По просьбе их руководства я выступила по телевидению с тридцатиминутным интервью о стране Советов, о Казахстане.

По приезде мы посетили советское посольство, обговорили наши действия и дела в дни нашего пребывания.

По просьбе посла я прочитала лекцию о Казахстане специально для советской колонии сотрудников, которые в Уганде работали в различных сферах деятельности, начиная с работников самого посольства, разных атташе и других. Присутствовало около 500 человек, т.е. полный кинозал посольства. Лекция заняла больше часа. Захаров сказал, что он сам лично много почерпнул от лекции, так как много лет работал вдали от родины и не обо всем был в курсе. Поблагодарил меня за помощь ему и всем нашим сотрудникам в Уганде. Я в свою очередь этому была тоже рада.

Когда я пишу эти строки, то мне четко вспоминается этот далекий и красивый уголок Африки с его благоприятным климатом, богатыми природными ресурсами, тогда еще не разведанными молодой независимой Угандой. Железо, расплавленное самой природой, лежало под ногами, валялось коржами, кусками на земле, на ее поверхности.

О богатстве недр Уганды полезными ископаемыми говорит то, что к тому времени иностранными инвесторами получены черновой меди–16,5 тыс. тонн, оловянной руды – 245,0 тыс тонн, вольфрама–182 тонн, стали – 20 тыс. тонн, бериллия – 313 тонн, цемента – 176,0 тыс. тонн и другое.

Угандийцы производили табак – 1,5 тонн, хлопчатобумажной ткани – 50,5 кв. ярдов, сахара – 169,0 тыс.тонн, кофе – 241 тонну, чая – 17,7 тонн. Поголовье животных, в том числе крупного скота – 4145,0 тыс. овец и коз – 3500,0 тыс. и улов рыбы – 115,0 тыс.тонн.

Общий объем экспорта республики – 1412,0 млн. шиллингов. Импорта – 910,0 млн. шиллингов. Первое место в импорте принадлежало Великобритании.

Думается, как по истечении более тридцати лет живется сейчас в Уганде, ведь им помогал СССР и страны СЭВ? Любопытно и интересно.

ПОЕЗДКА В ШВЕЦИЮ

В состав делегации входили: Комарова, министр социального обеспечения РСФСР, Василий Зверев, начальник отдела социального обеспечения Новосибирска, Николай Коротков, заместитель начальника отдела министерства РСФСР и я, министр социального обеспечения КазССР.

В феврале 1973 года министр Швеции по труду и социальным вопросам Свен Асплинг со своими работниками приезжал в Советский Союз. Сначала они были в Москве. Их принимали в Министерстве социального обеспечения РСФСР. Затем приехали к нам в сопровождении первого заместителя министра Бабкина.

Кстати, до этого мы принимали министра ФРГ Арендта с его сотрудниками. Они пребывали в течение пяти дней, знакомились с нашей работой по социальным делам в республике.

В том же духе мы принимали и шведов в течение шести дней. В министерстве мы ознакомили их довольно подробно с постановкой вопросов о пенсиях, пособиях, о социальном страховании. Они интересовались нашим законом, положением о пенсиях, их многогранной стороной. Каждый раз выражали нам свое одобрение, даже восхищение.

Затем мы показывали предприятия общества слепых, общества глухих, где инвалиды занимались производством довольно полезных и нужных предметов потребления для народного хозяйства. Министры Арендт и Асплинг очень интересовались в отношении налогов на предметы производства этих инвалидов.

Мы им каждому рассказывали, что, несмотря на попытки финансовых органов обложить эти общества

налогами, нам удавалось убедить финансистов в обратном. В результате эти общества налогами не облагались. Все вопросы с протезированием рук и ног у нас были решены полностью бесплатно. Протезирование зубов, слуховых аппаратов тоже проводились за счет государства. За время протезирования на производстве сохранялась им заработная плата полностью и многое другое.

Асплинг со своими людьми интересовался жизнью престарелых, инвалидов в наших домах. Они также смотрели и дома для детей-инвалидов. Интересовались и вопросами трудовой занятости престарелых и инвалидов, как они занимались спортом, гимнастикой, оздоровлением самих себя.

Мы возили гостей в колхоз «Алма-Ата». Тогда председателем был Манько, Герой Социалистического труда. Они угостили гостей бесбармаком, для этого специально зарезали барана. Манько преподнес Асплингу голову барана, рассказав о национальных традициях. Для шведов это было сюрпризом. От нас гости уехали в прекрасном настроении, довольные. Вслед за этим я получила благодарственное письмо от Комаровой Н.П. за прием министров Арендта и Асплинга.

11 июня 1974 года мы прилетели в Стокгольм на аэродром «Арланда» с заведующим международным отделом Эриком Стенном и нашими посольскими сотрудниками. Асплинг вручил нам букеты прекрасных ранних роз. Розы мелкие, оказывается, в Швеции больше не вырастают. Гвоздики и ромашки же нормальной величины.

Стокгольм от аэропорта находился в 40 км. Сначала шла старая часть, там, где шведы впервые в 17 веке начали поселяться и строиться. Следом располагался современный Стокгольм.

Пока летели в самолете, пейзаж за иллюминатором казался похожим на сибирский: леса, луга, пригорки, желтые горчичные поля. Разница в том, что здесь много озер. Действительно, Швеция страна на тысячах островов.

Погода была хорошая, 21 градус тепла, заметный ветерок, все же пахнет севером. Деревья, в основном, береза, сосна.

Нас устроили в гостинице «Гранд отель», номера удобные, одноместные люксы. Отель был основан в 1874 году. Мы приехали, выходит, в его столетний юбилей. Нам предложили программу пребывания, она должна была быть напряженной, так и вышло.

Через некоторое время выехали к Министру труда, здравоохранения и социальных дел. Он представил нам своих ответственных работников, потом у нас состоялась двухчасовая беседа.

Министр Асплинг сказал, что в их стране последние годы произошли большие изменения в связи с иммиграцией населения. Пришлось им все пересмотреть, касающееся социально обеспечения. К концу 1974 года предстояли значительные изменения. Пенсионный возраст уменьшался с 67 до 65 лет. Особо должен был уменьшиться пенсионный возраст людей, занятых в тяжелых отраслях производства. Должны были получать пенсию инвалиды детства. Источник средств для выплаты им пенсии, в основном, от предпринимателей, работодателей.

Общий контингент пенсионеров около 4 миллионов, в том числе, при неполном стаже более 1 миллиона человек. Престарелым пенсионерам, особенно, инвалидам первой группы помощь по всем вопросам оказывалась на дому. К этому времени средняя продолжительность жизни составляла 78 лет. С 1973 года была введена реформа всеобщего зубного протезирования, также всеобщая подготовка детей к школе с 6 лет. В 1971 году был принят закон о передаче всех аптек государству.

С 1 января 1975 года должен был вступить в силу закон, разрешающий матери аборт до 18 недель, свыше этого срока с разрешения органов здравоохранения и социального обеспечения. В Швеции аборт был запрещен в 1938 году.

Была осуществлена реформа о переходе на пятидневную рабочую неделю с 40 часовым рабочим днем в месяц. Была снижена плата за лечение и за визит к врачу. Министру подчинялась самая крупная больница «Каролинска». Остальные медицинские объекты подчинялись губерниям. В 1972 году был принят закон об уменьшении квартплаты многодетным семьям.

В целом, государством были приняты много актов и положений, улучшающих благосостояние людей.

Алкоголиков, наркоманов здесь лечили открыто, без изоляции. Это давало свой положительный эффект. Дома инвалидов для взрослых и детей спроектированы для совместного их проживания. Это интеграция взрослых инвалидов и детей инвалидов. Их быт, занятость считались полезными для нормального проживания.

Мы с Диной Павловной пришли к единому мнению, что в Швеции все социальные вопросы хорошо решены. Многие аспекты вопросов совпадали с нашими, по размерам пенсии, у них больше, остальное даже еще лучше, за исключением возраста и стажа. Они время от времени понижались.

Мне трудно сейчас судить, какие еще положительные перемены произошли за эти годы, 1974-2005 гг., в их социальных вопросах. Нам казалось, что шведы народ суровый, по натуре скромнее, чем другие европейцы.

Когда мы шли к министру, в коридоре висели 32 портрета бывших министров, вывешенных на стене. Портреты были в одинаковых рамках и размера. Я про себя подумала, что нам подобное не помешало бы.

Мы поехали на завтрак во дворец «Фюрспаннет-Сундбюберг», где жил Асплинг, министр социального обеспечения Швеции. Что здесь интересно было для нас? Стол был накрыт, даже меню на столе. Но кроме четырех винных фужеров и ножей и вилок, на столах пусто, никаких закусок. Затем появился главный организатор, подошел к Дине Павловне, у него в руке меню и карандаш, показал меню и спросил: «Вам полную порцию или половину?». Я это сразу не поняла. Потом догадалась и ответила: «Половину».

Но когда принесли и поставили передо мной большую тарелку с внушительного размерами отбивных, и это половинная порция, то подумала, что шведы тоже мясоеды. На столе появились закуски, каждому свое соответствующее вино. По мере еды пустые тарелки тут же убирались, ставились другие для следующего блюда. Почувствовала, как хозяева при всей щедрости очень бережно относились к продуктам, к еде. Блюдо не съеденным на тарелке не должно было оставаться. Так было потом везде.

С утра мы поехали в муниципалитет Сундбюберга. Там к нам присоединился заместитель управляющего. По программе нам организовали посещение дома престарелых, новостройки учреждений по обслуживанию контингента живущих в доме. Проживание престарелых в доме платное. Довольно не дешевое.

Мы заходили в двухкомнатную квартиру, где проживала мать четырех сыновей. Они все бизнесмены. Она женщина довольно пожилого возраста. Из-за больных ног самостоятельно не ходила. Передвигается с помощью няни. В основном она лежала или сидела на кровати. За ее проживание в день брали 250 долларов.

На первом этаже проживала женщина вдова, муж покойный был миллионером. Лет ей 65-70, ходила на своих ногах. Часто посещала зрелищные мероприятия, ходила в театр, концерты, т.е. вела нормальный интеллектуальный образ жизни. Она платила 160 долларов в день.

Этих женщин министр Асплинг лично знал. Когда мы зашли, он стал мило разговаривать с ними. Обе женщины активные в разговоре, память нормальная. Они нам успели все поведать о себе, о детях, внуках и правнуках. Они ими гордились.

Во всех домах престарелых практиковалась трудотерапия. Жильцы занимались, в основном, ткачеством на деревянном станке. Ткали небольшие коврики, дорожки. Занимались вышивкой, на них нашивались аппликации. Они шли, как сувениры и даже на продажу. Все дела регулировала администрация дома престарелых. Нам на память Асплинг подарил по одной сувенирной дорожке для столиков.

Предельно бедные или больные, не имеющие родных, т.е. одинокие, немощные из числа пенсионеров жили в доме бесплатно или за частичную плату. Нам о них рассказывали, но мы их не видели, когда заходили в палаты. Попрощавшись с дирекцией дома, на выходе видели этих бедных престарелых, сидящих на улице на скамейках, наподобие наших стариков. Внешне они выглядели хорошо.

Нам показали выставку образцов предметов, изготовленных престарелыми. Потом остановились у

генерального плана – карты данного района. Она была выполнена красиво с вышивкой и аппликацией. В это время к нам подошел архитектор района и дал пояснения. Он рассказал, что их район отличается своей архитектурой по сравнению с другими. Планировке застроек уделялось особое внимание. Это касалось, в основном, новых строек. В новых жилых домах гаражи располагались под домами. За чистотой и порядком жильцы сами хорошо следили. Квартиры для пенсионеров, одиноких и малосемейных строили одно- и двухкомнатные со всеми удобствами. Их занимали в зависимости от дохода, но платы не дорогие.

Мы посетили райсобес, в котором работали двенадцать человек сотрудников. Но если учесть, что райсобес занимается не только пенсиями, но и разными вопросами, начиная со здоровья пенсионеров, их трудоустройством и другими вопросами, то этот штат выполнял огромный объем работы. Они сами на то не жаловались.

Во дворе домов для пенсионеров школа на 900 учащихся. Это местечко (район) Холленберг со Стокгольмом соединялся через метро. Мы спустились в метро. Оно без особых архитектурных украшений, это не наше метро в Москве или Ленинграде.

На следующий день с утра посетили наше советское посольство. Послом здесь работал Яковлев Михаил Данилович. Он раньше работал первым секретарем Горьковского обкома партии. Потом ректором Московского института международных отношений (МГИМО). Оттуда он был назначен послом в Швеции. Принял радушно. Мы с послом достаточно пообщались, много говорили. В конце нашей беседы просил нас прочитать лекции для сотрудников посольства о своих республиках и сказал: «Этим вы нам очень поможете».

Мы с удовольствием согласились. Собрание, встречу с нами организовал сам Яковлев. Первое слово предоставил мне. Я рассказывала о Казахстане минут сорок. Столько же Комарова Д.П. о России. Слушали с интересом и вниманием. Посол нас в конце поблагодарил за интересную информацию о нашей стране.

В посольстве есть музей Александры Коллонтай, первого после революции наркома социального обеспечения

РСФСР и первого посла СССР в Швеции. Здесь были выставлены ее личные вещи, книги, картины, портреты и фотографии ее семьи. Заметна некоторая память о ее родителях, об отце и матери Домонтович. Также были выставлены предметы домашнего обихода: серебряные вазы, сервизы. Правда, жизнь А. Коллонтай была весьма скромной, особенно в одежде.

Мы вспомнили фильм «Посол Советского Союза». Действительно, там реалистично показана ее жизнь, работа посла, ее скромный гардероб. Народная артистка Борисова исключительно талантливо сыграла роль посла и женщины, непревзойденного дипломата. Нам музей понравился.

В дни нашего пребывания нас постоянно сопровождала жена посла Евгения Ивановна, симпатичная дама. Официально она не работала, рабочее место не занимала, зато в полную силу работала на общественных началах. В вопросах была абсолютно компетентна, ее считали хорошим помощником мужа-посла. Из ее интересной информации мы много почерпнули, познали о Швеции. В ее сопровождении посетили школы, детсады, ясли, объекты бытового обслуживания и магазины.

В Швеции молодежь не спешила создавать семью. Сплошь и рядом это совершалось в возрасте к 30-40 годам. Что интересно, у них процент разводов малый – 10%. В школах уроки сексологии проходят, как предмет, с пятого класса. Наркомания, алкоголизм у шведов в то время были в расцвете. С этим злом боролись в государственном масштабе. Полиция разгоняла притоны, но они живучие, переходили на новые места и продолжали по-прежнему. Как мы знаем, у нас в Союзе это зло еще тогда не просыпалось, было затишье. Наши посольские товарищи показывали эти заведения в позднее ночное время с машины, на расстоянии. Видя эти ночные притоны, клубы, мы ужаснулись. В то же время нам было жалко эту распущенную молодежь. Каждый из нас про себя подумал, что этого, слава Богу, у нас нет.

Мы посетили Национальный музей «Миллесгорден». Это на берегу озера, здесь парк скульптур. Творчество архитекторов, скульпторов разных периодов и времен. Этот музей был организован шведским архитектором и носит

его имя. От увиденного на душе стало радостнее. Рядом с парком скульптур отель «Forest». Уставшие, мы здесь посетили его ресторан.

Затем побывали на рынке труда. По стране было занято трудоустройством около шести тысяч человек, из них 56 % женщины. Их работу оплачивало государство. По стране на май 1974 года число безработных составляло 45000 человек. Это частичные инвалиды. Реабилитацию инвалидов в большинстве оплачивало государство, остальную часть суммы оплачивали коммуны.

Посетили Управление по вопросам здравоохранения и благосостояния пенсионеров, Национальный институт по определению трудоспособности инвалидов. Нас принял генеральный директор, профессор Риксад. Здесь уход за детьми от государства составлял 15 % от общего контингента обслуживаемых. Охватывались дети с 3 до 6 лет, они содержались за счет коммунных средств.

Зубоврачебная помощь оказывалась от 7 до 19 лет в поликлиниках, они проходили медицинский осмотр, это за счет губернии. Максимальная пенсия 60000 крон, минимальная 8600 крон. Налогом они не облагались.

Трудотерапевтическая больница «Каролинска» осуществляла медикаментозное лечение. В ней же проводилось лечение в порядке трудотерапии по деревообработке и металлообработке. Здесь же шли научные изыскания по протезированию конечностей. Были разработаны биоэлектрическая рука, пневматическая газовая рука, ортопедическая обувь. Созданные ими протезы вполне эффективно работали, но стоили очень дорого-9000 крон, тогда как у нас – 400 рублей. Эта больница «Каролинска» – центральная. От нее работали на местах отделения.

Вечером Риксад пригласил нас на обед в ресторан «Forest». На обеде были все члены коллегии министерства, начиная с министра. За столом управлял, по-нашему, секретарь коллегии. Было интересно то, что для званых гостей специально зарезали теленка оленя. Официант принес в большом красиво оформленном овальном блюде мясо и поставил на середину стола. Видимо, что-то очень хорошее.

Тогда, не долго думая, Дина Павловна взяла с блюда кусок мяса. При этом она приговаривала: «Ой, я это очень люблю!», – и начала есть. Я тоже взяла. Мясо на редкость мягкое, с особым вкусом. Кстати, Дина Павловна в Швеции в четвертый раз. Я обратила внимание, что в блюде позвонков с мясом был соус с сукровицей. Оттого я внезапно вздрогнула и вспомнила тут же, как в детстве нам мама варила баранью печень, причем не доваривала, давала тоже в сукровичном бульоне, приговаривая: «Ешьте, глаза ваши будут зрячими».

Тут мне не есть было нельзя. Несколько кусочков все же съела. Назавтра у меня губы были горячими и распухшими. К вечеру высыпала на них лихорадка. Три дня пришлось ходить с зеленкой на губах.

Оказывается, по шведской традиции гостям подают поясничные позвонки от оленьего теленка. Их не доваривают, чтобы не потерялся вкус мяса. Об этой шведской традиции я раньше не знала и не встречала ни в литературе, ни в справочниках.

Но я читала у Голсуорси, что есть в Англии подобная традиция, когда англичане подают блюдо, оно называется «Седло барашка», из поясничных позвонков. А у нас, у казахов традиция, когда гостю преподносят баранью голову. У нас также в почете эти шесть поясничных позвонков.

Мы прибыли в центральную Швецию или ее называют «югом севера» или же «началом севера», в город Сунсвалль. Это красивейший город. Здесь нас интересовал выплатной центр (ВЦ). Этот центр обслуживал всю страну. Здесь проводились начисления и выплаты пенсий, пособий, но и другие операции. Например, по квартирной плате пенсионеров и другие операции. Пока он обслуживал часть контингента, 1млн. 250 тысяч пенсионеров, но вскоре должны были перейти и остальные.

Электронно-вычислительная машина, обслуживающая ВЦ, была американская. Стоила дорого, ремонт ее проводился в Париже. Штат ВЦ состоял из 150 человек. Из них 78 – программисты, 5 – по планированию. Администрация – 17 человек. Остальные операторы. Для нас новшеств здесь было много. В нашей стране вычислительный центр только начинал работать. По управлению, по работе было еще много работы, хлопот.

Каждый из нас с собой привез домой по тюку литературы по ВЦ. Она была на английском языке. Вскоре, во всех наших областях были построены Выплатные центры.

В Сунсвалле в 12 часов дня дали завтрак в нашу честь от имени мэра города. На завтраке опять была оленина. На этот раз я уже была как бы привыкшая к этому кушанью. Все было нормально. Хозяин нам много рассказывал о своем городе, о его истории.

Потом ездили смотреть строящийся полный комплекс больницы. Смотрели Центр по опеке. Это спинальный центр. Посетили Центр по восстановлению здоровья. Это научно-исследовательский институт по определению потери трудоспособности. По-нашему, это врачебно-трудовая экспертиза (ВТЭК). Здесь больных помещали в отделение, от центра «Каролинска» министерства.

Из Сунсвалля полетели до города Лулео. Там нас ждал министр Асплинг. Дальше все вместе продолжили полет до города Керуна. Это столица Севера Швеции – Лапландии. Было уже 23 часа ночи. Этого не скажешь – солнце, светло, как у нас в Алма-Ате в 18 часов вечера. Солнце стояло над горизонтом на одном месте, не закатывалось.

Местность гористая. В горах вечные снега. Когда подлетали к городу Керуна, высоко в горах виднелись отработанные рудничные карьеры. Четко было видно контур карьера трапециевидного сечения. Это когда смотришь в горы. Нам Асплинг дал пояснения, что во время Второй мировой войны Гитлер здесь добывал карьерным способом марганцевистую железную руду. Она шла прямо на плавку без предварительного обогащения. Ибо содержание в руде железа было 65% на одну тонну.

По приезду с аэропорта, поскольку время было уже позднее, по совету Асплинга мы осмотрели город. Шахтерский город был красивый, благоустроенный, чистый. Наступила белая ночь. Вокруг ни души. Город спал. А вокруг, как днем. Было три часа ночи уже следующего дня.

Мы приехали в гостиницу от горнорудной компании «Лкаб». Здесь нас не ждали. Но все было приготовлено, как для приема гостей. В номере для нас стоял ужин, конечно, холодный. Это считалось нормальным, поскольку, когда нет гостей, здесь штат не держали.

Город спал по часам со спущенными черными занавесками на окнах. В гостинице мы тоже окна закрыли черными красивыми занавесками. Я тут вспомнила наше студенческое общежитие и комнату в войну. Тоже ночью подобно занавешивали, боясь бомбардировки, тоже светомаскировочные.

Поспав немного, утром после завтрака, мы поехали смотреть шахту. Там сначала зашли в механическую мастерскую, где были заняты только инвалиды. Работа была простая, подстать контингенту рабочих. Их заработок хороший. На руднике спустились в шахту через штольню-горизонтальную выработку в рудничный двор. Сразу осмотрели столовую, ламповую, гардеробную, переоделись в спецовки: плащ, каска, резиновые сапоги, рукавицы и ручной фонарик.

По мере углубления горных работ из карьера, глубже руду разрабатывали шахтой. В год шахта давала 25 млн. тонн высококачественной руды, железа – 35%. Заработная плата шахтера – 4250 крон, после удержания 50% налогов. И при этом она была высокой.

Со штольни мы поехали на легковых машинах до рудничного двора. Нас сопровождали инженер по технике безопасности и городские руководители. Выработки, путевое хозяйство запущены, вода, грязь. Интересно, шахту посещало немало туристов. Оборудование, добычная техника были такими же, как у нас в Джезказгане. Я бы сказала, что у них хуже. Зато у них управляет ЭВМ. Например, электровоз работает без машиниста с пульта управления. Стрелки переставляются автоматически. Погрузочные машины американские, бурят с тремя бурами. Надо отдать должное, в шахте нет нигде пыли. Как правило, здесь мокрое бурение. С шахты выехали чистенькие на лицо и руки.

С шахты я взяла кусочек железной руды и привезла, как экспонат. По выходе из шахты в рудоуправлении «Лкаб» несколько задержались с руководителями, побеседовали в рабочем порядке. Потом поехали в городской муниципалитет, посетили детский сад, кабинеты зубоврачебной помощи. Их зубоврачебные аппараты очень удобные.

Опять было время позднее, состоялся в честь делегации прием в ресторане «Феррум». Конечно же, с лапландской олениной. В целом, было приятное общество с руководителями компании, министром Свеном Асплингом и их людьми.

Назавтра утром нас повезли показать оленеводческое хозяйство Лапландии. Зрелище интересное, я поняла, что здесь, как у нас в Якутии. Все ходят в национальных костюмах. В июне месяце была почти зима. Они одевались довольно ярко, красочно, одежда почти вся ручной работы с вышивкой, мехами. В хозяйстве оленей тьма. Двухэтажные юрты, на втором этаже как бы холодильники, у них холодных месяцев довольно много. На жизнь не жаловались, ходили всегда в хорошем настроении. При этом жили в обычных домах.

Утром посетили музей г. Кируны и церкви. По дороге заехали в одну местность, где была выставка ручной работы. Здесь были заняты, в основном, женщины-пенсионеры. Они гордились своей работой. Министр Асплинг нам подарил по украшению из костей оленей.

С музея мы выехали в аэропорт г. Кируны. Оттуда самолетом полетели в Стокгольм в аэропорт «Орландо», проехав Швецию с севера до ее юга.

Вечером мы на прощание посетили наше посольство. Нам показали документальный фильм по экскурсии на теплоходе по озеру Байкал и сибирский хор. Наша делегация и назавтра продолжила посещение и знакомство с объектами социального обеспечения. Были в конторе Главной страховой компании, где с работниками обменивались мнениями.

По нашей просьбе были в королевской библиотеке. По истории нам было известно, что В.И. Ленин часто посещал эту библиотеку по эмиграции из России. Библиотека большая, впечатляет. Там бережно хранят уголок в специальном ограждении, где Владимир Ильич каждый раз по много часов просиживал за чтением или писал.

Нам в посольстве сказали, что здесь художник Глазунов Илья организовал выставку своих картин. Она находилась во дворе королевской библиотеки. Мы посетили выставку, чему были исключительно рады художник с женой Ниной.

Мы ходили по выставке, разъяснения давал сам Глазунов. Он раньше написал портрет Индиры Ганди и Брежнева Л.И. Оба больших портрета реалистичны. В то время художник писал портрет короля Швеции Георга V.

После осмотра картин Глазунова мы с ним тепло попрощались. Пожелали ему еще больших успехов в его творчестве. В последний день нашего пребывания с утра нас повезли на живописное озеро Биорке в местность того же названия. Стояла теплая солнечная погода. Людей было немного. Надо полагать, что здесь отдыхают, в основном, чиновники Стокгольма. По озеру нас возили на катере, объездили все берега, осмотрели и любовались красотами природы этой местности.

Прощальный обед был устроен на катере. Хозяева и мы, гости, между собой хорошо и продолжительно пообщались. Отдохнув, в гостиницу вернулись поздно вечером.

На следующий день, еще раз посетив Министерство труда и социальной защиты, со всеми тепло попрощались, пожелали друг другу успехов в наших нелегких работах. Потом поехали в аэропорт. Туда уже прибыли посол Яковлев с супругой, министр Асплинг со своими работниками. Нас все проводили букетами шведских роз.

Были и другие интересные служебные поездки. Как в Германию, Польшу и Японию. Чтобы не было повтора на них решила не останавливаться.

Послесловие

Книга Вами прочитана. Теперь каждый из Вас имеет определенное мнение, представление и суждение об авторе, о его трудовом и жизненном пути. Наконец, Вам не безынтересно, какие поощрения в своей жизни автор имел. Поэтому я решила удовлетворить Ваш интерес и сообщить о себе следующее.

1. Первая моя награда была Орден Ленина (1960 г) в бытность работы в Совете Министров.

2. Орден «Знак Почета» в честь 50-летия Октябрьской революции (1967 г), Работала в облисполкоме

3. Два Ордена Трудового Красного Знамени за период работы более 14 лет в системе социального обеспечения – министром.

4. Награждена двумя Почетными Грамотами Президиума Верховного Совета КазССР – 1974, 1990 гг.

5. Также награждена медалями – «За освоение целинных земель» разных лет: 10 лет целине, 20 лет целине, 25 лет целине, 50 лет целине.

6. Награждена Орденом «Отан».

В 2004 году 28 ноября в честь моего восьмидесятилетия Указом Президента РК Назарбаева Нурсултана Абишевича от 7 декабря 2004 года я награждена высокой наградой - Орденом «Отан». Вручение Ордена было приурочено ко Дню Независимости республики в Астане. Орден мне вручил сам Президент республики Казахстан Нурсултан Абишевич Назарбаев.

Я получила поздравления от Премьер-министра республики Данияла Ахметова, от Министра труда и социальной защиты Карагусовой Гульжан, от акимов районов, городов, областей, от руководителей ведомств, где проходила моя первая работа, а также от рабочих моих родных мест, родных, от многих друзей, товарищей, коллег.

Моя жизнь была не из легких, но, слава Богу, я счастливый человек. Я желаю всем здоровья, мирного неба, благополучия в семьях. Желаю всем счастья и добра!

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3
Рождение 5
Наша семья 7
Школа. 19
Наша гордость – Сатпаев К.И. 21
Отъезд, поступление в институт 23
Днепропетровский горный институт (ДГИ) 26
Реэвакуация института на Украину, студенческая жизнь. . . .30
Год победы. 34
Каникулы. 36
Производственная практика. 38
Отмена хлебной карточки и денежная реформа. 41
Дипломная работа. 43
Защита диплома и вступление в партию большевиков. 45
Отъезд домой 47
Устройство на работу 48
Наставления первого секретаря райкома. 53
Первая партийная конференция. 55
Свадьба 58
Карагандагипрошахт 60
Депутат горсовета 62
Избрание депутатом Верховного Совета СССР IV созыва . . 63
Депутатская работа. 65
Туберкулез. 68
Строительство психодиспансера. 70
Железнодорожная станция Моинты-Чу. 72
Балхашский водопровод. 75
Будни депутата. 76
Дегазация шахт. 83
Поездка Парламентской делегации СССР в Венгерскую Народную Республику. 87
Телецентры 94
XX съезд КПСС. 96
Галым Омаров. 100
Болезнь Галыма. 108
Несостоявшаяся поездка в Китай 109

Празднование сорокалетия Октября 111
Лечение Галыма. 113
Знакомство в больнице 116
После больницы 119
Теперь мы дома. 121
Воспоминания Абдулина Айтжана. 123
Воспоминания дочери Сатпаева К.И. 124
Майская сессия 1957 года 127
Мои особые впечатления 130
Июньский Пленум ЦК КПСС 133
Приглашение в Совет Министров. 133
Моя новая и интересная работа. 136
Газификация Алма-Аты. 141
События в Темиртау. 143
Вопросы с телефонизацией и телевидением. 144
Казахская железная дорога. 146
Автомобильный транспорт, воздушный флот 148
Автомобильные дороги. 150
Канал Иртыш-Караганда, Бухтарминская ГЭС. 152
Октябрьская сессия 1959 года. 156
Поездка в Грецию парламентской делегации СССР. 160
Встреча с Маргарет Тэтчер. 172
Казахский научно-исследовательский институт онкологии 174
Жетыгаринский асбест. 177
I съезд женщин Казахстана. 181
Высокогорная селезащитная плотина. 186
Работа в облисполкоме. 189
Встречи с людьми в Жетысу. 198
В министерстве социального обеспечения. 207
Юбилейная сессия международной ассоциации социального обеспечения(МАСО). 211
Строительство Дома для ветеранов революции и труда. 215
Поездка в Женеву на 52 сессию бюро Международной организации труда (МОТ). 221
Поездка в Уганду от Комитета советских женщин. 233
Поездка в Швецию. 240
Послесловие. 253

Зауре Омарова

ИСТОКИ

Редактор *З. Ижанов*
Технический редактор *А. Мукушева*
Корректор *Г. Сихимова*
Дизайн обложки *Р. Омаров*
Компьютерная верстка *С. Оязбекова*

Подписано в печать 28.08.06.
Формат (108x84) $^{1}/_{32}$. Тираж 2000 экз.
Условный печатный лист – 16.
Учетно-издательский лист – 17,8.
Заказ № 901. Цена договорная.

Отпечатано в типографии издательства "Өлке":
050002, г. Алматы, ул. Жубанова, 66^{Б}.
Т.: 73-22-21, 76-09-13.